E41 476

Г. 43
Е41 476
12514

С. Я. ГЕССЕН

ОКРАИННЫЕ ГОСУДАРСТВА

ПОЛЬША, ФИНЛЯНДИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛАТВИЯ и ЛИТВА

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
174308
411/3

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1926

3 экз.

313
308 (4)
Г. 43
З.В.
11095

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 174308 г.

Ленинградский Гублит № 17.318. Тираж 7.130—10 л. Заказ № 739.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа посвящена исследованию образования новых прибалтийских государств, возникших на западной окраине бывшей Российской империи, и их последующей экономической, социальной и политической жизни. В их число автором включены: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, которые до настоящего времени сохраняют свою независимость и во многих отношениях сближаются друг с другом. Остальные государственные образования на территории бывшей Российской империи, первоначально независимые, а впоследствии вступившие в состав СССР, оставлены в стороне и составляют предмет специального труда того же автора.

Каждое из перечисленных государств рассматривается в самостоятельном и законченном очерке, связанном с другими общим планом изложения и целым рядом смежных вопросов, затрагивающих в той или иной степени все окраинные государства или некоторые из них. Все очерки начинаются с выяснения постепенного оформления новых государственных образований, под влиянием войны и революции, и, освещая их последующее развитие, заканчиваются обзором их современной хозяйственной жизни и внутреннего и международного положения. Размеры настоящей книги не позволили остановиться на анализе экономических и правовых условий существования соответствующих областей в составе довоенной России. Значение этого пробела, однако, в известной мере умаляется наличием многочисленных исследований, выясняющих прежние связи между Россией, с одной стороны, и Польшей, Финляндией и Прибалтийским краем, с другой стороны. Фактические данные, на которых основано последующее изложение, доведены до ноября 1924 года. Использованные автором источники перечислены в нижеприлагаемом литературном указателе.

С момента достижения западными окраинами России государственной независимости прошло уже 6—7 лет, но до настоящего времени вопрос о зарождении и развитии их государственной жизни продолжает оставаться почти неразработанным в русской литературе. Те немногие брошюры и статьи, которые о них трактуют, сосредоточивают свое внимание преимущественно на отдельных сторонах социально-экономической или политической жизни новых государств и не охватывают поставленного вопроса во всей его широте. Между тем, экономические и политические интересы СССР и постепенное оживление его торговых и дипломатических сношений с иностранными государствами настойчиво требуют возможно более полного и всестороннего выяснения процесса возникновения и дальнейшего самостоятельного существования бывших русских окраин. В соответствии с этим, основною целью настоящей работы является освещение важнейших этапов развития каждого из независимых окраинных государств в отдельности, равно как и установление тех общих особенностей, экономических, социальных и политических, которые значительно сближают их между собою.

Ряд пробелов и недочетов фактического свойства, которые могут встретиться в настоящей работе, объясняется крайнею трудностью, а подчас и невозможностью, нахождения в современных условиях необходимых материалов, в особенности заграничного происхождения. Автор опубликовывает ее в надежде хотя бы до известной степени ознакомить читателей с тем, что происходит за советским рубежом, у наших ближайших прибалтийских соседей.

Ноябрь 1924 г.

Глава I.

Польша.

1. Возникновение Польского государства.

Поляки издавна мечтали о самостоятельной и свободной Польше. Мечтания эти неизменно связывались с ожиданием мировой войны. В соответствии с мыслью, высказанной еще Бисмарком, они считали, что только в результате крупного обще-европейского взрыва может когда-либо возродиться независимая Польша. Тем не менее война, разразившаяся в 1914 г., застала поляков в состоянии крайней политической неподготовленности и раздробленности. Большинство поляков с первых дней войны стало на сторону держав Согласия, рассчитывая получить из их рук долгожданную свободу. Однако, значительное меньшинство, мало-по-малу возраставшее в своей численности, руководимое различными соображениями, выступило за поддержку Германской коалиции. Определяющее влияние на это меньшинство оказывали: с одной стороны—социалисты Галиции и Русской Польши, во главе с Пилсудским, питавшие традиционную ненависть к России, и с другой стороны — западно - галицийские консерваторы, неизменно тяготевшие к Австрии. На почве враждебного отношения к России в этих кругах возникла мысль об оказании активной поддержки войскам центральных держав, действовавшим на восточном фронте.

Эта мысль была приведена в исполнение в самом начале войны, когда под командой Пилсудского в Галиции был сформирован особый польский легион для участия в борьбе против русских вооруженных сил. Путем вторжения этого легиона в пределы Русской Польши, его инициаторы надеялись дать толчок к национальному восстанию против давнишних угнетателей и облегчить достижение свободы бывшего Царства Польского. Военная помощь, оказываемая Германии и Австро-Венгрии, должна была, по их мнению, послужить залогом независимости подвластных им польских областей и слияния всех частей расчлененной Польши во-едино. Действительный ход событий, однако, не оправдал тех радужных иллюзий, которыми питались

в начале войны польские сепаратисты из анти-русского лагеря. Русские поляки воодушевленно сражались в рядах русской армии и всячески подчеркивали свои патриотические чувства в надежде получить по окончании войны заслуженную награду.

Царизм, со своей стороны, в самом начале мировой войны пошел навстречу польским стремлениям.

14 августа 1914 г. поляки, в отличие от всех остальных народностей, населявших Россию, получили из уст верховного главнокомандующего торжественное обещание осуществления „заветной мечты их отцов и дедов". „Пусть,—гласило воззвание,—сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он во-едино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении". Цель воззвания верховного главнокомандующего выражается весьма ясно в следующих его словах: „Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история".

Русская власть отлично понимала всю невыгодность потери богатейшего промышленного Польского района. Для облегчения своей задачи она и решилась применить этот тонкий и дипломатичный ход: национальные чувства шовинистически настроенной польской массы служили ставкой этой крупной „дипломатической" игры, рассчитанной на укрепление патриотических чувств поляков.

Цитированные обещания были облечены в расплывчатую форму. Однако, одно было ясно: воссоединенная Польша мыслилась как неотъемлемая часть единой России; ей даровалось лишь самоуправление, при чем определение реального содержания последнего откладывалось до окончания войны. Подтверждающее указание на то, что польский вопрос „во всей полноте может быть разрешен только после окончания войны", мы находим в речи председателя Совета Министров И. Л Горемыкина, произнесенной им в Государственной Думе в день первой годовщины объявления войны, 19 июля 1915 г. В той же речи он подчеркивал, что „и в эти дни польскому народу важно знать и верить, что будущее его устройство окончательно и бесповоротно предопределено воззванием верховного главнокомандующего, объявленным с высочайшего соизволения в первые же дни войны". Далее он сообщал, что „государь повелел Совету Министров разработать законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности".

Таким образом, правительственная мысль в плоскости польского вопроса развивалась в направлении, предуказанном воззванием верховного главнокомандующего. Та же точка

зрения и в дальнейшем неоднократно повторялась официальными представителями Российской империи. Так, министр иностранных дел С. Д. Сазонов в речи, произнесенной в Государственной Думе 9 февраля 1916 г., заявлял, что „начертанное на знамени России объединение расчлененной Польши, встреченное сочувственно и союзниками, и дарование ей автономии остается неизменной целью русского правительства".

Подобные правительственные сообщения встречали полное одобрение русского „общественного мнения" в лице законодательных учреждений и прессы. Но и официальные представители польского общества, при определении будущих судеб Польши, разделяли в общем и целом взгляды русского правительства. В первом после объявления войны заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. один из польских депутатов Яронский заявил, что „разъединенные территориально, мы в чувствах своих и симпатиях к славянам должны составлять единое", и высказал пожелание, чтобы война, которая ведется поляками под главенством России, привела к объединению польского народа.

Те же ноты звучали в заседании Государственного Совета, происходившем в тот же день. Член Государственного Совета Мейштович, ссылаясь на постоянно безупречное выполнение поляками своих государственных обязанностей и, в частности, на блестящие результаты мобилизации в Польше, выразил надежду, что „кровь поляков польется за прекращение вековой русско-польской распри и за прочное и несокрушимое русско-польское соглашение".

Последующий ход военных действий привел, однако, к оккупации Польши германскими и австро-венгерскими войсками. Стремясь к привлечению польского населения на свою сторону в целях использования его сил для борьбы с Россией, противники последней пошли по пути удовлетворения польских стремлений и, опередив Россию, провозгласили отделение польских областей от Российской империи и образование из них самостоятельного государства. Независимость Польши была провозглашена 5 ноября 1916 г. совокупным манифестом германского и австрийского императоров. Однако, ни границы, ни конституция нового государства установлены не были.

Царское правительство признало этот акт противоречащим основным началам международного права и посему недействительным. Правительственное сообщение вслед за этим напоминало о том, что возвещенные намерения государя по отношению к Польше остаются непреклонными. Русская пресса разделяла изложенный взгляд, настаивая вместе с тем на необходимости гарантировать выполнение указанных намерений.

Идя навстречу польским стремлениям к государственности, Германия и Австро-Венгрия не ограничились декларатив-

ным ее провозглашением, а немедленно приступили к частичной реализации данных ими обещаний. Оставляя за собою право распоряжения судьбою оккупированных областей, они организовали в стране польские государственные учреждения. Еще в эпоху Временного Правительства мы встречаемся с проявлением деятельности польского государственного совета (см. ниже, стр. 9).

Первоначально образованный временный государственный совет, в составе 25 членов (исключительно поляков), был в сентябре 1917 года заменен новым высшим государственным органом, регентским советом, состоявшим из 3 членов. Последний, исполняя волю германской власти, образовал новый совет государства в составе 110 членов, частью избранных, частью назначенных, который был призван к выполнению законодательных функций, и совет министров, в качестве носителя административных полномочий.

Вместе с тем, центральные державы в течение лета 1917 года выработали проект монархической польской конституции, которая должна была быть утверждена новым законодательным органом — Государственною Радою. Рада была созвана в июне 1918 года, при чем на ее рассмотрение была передана не конституция, как то было ранее обещано, а лишь проект закона о созыве первого польского сейма. В виду вскоре обнаружившегося несоответствия взглядов большинства Рады намерениям оккупационных властей, в октябре 1918 года Рада была распущена декретом регентского совета. Дальнейшие планы центральных держав были пресечены их военным крушением и вынужденной эвакуацией оккупированных областей.

Царскому правительству России не суждено было осуществить данных им обещаний. После Февральской революции вопрос о польской государственности вступил в новый фазис. Временное Правительство, вскоре после своего водворения, обратилось, по примеру свергнутой власти, с воззванием к полякам.

В этом воззвании оно признавало за польским народом „всю полноту права собственною волею определить судьбу свою... Временное Правительство,—говорилось далее,—считает создание независимого Польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе“. Польское государство, по мысли воззвания, должно было заключить с Россией военный союз. Государственный строй Польши должен был определить сам польский народ, посредством своего учредительного собрания, а образование свободной и воссоединенной Польши должно было быть санкционировано Всероссийским учредительным собранием. Изложенное воззвание являлось большим шагом вперед по пути при-

знания польской государственности, впервые обещая Польше полную независимость.

Однако, польские национальные стремления не были целиком удовлетворены изложенной декларацией. По мере увеличения обещаний со стороны России, разрастались и притязания поляков. В „Вестнике НКИД“ мы находим, в ряду отдельных документов бывшего министерства иностранных дел Омского правительства, ответ польского государственного совета, который „приветствует факт признания новым Российским правительством принципа независимости Польши, но одновременно подчеркивает, что вековой спор польско-российский из-за пространных областей, лежащих между этнографической Польшей и Россией... еще не окончен. Решение этого вопроса он не может предоставить Всероссийскому учредительному собранию. Судьба этих земель должна быть решена в духе государственных интересов Польши“ (№ 9—10 за 1920 г.).

Русская Февральская революция повлекла за собою обострение отношений между польскими военными отрядами, поддерживавшими германскую коалицию, и Германией. Опасаясь перехода этих отрядов на сторону революционного правительства России, Германия разоружила польский легион и заключила его начальника Пилсудского в тюрьму. Значительная часть этого легиона, однако, уцелела в виде нелегальной организации вплоть до германской революции, вызвавшей освобождение Польши от оккупационных войск.

Временному Правительству не удалось, в свою очередь, провести в жизнь своих намерений. Власть его была свергнута, и разрешение польского вопроса перешло в руки Советской власти.

Одна из первых деклараций Советского Правительства была посвящена вопросу о правах народов России. 3 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров, ссылаясь на провозглашение I и II Съездами Советов права на свободное национальное самоопределение, в развитие этих постановлений объявил „право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства“. Последующие декларации, постановления и выступления лишь развивали это положение, сохраняя установленный принцип неизменным и непоколебленным.

Советское Правительство, после торжественного провозглашения права национального самоопределения, не декларировало применения этого принципа по отношению к каждой национальности в отдельности. Мероприятия, касающиеся Польши, начинаются не с декларативных воззваний или обращений, а с распоряжений делового характера. Так, вскоре после Октябрьского переворота (28 ноября 1917 года) народный комиссариат национальностей выделяет комиссариат

по польским национальным делам, которому передаются функции ликвидационной комиссии по делам б. Царства Польского (основанной при Временном Правительстве), для заведывания делами войсковыми, делами беженцев и т. д. В дальнейшем (январь 1918 года) в ведение комиссариата передаются эвакуированные из б. Царства Польского государственные и общественные учреждения.

К тому же времени относится издание декрета „об охране предметов старины и искусств, принадлежащих польскому народу", возлагающего эту охрану на комиссариат по польским делам и „Общество охранения древностей", вплоть до передачи указанных предметов польским народным музеям.

В июле того же года публикуется предписание всем художественным и научным хранилищам РСФСР, „не предрешая времени возвращения польскому трудовому народу вывезенных... из Польши предметов искусства, науки и культуры", о составлении их точной описи.

Все эти акты, регулируя различные вопросы, касающиеся Польши, сходятся в том, что стремятся к концентрации всех польских дел и имуществ и подготовляют почву для передачи их новому государству. Нигде не провозглашая образования последнего, Советское Правительство, однако, уже исходит из мысли о его существовании, руководствуясь все тем же основным принципом свободного национального самоопределения.

В течение первых месяцев после Октябрьского переворота в Польше оставались оккупационные германские и австро-венгерские войска. Вопрос о судьбе Польши подвергся поэтому обстоятельному обсуждению на мирной конференции в Брест-Литовске. Делегаты центральных держав, всемерно добиваясь отделения Польши от России, пытались использовать в своих интересах лозунги, провозглашенные Советскою властью, и аргументировали свои предложения уже совершившимся волеизъявлением польского населения. Делегации Германии и Австро-Венгрии признавали польское министерство на-ряду с другими польскими учреждениями вполне правомочными выразителями интересов страны. Польша, по их мнению, представляла пример „создания и развития самостоятельной государственной жизни".

Русская делегация, которая, по словам Л. Д. Троцкого, была „менее всего склонна оспаривать польскую независимость", признавая „право польского народа распоряжаться своей судьбою", находила самоопределение поляков недействительным, в виду оккупационного режима, и вследствие этого не признавала и польского правительства. В дальнейшем Л. Д. Троцкий, от имени русской делегации, заявлял с еще большей определенностью, что „мы целиком и без всяких ограничений признаем независимость польского народа и Поль-

ского государства... Но для нас очевидно, что эта независимость остается призрачной до тех пор, пока Польша находится под режимом военной оккупации". Насколько резкой и неуступчивой была в этом вопросе позиция русской делегации, видно из того, что ее непреклонность помешала приглашению на конференцию представителей польского правительства, которое добивалось участия в переговорах. Во время перерыва между 2-й и 3-й сессиями конференции глава германской делегации ф.-Кюльман известил телеграммой от 4/17 января 1918 г. польского министра-президента о невозможности исполнения его просьбы из-за категорических возражений русской делегации. Этот вопрос был выдвинут в заседании 1/14 января, при чем Кюльман обусловил приглашение польской делегации признанием Польского государства и его правительства. Л. Д. Троцкий, оставаясь верным отстаиваемой им позиции, не мог согласиться с этим предложением. Для действительного самоопределения русская делегация предъявляла требование вывода иностранных войск и последующего решения вопроса о государственном положении страны путем всенародного референдума.

Итак, в этот период Советская власть признавала независимость Польши, но, не удовлетворяясь реальной политической ситуацией, создавшейся в стране под влиянием германской оккупации, не признавала наличное польское правительство выразителем воли народа.

По Брестскому договору, заключенному 3 марта 1918 г., Россия отказалась от большей части Польши, в которой Германия и Австро-Венгрия получили полную свободу действий.

Оккупационный режим в Польше оказался, однако, недолговечным. Через год после Октябрьской революции в России, армии центральных держав, как известно, подверглись на западном фронте полному разгрому, который повлек за собою внутренний переворот как в Австрийской, так и в Германской империях. Таким образом, расчеты поляков на освобождение их страны от иностранной зависимости оправдались целиком. В итоге европейского катаклизма, вызванного войною 1914 г., явились революции в России, Германии и Австро-Венгрии. Они же стали фундаментом возрожденной польской государственности.

Отношение Антанты к вопросу о польской независимости выяснилось еще задолго до окончания войны. Оно нашло отчетливое выражение в известном послании президента Соединенных Штатов Вильсона (так называемые „14 пунктов") от 8-го января 1918 г., в котором он намечал основы предстоящего мирного соглашения между воюющими сторонами. Пункт 13-й этого послания настаивал на включении во вновь возникшее Польское государство всех несомненных польских областей и на предоставлении ему выхода к морю. Англия,

Франция и Италия, присоединившись к этому мнению, вынесли 3 июня 1918 г. аналогичное совместное постановление.

Итак, к моменту окончания войны вопрос о восстановлении независимой Польши, охватывающей все 3 свои исторические части, мог считаться бесповоротно решенным. Державы Согласия руководствовались при этом, конечно, собственными интересами и целями. Стремление к всемерному ослаблению Германии путем создания в лице союзной Польши, издавна тяготевшей к Франции, постоянной угрозы на ее восточной границе объясняло роль Франции в процессе образования Польского государства. Англия, заинтересованная в политической стороне польского вопроса значительно менее, чем Франция, рассчитывала укрепить и развить при помощи дружественной самостоятельной Польши свои торговые связи со срединной и восточной Европой. Помимо того, немаловажное влияние на приведенное решение союзников оказывала и их забота об изоляции Советской России от Западной Европы путем образования на русских окраинах новых „барьерных“ государств. Официальное признание польской независимости было зафиксировано в Версальском мирном договоре 1919 г.

Первой освободилась от оккупационного режима та часть русской Польши, которая была занята австрийскими войсками, т.-е. Люблинская губерния с прилегающим к ней районом. Как только до указанной оккупационной зоны долетели известия о крушении Австрийской империи, оккупационные отряды мгновенно разбежались и оставили освобожденные области на произвол судьбы. Местное крестьянское население быстро организовалось и, опираясь на существовавшую в крае тайную польскую военную организацию, сформировало новую власть. Во главе ее было поставлено так называемое „люблинское правительство“ под председательством с.-д. Дашинского. Оно провозгласило себя временным правительством независимой объединенной Польши и приняло меры к поддержанию порядка и к подготовке предстоящего восстановления и объединения всей Польши. Для несения внутренней охраны люблинское правительство образовало народную милицию из числа польских легионеров, прибывших из Австрии, общее число которых достигло 2—3 тысяч человек.

Освобождение областей, оккупированных германскими войсками, также не заставило себя долго ждать. Вслед за ноябрьской революцией в Германии власть в пределах Польши, освободившейся от германских вооруженных сил, перешла в руки польских националистов. Старый регентский совет сложил свои полномочия и добился освобождения из тюрьмы Пилсудского, который 10 ноября 1918 г. вернулся в Варшаву национальным героем. Социалистическое прошлое сближало его с умеренными левыми кругами польской общественности. Слава выдающегося военачальника привлекала к нему симпатии пра-

вых элементов. Тюремное заключение в Германии оправдывало Пилсудского в глазах тех групп, которые безоговорочно придерживались союзнической ориентации.

Для уяснения социально-политической обстановки, сложившейся в Польше к концу 1918 г., когда разыгрались описываемые события, не следует забывать того, что в течение войны из Польши была эвакуирована, сначала в Россию, а впоследствии в Германию, бо́льшая часть польских рабочих. Вследствие невероятного разрушения, причиненного всем промышленным предприятиям, которые оставались в пределах русской Польши, незначительная горсть занятых в них рабочих находилась в чрезвычайно тяжелом материальном положении. В нелучшие условия было поставлено и неимущее польское крестьянство, в свою очередь сильно пострадавшее за время войны и оккупации. Таким образом, как городской, так и сельский пролетариат Польши был совершенно парализован в то время, когда закладывался фундамент нового государственного здания Польши. Поэтому решающее и безраздельное влияние на судьбы страны сосредоточили в своих руках господствующие слои польского общества — шовинистически настроенные буржуазия и зажиточное крестьянство, которые наложили свой отпечаток на все последующее развитие независимой Польши.

В таких условиях Пилсудский был провозглашен 14 ноября 1918 г. главою Польского государства, впредь до созыва учредительного сейма, и, опираясь на полученную от Дашинского поддержку в виде части люблинской милиции, приступил к организации административного механизма. В состав назначенного им 19 ноября польского кабинета вошли умеренные социалисты и демократы, под председательством социалиста Морачевского. Вслед за этим 22 ноября была опубликована временная конституция, по которой Пилсудский объявлялся временным главою государства и верховным главнокомандующим польской армии.

В третьей части Польши — Познани, входившей в состав Германской империи, власть в это же время перешла в руки вновь возникшего польского народного совета, который состоял из консервативных элементов и первоначально поддерживал весьма слабую связь с варшавским правительством. В созванном вскоре польском учредительном сейме Познань в начале его деятельности не была представлена и послала в него своих депутатов лишь спустя некоторое время.

Выборы в учредительный сейм, подготовленные правительством с большою быстротою, были произведены в русской Польше 26 января 1919 г. путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, на основе пропорционального представительства.

Польские коммунисты отчетливо представляли себе лицемерную политику „социал-соглашателей“, опиравшихся на

мелкую и среднюю буржуазию и зажиточные слои крестьянства. Поспешность, с которой правительство провело выборы в учредительный сейм, имела своею целью обойти интересы пролетарских и беднейших крестьянских масс, не оправившихся еще настолько, чтобы принять организованное участие в этой избирательной борьбе. Вот почему часть польских рабочих, верная директивам коммунистов, бойкотировала выборы, не желая сыграть на руку буржуазно-эс-дековской коалиции.

В Галиции и Познани специальные выборы места не имели, и от этих областей в учредительный сейм были делегированы польские депутаты галицийского и прусского ландтагов.

Учредительный сейм был открыт 9 февраля 1919 г. Его состав, численно определявшийся в 408 человек, раскололся в политическом отношении на две почти равные части: правый блок совместно с правым центром располагал более чем 200 мандатами; господствующее влияние на его линию поведения оказывали национал-демократы. Левый центр, возглавляемый польской народной партией Витоса, и левые партии (в том числе 34 с.-д. и 2 коммуниста) были представлены 184 депутатами; 10 депутатов принадлежало к еврейскому блоку, 8—к немецкой партии и 4—были беспартийными. Это соотношение сил обусловило отсутствие в учредительном сейме устойчивого и сплоченного большинства, вследствие чего его голосования принимали нередко случайный характер и решались крайне незначительным перевесом голосов в ту или иную сторону.

2. Русско-Польская война и мирный договор.

Германская революция 1918 г. вносит радикальную перемену в отношения Советской России к Польше. Новое правительство, образуемое в освобожденной от иностранных войск Польше, получает фактическое признание со стороны русской Советской власти, которая незамедлительно вступает с ним в сношения. Дипломатическая переписка ведется довольно оживленно и, как указывает Г. В. Чичерин в предисловии к „Красной Книге“, сводится с польской стороны—преимущественно к предъявлению различных требований и претензий, касающихся польских граждан, находящихся в России, и русских граждан, находящихся в Польше, а с русской стороны—к настойчивым предложениям заключения мира. Однако, мирные отношения не налаживаются, и мало-по-малу, на почве пограничных столкновений, начинаются военные действия. В конце 1919 г. и в начале 1920 г. Советское Правительство в лице народного комиссариата иностранных дел, Совета Народных Комиссаров и ВЦИК'а обращается к Польше с формальными мирными предложениями,

в которых заявляет, что, исходя „из незыблемого принципа национального самоопределения, безусловно и безоговорочно признавало и признает независимость и суверенность Польской республики и это признание с первого момента образования независимого Польского государства кладет в основу всех своих отношений к Польше".

Панская Польша, однако, упорно уклоняется от ответов на повторные мирные предложения Советского Правительства и предпочитает продолжать военные действия, рассчитывая при поддержке Франции победоносно расправиться с Красными войсками.

Лишь в конце марта 1920 г. польское правительство выражает согласие начать переговоры о мире и предлагает собраться для этой цели в Борисове. Советское Правительство не соглашается на этот пункт, ибо Борисов находился тогда в самом центре военных действий и, вследствие начавшегося наступления польской армии, был в весьма угрожающем положении. Предложения Советского Правительства перенести переговоры в другое место, в любой нейтральной стране, или в одной из столиц России и Польши, наталкиваются на непреклонное сопротивление польского правительства, которое упрямо настаивает на Борисове, проявляя тем самым свое нежелание прекратить войну.

В апреле 1920 г., в связи с наступлением поляков, ВЦИК обращается с воззванием к „честному населению России", в котором снова указывает, что „русские рабочие и крестьяне по собственной воле признали свободное самоопределение польского народа и отказались от каких бы то ни было прав на польскую территорию. Это торжественное заявление сохраняет всю свою силу и сейчас". В обращении к польским рабочим, крестьянам и солдатам, последовавшем в мае того же года, ВЦИК также напоминает, что „с первых дней рабоче-крестьянской революции в России Советское Правительство признало право польского народа... на полную свободу и независимость".

Не взирая на все эти обращения, зарвавшееся польское правительство предприняло вслед за этим наступление, которое на первых порах увенчалось захватом Киева. Оно, однако, продолжалось недолго и вскоре уступило место решительному натиску Красной Армии, которая в течение нескольких недель заняла значительную часть Польши и поставила под угрозу ее столицу.

Под влиянием испытываемых военных неудач, Польша вынуждена была предложить РСФСР заключить перемирие. Советское Правительство, несмотря на большие успехи Красной Армии, неизменно верное своей миролюбивой политике, согласилось начать мирные переговоры, которые открылись около Барановичей 30 июля 1920 г. Польские делегаты первона-

чально не были уполномочены на ведение переговоров о заключении мира, но, после соответствующих настояний советской делегации, были снабжены надлежащими мандатами. Русско-польская конференция была перенесена сначала в Минск, а впоследствии в Ригу.

Договор о перемирии и предварительных условиях мира был заключен 12 октября 1920 г., а мирный договор подписан 18 марта 1921 г.

Русско-польский мирный договор был последним в ряду отдельных соглашений, урегулировавших взаимоотношения РСФСР и новых окраинных государств. Основываясь на опыте предшествующих договоров и повторяя целый ряд содержащихся в них постановлений, он, вместе с тем, отличается и некоторыми специфическими особенностями, вызванными своеобразным положением Польши и ее экономическим и политическим значением.

В отличие от мирных договоров, заключенных между РСФСР и Литвой, Латвией и Эстонией, русско-польский договор не упоминает о признании независимости нового Польского государства. Это умолчание вполне соответствует основному воззрению Советского Правительства, согласно которому самостоятельное и независимое существование Польши представлялось само собою разумеющимся и не нуждающимся в особом подчеркивании. В развитие этой мысли в договор включено указание лишь на взаимную гарантию полного уважения государственного суверенитета обеих договаривающихся сторон (ст. V). На-ряду с этим, последние обязуются воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела другой стороны и от создания или поддержки организаций, враждебных другой стороне, и не допускать на своей территории пребывания подобных организаций или провоза ими каких-либо военных материалов (там же). Острие этих постановлений было направлено преимущественно против различных белогвардейских групп, которые пребывали в Польше и оттуда вели вооруженную борьбу против Советской России. Несмотря, однако, на это строгое постановление мирного договора, деятельность указанных групп пресечена не была и продолжалась еще некоторое время, вызывая многократные протесты Советского Правительства против нарушения соответствующего пункта договора. Аналогичные обязательства содержатся и в мирных договорах с Эстонией (ст. VII), Литвой (ст. IV) и Латвией (ст. IV).

Вслед за этим договор переходит к вопросу о гражданстве и устанавливает нормы, соответствующие постановлениям, заключающимся в договорах с Эстонией (ст. IV), Литвой (ст. VI), Латвией (ст. VIII) и Финляндией (ст. XXXV). Гражданами Польши признаются бывшие подданные Российской империи, достигшие 18-летнего возраста, входившие в состав постоянного народонаселения бывшего Царства Польского и находящиеся

на территории Польши. Вместе с тем, предоставлено право оптации польского гражданства в течение одного года соответствующим лицам, находящимся в пределах России и Украины, а также потомкам участников борьбы за независимость Польши в период 1830—1865 гг. и потомкам — не далее третьего поколения—лиц, проживавших на территории бывшей Речи Посполитой, которые сами засвидетельствовали свою приверженность к польской нации. С другой стороны, договор предоставляет право оптировать гражданство российское или украинское бывшим подданным Российской империи, принадлежавшим к населению Польши и находящимся на ее территории (ст. VI). На-ряду с этим, договор останавливается особо на охране национальных прав лиц, проживающих в пределах другой договаривающейся стороны, и, на основе равноправия национальностей, предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальностей, находящимся в Польше, и лицам польской национальности, находящимся в России, Украине и Белоруссии, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов (ст. VII).

Прекращая состояние войны между Советской Россией и Польшей, мирный договор ликвидирует карательные мероприятия против граждан противной стороны, связанные с их враждебными действиями; он провозглашает полную амнистию за всякие политические преступления и проступки, под которыми понимаются деяния против государственного строя или безопасности государства, равно как и все деяния, совершенные в пользу другой стороны (ст. X).

Большое внимание уделено в договоре разного рода финансово-экономическим вопросам, в особенности тем из них, которые связаны с размежеванием имущественных прав и ликвидацией прежних русско-польских связей. Обе договаривающиеся стороны прежде всего взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, вызванных ведением между ними войны, и военных убытков, причиненных им или их гражданам военными операциями (ст. VIII). Они, далее, признают, что государственное имущество всякого рода, находящееся на территории одного из договаривающихся государств или подлежащее реэвакуации в это государство, составляет его неоспоримую собственность, и, как правило, взаимно отказываются от каких бы то ни было расчетов по разделу государственного имущества. К польскому правительству переходят все права и требования российской казны, связанные с имуществами, находящимися в Польше, или подлежащие осуществлению в ее пределах (ст. XII). Требования реэвакуации распространяются в первую очередь на всевозможные культурные ценности и документы, вывезенные из Польши с 1772 г. до 1918 г., как-то: военные трофеи, библиотеки, архивы, произведения искусства и т. д.; те из соответствующих предметов, которые лишь

в известной части относятся к территории современной Польши, но не поддаются разделу, подлежат возвращению в Польшу целиком. Если же изъятие того или иного предмета разрушает целость той коллекции, к которой он принадлежит, то подобный предмет, за исключением случаев его тесной связи с историей и культурой Польши, должен оставаться на месте, с компенсацией его другим предметом равной научной или художественной ценности (ст. XI). Что касается государственных имуществ хозяйственного значения, то договор предписывает реэвакуацию в Польшу железнодорожного имущества, стоимость которого определяется в 18,2 милл. зол. рублей, а также возврат друг другу речного имущества и имущества шоссейных управлений (ст. XIV).

На-ряду с реэвакуацией государственного имущества, мы находим указания на возврат в Польшу имущества органов самоуправления, городских управлений и лиц физических и юридических, вывезенного с начала мировой войны до 1 октября 1915 г., а также на взаимную реэвакуацию имущества тех же категорий владельцев, вывезенного после 1 октября 1915 г. (ст. XV). Кроме того, Россия и Украина принимают на себя обязательство произвести с Польшей расчет по находившимся на хранении или на счетах в русских государственных кассах или кредитных учреждениях, различным фондам и капиталам, которые были завещаны или пожертвованы польским физическим и юридическим лицам, принадлежали польским общественным учреждениям или предназначались на содержание церквей и духовенства и на нужды социального обеспечения (ст. XVI). Это обязательство расчета распространяется равным образом и на вклады, депозиты и залоги польских лиц юридических и физических в российских и украинских кредитных установлениях, при чем Россия и Украина обещают, при возмещении соответствующих претензий, предоставить польским лицам те же права, которые в свое время были признаны за российскими и украинскими лицами (ст. XVII). Как видно из последнего постановления, частные лица польского происхождения получают льготу лишь в отношении продления для них срока использования прав, предоставленных прежде русским частным лицам; по существу же они никаких привилегий не получают и ставятся в положение последних. Однако, Россия и Украина обязуются, на основе принципа наибольшего благоприятствования, признавать за Польшей и ее физическими и юридическими лицами все права, преимущества и льготы, которые были и будут предоставлены какой-либо третьей стране (ст. XX).

Помимо получения перечисленных положительных благ, Польша освобождается от ответственности по долговым и всякого рода иным обязательствам бывшей Российской Империи, за исключением гарантий по предприятиям и учреждениям, расположенным на территории Польши (ст. XIX). С другой

стороны, договор возлагает на Россию и Украину обязанность уплаты Польше в течение одного года 30 милл. зол. рублей в золотых монетах или слитках, каковая обязанность обосновывается признанным предварительным договором от 12 октября 1920 г. (ст. IX) активным участием польских земель в хозяйственной жизни бывшей Российской империи (ст. XIII).

Это постановление о передаче определенной суммы наличными деньгами, которое, как мы увидим ниже, содержится также в мирных договорах, заключенных с Эстониею и Литвою, представляется весьма своеобразным новшеством. В силу господствующих на Западе теоретических воззрений и большинства предшествующих международных соглашений, передача той или иной территории одним государством другому влечет за собою переход к последнему всего активного имущества, с этой территорией связанного. Этим и ограничивается возмещение активного участия соответствующей территории в хозяйственной жизни того государственного целого, от которого она отделяется. С другой стороны, международные договоры, в соответствии с доминирующим направлением в науке, обычно предусматривают переход вместе с территорией не только активов, но и известной части пассивов прежнего государства, и в особенности некоторой доли государственного долга. По окончании мировой войны на эту точку зрения стали даже державы-победительницы, которые в мирных договорах, заключенных с Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, зафиксировали обязанность государств, к которым перешли отдельные части территории их побежденных противников, принять на себя известные доли их государственных долгов.

В отличие от этой установившейся международной практики, мирный договор между РСФСР и Польшей, равно как и другими государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи, как мы видели, совершенно освобождает новое государство от принятия на себя каких бы то ни было обязательств, лежавших на прежнем государственном целом. Таким образом, Польша оказывается в чрезвычайно благоприятном положении: она вступает в новую эру своего самостоятельного существования наделенной широкими имущественными правами и безвозвратной денежной суммой и свободной от какого-либо участия в несении финансового бремени рушившейся империи.

В конце русско-польского мирного договора подвергнуты урегулированию условия транзита товаров через территорию договаривающихся сторон, предназначенные для периода, предшествующего заключению торгового договора и железнодорожной конвенции. В основу этих условий кладется взаимное предоставление свободного транзита товаров, под которым подразумевается освобождение его от всяких транзитных пошлин и сборов. Исключение предусмотрено лишь в отношении предметов вооружения, военного снаряжения и боевых припасов

ст. XXII). Вместе с тем, договаривающиеся стороны соглашаются не позднее, чем через 6 недель по ратификации мирного договора, приступить к переговорам о заключении торгового договора, и возможно скорее начать подготовку конвенций: консульской, почтово-телеграфной, железнодорожной, санитарной, ветеринарной и судоходной (ст. XXI).

Рижский мирный договор прекращает состояние войны между Польшей и Россией, закрепляет границы Польского государства и открывает новую страницу его мирного исторического развития. Ознакомившись с основными этапами последнего, мы должны теперь обратиться к выяснению социально-экономического и политического положения современной Польши.

3. Хозяйственная жизнь.

Территория современной Польши занимает площадь, общее протяжение которой превышает 380 тыс. кв. км. Она слагается из 3 частей, полученных от России, Германии (в том числе часть Верхней Силезии, перешедшая к Польше на основании постановления конференции послов в октябре 1921 г., на котором мы остановимся подробнее несколько ниже) и Австрии. В 1923 г. состоялось официальное признание конференцией послов присоединения к Польше оккупированной ею Виленской области (около 30 тыс. кв. км.), служащей объектом непрекращающихся споров между Польшею и Литвою [1], и Восточной Галиции, несмотря на резкие протесты Советской России (см. ниже). Не добившись осуществления своих мечтаний о полном восстановлении границ 1772 г., Польша, однако, настояла на предоставлении ей выхода к морю через так называемый Данцигский коридор по Висле.

Границы нового Польского государства не совпадают ни с государственными границами старой Польши до ее разделов, ни с этнографическими польскими границами. Они представляются чисто искусственными рубежами, вызывающими частые столкновения с соседними государствами и таящими в себе возможности крупных международных осложнений. Это признается даже державами-победительницами, по воле которых была перекроена после войны вся карта Европы. Весьма характерными с этой точки зрения являются слова, произнесенные Ллойд-Джорджем на Генуэзской конференции 1922 г., которые относятся к Польше более, чем к кому бы то ни было: „На всем пространстве от Балтийского до Черного моря едва ли существует хоть одна бесспорная граница; каждая отдельная линия заключает в себе возможность страшнейшего конфликта“.

---

[1] См. Литва.

Население Польши определяется в 27,1 милл. жителей (по переписи 1921 г.). Из них на долю поляков приходится только 65%, а остальная часть населения распределяется между украинцами (около 17%), евреями (около 7,5%), немцами (5%), белоруссами (3%) и друг. Как видно из этого сопоставления, национальные меньшинства составляют в Польше весьма заметную часть ее населения. Если искусственные границы Польши обусловливают необеспеченность и неустойчивость ее внешних сношений, то большое значение в стране инородных национальностей, в связи с шовинистическими тенденциями господствующих кругов, служит предпосылкой напряженной и острой внутренней вражды.

Как по своей территории, так и по населению Польша занимает ныне 6-е место в ряду западно-европейских государств; отмеченные выше обстоятельства, однако, на-ряду с экономическими и политическими условиями, которые будут описаны ниже, значительно ослабляют ее международные позиции и не позволяют ей играть сколько-нибудь выдающуюся роль на современной политической арене.

Бо́льшая часть жителей Польши относится до последнего времени к сельскому населению, составляющему 75%. В соответствии с этим, в ряду различных занятий доминирует сельско-хозяйственный труд, которым занято в среднем 65% всего населения. Несмотря, однако, на этот аграрный отпечаток, лежащий на польском народном хозяйстве, собираемый в Польше хлеб не покрывает внутренней потребности страны; неизменный недостаток хлеба должен поэтому пополняться ввозом его из-за границы. В этом заключается один из важнейших факторов хозяйственной нужды современной Польши: аграрная страна, не только не имеющая излишка земледельческих продуктов, но ощущающая острый их недобор, естественно, должна испытывать значительные экономические затруднения. Основными причинами недостаточного сбора хлебов являются: мелкий и раздробленный характер крестьянского землевладения, страдающего при этом от сильной чересполосицы, чрезмерная плотность населения в земледельческих областях, вызывавшая до войны значительную эмиграцию, и, наконец, чрезвычайно экстенсивная обработка земли. Наиболее высоким уровнем отличается земледелие в Познани (бывшей прусской Польше), но, под влиянием многочисленного переселения познанских крестьян в Германию и резкого повышения цен после войны, и его положение значительно ухудшилось.

Раздробленность польского землевладения крайне усилилась в результате изданного 10 июля 1919 г. нового аграрного закона. Закон 1919 г. вызвал в учредительном сейме горячие споры и был принят большинством лишь одного голоса. Он предусмотрел отчуждение крупных земельных владений

для наделения землею безземельных и малоземельных крестьян, при чем выкуп, причитавшийся прежним владельцам, был установлен на сравнительно низком уровне. Вместе с тем, землевладение было впредь ограничено определенными предельными нормами (60 гектаров в промышленных округах, 400 гектаров в Познани, Подолии и Волыни и 180 гектаров в остальных областях). Закон этот был использован, главным образом, как политическое орудие против крупных земельных собственников иностранного происхождения, вследствие чего его социально-экономические последствия свелись к весьма ограниченным результатам. Согласно приблизительным данным польской статистики, отчуждение коснулось 1.679 имений, охватывающих в общей сложности около 264 тыс. гектар. земли, подвергшейся раздроблению на мелкие участки между польским крестьянством, при чем было основано около 6.800 новых хозяйств. Принимая во внимание, что до проведения реформы 1919 г. около половины польского крестьянства было не обеспечено землею и находилось на положении полупролетариев, можно прийти к тому заключению, что и ныне значительная часть земледельческого населения Польши испытывает острый недостаток земли и, в противоположность обеспеченному крестьянству питая враждебные чувства по отношению к существующему строю, является одним из крупнейших факторов революционного движения.

Сельское хозяйство, в результате войны пришедшее в состояние крайнего упадка, в течение последних лет мало-по-малу восстанавливалось. Одним из отчетливых проявлений этого постепенного подъема служит расширение посевной площади важнейших зерновых хлебов, которая в 1923 г. почти достигла своих довоенных размеров.

На-ряду с земледелием крупную роль в хозяйственной жизни Польши играет эксплуатация лесов, которые занимают около 15% общей площади. По закону 1919 г. все польские леса были объявлены во всей их совокупности собственностью государства, которое уделяет им большое внимание и вывозит за границу значительное количество лесных материалов.

Сильно пострадала за время войны и польская промышленность. Вместе с тем, после войны она извлекла наибольшие выгоды из присоединения к Польше восточной части Верхней Силезии, изобилующей крупными горными богатствами. Значение этого приобретения иллюстрируется тем, что довоенная добыча каменного угля в Верхней Силезии была приблизительно в 7 раз больше, чем во всей русской Польше. На основании раздела Верхней Силезии между Польшей и Германией, к Польше отошло около 80% всей силезской каменноугольной продукции, все ее железорудные залежи и значительная часть цинковых, свинцовых и других рудных месторождений.

Помимо того, Польша располагает большими залежами нефти (в Галиции), добыча которой резко сократилась и, составляя в довоенное время 2—3 процента всей мировой добычи нефти, в 1923 г. едва достигла $^1/_2$ процента. В польской нефтяной промышленности сильно заинтересована Франция, капиталисты которой владеют значительною частью акций нефтяных обществ Польши, на сумму в полмиллиарда франков. С целью обеспечения их интересов, между Польшей и Францией была заключена в 1922 г. особая конвенция, в силу которой французским нефтяным обществам в Польше предоставляется право свободного вывоза их продукции, за вычетом количества, необходимого стране для внутреннего потребления; кроме того, указанные общества ставятся в привилегированное положение в отношении налогов и т. п., а Польша обязана поддерживать внутренние цены на нефть на уровне, удовлетворяющем заинтересованных французских капиталистов.

По запасам своих ископаемых современная Польша является одной из богатейших стран Европы; так, например, запасы польского угля составляют 22% всех каменноугольных запасов Европы. Однако, размах горной промышленности Польши является еще сравнительно незначительным, вследствие ее тяжелого экономического положения после войны. Добыча отдельных ископаемых все еще не достигла своего довоенного уровня.

Тяжелый урон нанесла война и польской обрабатывающей промышленности. Эвакуация большого числа фабрично-заводских предприятий русской Польши во внутренние губернии России, имевшая место во время войны, и вывоз в Германию значительной части оставшегося оборудования, происходивший во время германской оккупации, обескровили промышленность Польши и поставили ее рабочий класс в исключительно тяжелые условия существования. Процесс восстановления промышленного производства начался лишь с 1921 г. и подвигался сравнительно медленным темпом. В польской промышленности первенствующую роль — не считая верхне-силезского производства — играет попрежнему текстильная промышленность, которая сосредоточивается преимущественно в Лодзи. Крупное влияние на ухудшение ее положения после войны оказала утрата русского рынка сбыта, ибо на Западе польские текстильные изделия не выдерживают конкуренции с иностранными товарами. За последние годы, однако, лодзинская промышленность начинает снова оживать, благодаря постепенному завоеванию балканских рынков.

Внешняя торговля Польши отличалась после войны резко пассивным торговым балансом, отражавшим общее неблагоприятное положение народного хозяйства страны. Постепенное восстановление последнего не замедлило сказаться и на соотношении польского ввоза и вывоза. В 1921 г. импорт по

своей ценности превышал экспорт приблизительно в 5 раз, а в предшествующие 1919 и 1920 гг. еще более; 1923 год дал впервые незначительное превышение ценности экспорта над импортом. Польша связана с целым рядом европейских государств торговыми договорами, большинство которых покоится на принципе наибольшего благоприятствования. Исключения сделаны лишь в пользу Франции, на товары которой многие ставки польского импортного тарифа понижены в пределах от 20 до 50%, и — в меньшей степени — в пользу Швейцарии. Однако, преобладающее значение в торговых сношениях с Польшею принадлежит Германии.

Под влиянием общего экономического кризиса, который переживала Польша после войны, ее финансы находились до недавнего времени в самом безотрадном положении. Помимо внутренних причин, на финансовом положении Польши крайне пагубно отзывалось неблагоприятное положение денежного хозяйства Германии и Австрии, вследствие тесных экономических и финансовых польско-германских связей. Польская валюта, которая котировалась только в Берлине, Вене и Данциге, катилась поэтому по наклонной плоскости вслед за быстро обесценивавшейся германской маркой. Присоединение к Польше Верхней Силезии повлекло за собою некоторое улучшение польских финансов, но оно оказалось непродолжительным, и вскоре падение польской марки возобновилось. Насколько безудержный и катастрофический характер носило это обесценение, видно из того, что в октябре 1922 г. котировка одного доллара определялась в 12 польских марок, а в октябре 1923 г. она достигла 1 милл. марок. Важнейшими внутренними причинами этого финансового кризиса являлись: шаткость и неустойчивость социально-политического положения Польского государства, пассивный торговый баланс и непомерные государственные расходы на непроизводительные цели. К числу этих расходов относятся, в первую очередь, затраты на военные цели.

Польская буржуазия, чрезвычайно запуганная живым „призраком коммунизма", тратила огромные суммы на содержание собственной армии, попутно расточая народные деньги на поддержку многочисленных белогвардейских отрядов.

В 1921 г. военные расходы составляли 30% всего расходного бюджета, в 1922 г. — свыше 25%, а в бюджете на 1924 г. достигли 40% всех расходов. Государственные бюджеты Польши сводились неизменно с крупным дефицитом, который в 1923 г. вдвое превысил все поступления в казну. Для покрытия этих огромных дефицитов польское правительство, с одной стороны, заключало новые внутренние и внешние займы, а с другой стороны—выпускало новые бумажные деньги. Общая государственная задолженность Польши определялась к концу 1922 г. в 1.716 милл. зол. франц. франков, из которых 1.484 милл. приходилось на долю внешнего долга. Бумажно-

денежная масса, находившаяся в обращении, достигала в феврале 1924 г. 440 триллионов польских марок.

Различные финансовые мероприятия, которые предпринимало польское правительство с целью сбережения средств и стабилизации валюты, на первых порах не приводили к ощутительным результатам. Только в 1924 г. новому правительству, во главе с Грабским (бывшим до того министром финансов), удалось достигнуть значительного улучшения финансового положения страны. При помощи крайней бережливости, правительство в феврале приостановило бумажно-денежную инфляцию и подготовило восстановление бюджетного равновесия. Вслед за этим оно провело радикальную денежную реформу. 15 апреля был учрежден новый эмиссионный банк на акционерных началах, под названием „Польский банк". На последний было возложено постепенное изъятие из обращения обесценившихся бумажных денег и выпуск новых банкнот в золотом исчислении. Новая денежная единица, именуемая „злотый", приравнена к 1 золотому французскому франку и 1,8 милл. польских марок и подразделяется на 100 грошей. Она начала циркулировать с 1-го мая 1924 г. Вместе с тем, началась и чеканка звонкой монеты (золотой, серебряной, никкелевой и бронзовой).

В целях пополнения государственных доходов, правительство в июле 1924 г. провело через сейм законопроект о винной монополии, принятый большинством господствующих партий, против коммунистов и национальных меньшинств. Законопроект предоставляет правительству монопольное право изготовления и продажи спиртных напитков внутри страны; на экспорт спирта за границу монополия не распространяется.

Несмотря на все эти мероприятия, финансово-экономическое положение Польши остается до сего времени крайне тяжелым. В своем докладе на сессии сейма, открывшейся в октябре 1924 г., Грабский был вынужден признаться в крупных экономических затруднениях, испытываемых правительством в связи с недостатком средств, дороговизной, безработицей, промышленным кризисом и т. п. В виду невозможности изжить эти трудности собственными силами, польское правительство возлагает все свои надежды на иностранный заем, переговоры о предоставлении которого ведутся его представителями с руководящими державами.

4. Государственное устройство.

Подобно польскому народному хозяйству, и установление государственного строя новой Польши подвигалось вперед крайне медленным темпом и затруднялось целым рядом разнообразных внутренних и внешних осложнений.

Польская конституция начала вырабатываться учредительным сеймом 15 февраля 1919 г., а была принята лишь 17 марта 1921 года и вступила в силу с 1 июня 1921 года. Эта продолжительная задержка объяснялась, с одной стороны, тем, что сейм в начале своей деятельности отвлекался более спешными и острыми вопросами внутренней и внешней политики, а с другой стороны, резкими и трудно примиримыми спорами и разногласиями, которые вызывали отдельные конституционные положения.

В период, предшествовавший принятию постоянной конституции Польши, государственное устройство последней регулировалось временной декларациею, принятою сеймом 20 февраля 1919 г. Эта декларация продолжила полномочия Пилсудского, в качестве главы государства, впредь до принятия конституции и определила в основных чертах взаимоотношения между главою государства и учредительным сеймом. Сущность этого зародыша польской конституции (состоявшего всего из 5 статей), который действовал свыше двух лет, сводится к признанию учредительного сейма суверенной и законодательной властью Польского государства, а главы государства — верховным исполнителем решений сейма по гражданским и военным делам; как глава государства, так и назначенное им, по соглашению с сеймом, правительство несут перед сеймом ответственность за выполнение своих функций.

Некоторые из основ будущего государственного строя новой Польши представлялись предрешенными с самого начала ее самостоятельного существования. Так, несомненным являлось то, что она будет единой республикой, покоящейся на общепризнанных на Западе демократических основах. Но целый ряд вопросов вызывал в учредительном сейме ожесточенные споры, которые задерживали вынесение им каких-либо решений. Наиболее затяжные и острые прения велись по вопросам о структуре и компетенции законодательных установлений и о порядке выборов и полномочиях президента. В то время, как правые партии сейма настаивали на введении двухпалатной системы, левые группы добивались установления однопалатного парламента. Победа по этому вопросу была в конечном итоге одержана сторонниками первого взгляда, вследствие чего в Польше, в отличие от всех других окраинных государств, на-ряду с нижней палатой (сеймом) была учреждена верхняя палата (сенат). Другим объектом крупных разногласий служил вопрос о положении главы государства; правые партии, исходя в значительной мере из недовольства деятельностью Пилсудского, стремились к возможно большему ограничению полномочий президента республики, в разрез с левыми партиями, желавшими, напротив, всемерного расширения его компетенции. И в этом вопросе большинство сейма склонилось на сторону правых элементов. Помимо того, левые потерпели поражение

по вопросам о введении референдума, об отделении церкви от государства и др., а правые—по вопросу о назначаемых членах верхней палаты и т. д.

„Польское государство есть республика" — провозглашает ст. 1-я конституции 17 марта 1921 года. Верховная власть в республике принадлежит народу, органами которого в области законодательства являются сейм и сенат, в области управления — президент республики совместно с ответственными министрами, а в области отправления правосудия — независимые суды (ст. 2).

Важнейшим носителем законодательной власти представляется сейм. Ни один закон не может вступить в силу без утверждения его сеймом (ст. 3). В законодательном порядке должны устанавливаться государственный бюджет, численность вооруженных сил, заключение государственных займов и взимание налогов и сборов, таможенных пошлин и монополий, организация денежной системы и т. п. (ст. 4 — 6).

Состав сейма слагается из депутатов, избираемых на пять лет всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, путем пропорционального представительства (ст. 11). Активное избирательное право предоставлено всем гражданам обоего пола, достигшим 21-летнего возраста (ст. 12), а для использования пассивного избирательного права возрастной ценз повышен до 25 лет (ст. 13). В течение всего срока своих полномочий члены сейма пользуются неприкосновенностью и не могут привлекаться к ответственности за деяния, связанные с исполнением депутатских обязанностей (ст. 21). (Этот пункт, являющийся одной из важнейших основ буржуазно-демократического строя, нарушается в Польше самым откровенным образом. Недавний арест в польском сейме группы неугодных правительству депутатов — коммунист Ланцуцкий, украинцы Васынчук, Чучмай и Козицкий — служит наилучшим тому доказательством).

Сейм созывается президентом республики (ст. 25), а распускается либо по собственному постановлению, принятому большинством $^2/_3$ голосов при наличности половины всех членов, либо президентом республики, с согласия $^3/_5$ депутатов (ст. 26). Члены сейма имеют право предъявлять запросы всему правительству в целом или отдельным министрам, на которые последние обязаны отвечать в шестинедельный срок (ст. 33).

Каждый законопроект, принятый сеймом, должен передаваться на рассмотрение верхней палаты (сената); отсутствие в течение 30 дней каких-либо возражений с ее стороны означает ее согласие на принятие законопроекта, который в этом случае подлежит опубликованию президентом республики. Несогласие сената с тем или иным законопроектом, принятым сеймом, влечет за собою передачу возражений сената на рассмотрение сейма, после которого соответствующий законопроект становится законом в редакции сейма на основе вторичного

обсуждения; для отклонения изменений, предлагаемых сенатом, требуется большинство в $^{11}/_{20}$ присутствующих членов сейма (ст. 35). Изложенная статья свидетельствует о том, что польская верхняя палата, вокруг учреждения которой велись столь крупные споры, вошла в состав законодательного механизма в качестве слабейшей и неполноправной части. Она не оказывает решающего влияния на ход законодательного процесса и имеет значение лишь в качестве задерживающего фактора, предостерегающего всесильный сейм от принятия слишком поспешных и ошибочных постановлений.

Сенат избирается на тот же срок, что и сейм, и на основе тех же принципов, с теми лишь отличиями, что число его членов должно быть в четыре раза ниже, нежели в сейме, и что возрастной ценз повышен — до 30 лет для активного и до 40 лет — для пассивного избирательного права (ст. 36).

Исполнительная власть вручается конституциею президенту республики, который избирается на 7-летний срок народным собранием, т.-е. в соединенном заседании сейма и сената (ст. 39). Эта статья, служившая в свою очередь объектом продолжительной борьбы, ознаменовала, таким образом, победу сторонников ограничения власти президента над приверженцами усиления его положения, которые требовали его всенародного избрания. В этом постановлении, как и в некоторых других, ярко отразилось влияние французской конституции. Президенту республики принадлежит право издания указов и распоряжений, ограниченных рамками действующих законов и подлежащих скрепе председателем совета министров и соответствующим министром по принадлежности (ст. 44). Президент является верховным командующим всеми вооруженными силами, но лишь в мирное время, и вслед за объявлением войны лишается этих функций. На все время военных действий эта должность подлежит замещению особым лицом, ответственным перед сеймом (ст. 46). Отмеченное умаление президентских полномочий основывалось на опасении чрезмерного усиления роли президента в случае войны и было принято сеймом вопреки возражениям значительного левого меньшинства. Президент представляет государство во внешних сношениях и заключает договоры с другими государствами, при чем все важнейшие договоры должны утверждаться сеймом (ст. 49). Объявление президентом войны и заключение мира нуждаются в предварительном согласии сейма (ст. 50). Президент республики признается конституциею безответственным и освобожденным как от парламентской, так и от гражданской ответственности; он может привлекаться к ответственности перед государственным трибуналом только за измену государству, нарушение конституции или преступление уголовного свойства, для чего требуется постановление сейма, принятое большинством $^{3}/_{5}$ голосов при наличности не менее $^{1}/_{2}$ всех депутатов (ст. 51).

Члены совета министров, назначаемые президентом, несут солидарную и индивидуальную ответственность перед парламентом как за свои служебные действия, так и за правительственные акты президента и по требованию сейма обязаны подавать в отставку (стт. 55—58).

Что касается местного управления, то конституция отводит широкое место принципу участия населения, посредством своих избранников, в делах местных административных органов (стт. 66—67); при этом, на-ряду с территориальным самоуправлением, мы встречаем здесь указание на предстоящую организацию хозяйственного самоуправления в различных сферах экономической жизни, олицетворяемого сельско-хозяйственными, торговыми, промышленными и иными палатами, объединяемыми в общегосударственном масштабе главной хозяйственной палатой (ст. 68) [1].

Конституция предусматривает создание в стране административной юстиции, возглавляемой верховным административным трибуналом, призванным к разбирательству споров о правильности административных актов как правительства, так и органов самоуправления (ст. 73).

Судебная власть ставится конституциею в совершенно независимое положение; оно обеспечивается окончательным характером судебных решений (ст. 77), возможностью увольнения судей не иначе, как на основе решения суда, в предусмотренных законом случаях (ст. 78), и запрещением привлечения судей к уголовной ответственности без предварительного согласия предусмотренного законом суда (ст. 79).

Приведенные постановления конституции служат показателем демократических устремлений польского учредительного сейма, которые клонились к обеспечению руководящего влияния народного представительства на всю государственную жизнь и к возможному ограничению полномочий правительственной власти. Однако, V раздел конституции, посвященный урегулированию общих обязанностей и прав граждан, оказывается основанным на диаметрально-противоположных принципах административного вмешательства в частную жизнь и насквозь проникнутым резко выраженным полицейским духом. В этой части конституции почти каждое право, предоставляемое

---

[1] По этому поводу проф. В. Н. Дурденевский замечает, что указанная организация означает „глухой отголосок русских СНХ и СТО, пришедший, впрочем, не непосредственно от них, а через германское эхо — рейхсвиртшафтсрат". („Послевоенные конституции Запада", вып. I, стр. 58). Насколько правильной может быть признана мысль о заимствовании Польшею германского образца, построенного на объединении всех „важных профессиональных групп" (ст. 165 Германской конституции 1919 г.), настолько сомнительным, на наш взгляд, является сближение польских органов хозяйственного самоуправления с русскими СНХ и СТО, представляющими собою административно-хозяйственные органы.

отдельным гражданам, либо вовсе упраздняется, либо резко ограничивается последующими указаниями на предстоящее издание законов, определяющих „ответственность за злоупотребление этой свободой". Такое указание мы встречаем в ст. 105, трактующей о свободе печати; в связи с этим следует отметить и ст. 23, на основании которой депутаты не могут быть ответственными редакторами; следовательно, в области прессы подвергается ограничению даже иммунитет народных представителей. На-ряду с этим, конституция предусматривает неприкосновенность жилищ, право свободного переселения и выбора занятий, тайну корреспонденции, свободу союзов и собраний, но тут же чрезвычайно умаляет значение всех этих прав указанием на возможность их нарушения в случаях, предписанных законами (стт. 100, 101, 106, 108). „Всем гражданам, — провозглашает далее конституция, — предоставляется свобода совести и вероисповедания. Ни один гражданин не может быть ограничен в правах... из-за своего вероисповедания или религиозных убеждений" (ст. 111). Вслед за этим, однако, мы узнаем, что „римско-католическое вероисповедание... занимает в государстве первенствующее положение среди равноправных вероисповеданий" (ст. 114). Вместе с тем, конституция подчеркивает обязательность обучения религии в учебных заведениях для молодежи до 18 лет, которые содержатся государством или органами местного самоуправления (ст. 120). В этих двух статьях особенно отчетливо отражается лицемерная сущность польской конституции с ее средневековой нетерпимостью и шовинизмом. Вопрос о положении церкви был решен в разрез со взглядами левых партий, требовавших полного отделения церкви от государства.

Таким образом, польская конституция чрезвычайно ярко характеризует всю политическую систему молодого государства. Она покоится на стремлении к сохранению демократической видимости, столь удобной для проведения в жизнь подлинных замыслов правящих кругов современной Польши. Являясь плодом компромиссного законодательного творчества, польская конституция представляет собою своеобразное смешение разнородных конституционных принципов, в которых демократические начала откровенно переплетаются с основами полицейской государственности.

5. Внутреннее положение.

В учредительном сейме, принявшем описанную конституцию, отсутствовало, как отмечено выше, сплоченное большинство, вследствие чего отдельные его постановления определялись случайным и колеблющимся соотношением сил.

Такая же политическая раздробленность наблюдается и в первом польском сейме, избранном на основе конституции 1921 г.

Выборы в сейм и сенат состоялись в ноябре 1922 г. и обнаружили сильный раскол голосов избирателей. На этом основании партийный состав сейма, насчитывающего 444 депутата, представляется в следующем виде: правый блок (в том числе преимущественно национал-демократы) располагает 38% мандатов; центр (партия Витоса, имеющая 70 мандатов, и национальная рабочая партия — 18 мандатов) имеет в своем распоряжении 20% депутатских полномочий; левые группы (крестьянские радикальные партии, представленные 54 депутатами, социал-демократы — 41 депутатом и коммунисты — 2 депутатами) — 22% и, наконец, национальные меньшинства (34 еврея, 20 украинцев, 16 немцев, 12 белоруссов, 5 галицийцев русской национальности и 2 русских) — 20%. Среди перечисленных политических партий наибольшею организованностью и устойчивостью отличаются национал-демократическая и социал-демократическая партии.

До возникновения независимой Польши разногласия между отдельными ее политическими группировками основывались, главным образом, на различном отношении к господствовавшим в Европе великим державам. Во время войны, как отмечено выше, краковские консерваторы, а также и социалисты (во главе с Пилсудским) стояли на стороне германской коалиции, тогда как национал-демократы ориентировались на Антанту.

В самостоятельной Польской республике национал-демократы и социал-демократы являются единственными легальными партиями, имеющими определенные и законченные политические программы. Национал-демократы попрежнему относятся враждебно к Германии и настаивают на всемерном соблюдении дружественных отношений с СССР. Вместе с тем, они являются наиболее горячими сторонниками франко-польского союза. В области внутренней политики национально-демократическая партия, проникнутая клерикальным и националистическим духом, отражает интересы крупных землевладельцев и ведет борьбу против проведения аграрной реформы.

Партия польских социалистов (часто именуемая сокращенно „пепеэсовцами“) придерживается диаметрально противоположных взглядов. Одержимая великодержавными стремлениями, она ведет анти-русскую политику и мечтает о возрождении старой Польши в границах 1772 г., превращенной в федеративное государство, в составе польской, белорусской и украинской частей. Этою мыслью вдохновлялось, в частности, польское наступление 1920 г., достигшее своего апогея после захвата Киева и в конечном итоге потерпевшее полное крушение. В сфере внутренней политики польская социал-демократическая партия добивается установления власти, опирающейся как на рабочих, так и на крестьян, вследствие чего сближается с ради-

кальными крестьянскими партиями. Во всем остальном, однако, партия носит ярко выраженный национально-польский отпечаток.

Другие партии не имеют определенных программ по вопросам международной политики, а их внутренне-политические взгляды всецело определяются нуждами и пожеланиями стоящих за ними социальных групп. Это относится в особенности к польской народной партии, руководимой Витосом, которая пользуется поддержкой крестьянства и добивается неуклонного осуществления аграрной реформы. Остальные партии отличаются крайней раздробленностью и играют малозаметную роль в политической жизни страны.

Польская коммунистическая рабочая партия возникла в декабре 1918 года, путем слияния двух левых социалистических групп („социал-демократов русской Польши и Литвы" и „левицы польской социалистической партии"). Наибольшее внимание партия уделяла борьбе с социал-демократами за господствующее влияние на польский пролетариат. В начале своего существования, до русско-польской войны, коммунистическая партия открыто выступала на политической арене и имела в своем распоряжении легальные печатные органы. Она пропагандировала борьбу за диктатуру пролетариата посредством вооружения рабочего класса и настаивала на бойкоте выборов в учредительный сейм. Однако, вследствие вышеотмеченного принудительного выселения из Польши большей части рабочих коммунистическая партия не могла пустить глубокие корни и достигнуть крупного политического влияния. Во время войны с РСФСР антивоенная агитация партии повлекла за собою жестокие правительственные репрессии против коммунистов, которые были объявлены вне закона. Коммунистическая партия перешла на нелегальное положение, которое несколько облегчилось лишь по окончании войны. На парламентских выборах 1922 г. она провела в сейм двух своих кандидатов, но продолжает попрежнему испытывать тяжкие гонения, препятствующие развитию ее деятельности.

Итак, польский сейм, избранный в 1922 г., явил картину большого политического разномыслия, не позволяющего образовать устойчивое парламентское большинство. Вследствие преобладающего значения правых партий, более осуществимым представляется правое большинство; оно облегчается и тем обстоятельством, что польская народная партия тесно примыкает к национал-демократии в вопросах внешней политики. Но резкие расхождения на почве внутренней политики и опасения Витоса утратить доверие поддерживающих его крестьянских масс, тяготеющих к крестьянским радикальным партиям, устраняют возможность прочной коалиции центра и правых. Объединение же центра с левым блоком не обеспечивает им абсолютного парламентского большинства.

В связи с этим соотношением сил выдающееся, а нередко и решающее, значение в сейме имеют национальные меньшинства, представительство которых достигает, как мы видели, $^1/_5$ общего состава. На время выборов отдельные национальные группы образовали блок с целью проведения общими силами возможно большего числа своих представителей. В дальнейшем, однако, они предоставили друг другу полную свободу действий и самостоятельно борются за свои специфические требования. Они выступают солидарно лишь в тех случаях, когда идет речь о смягчении того национального и культурного гнета, от которого все они страдают в равной мере.

Определяющее влияние национальных групп сказалось при решении первого же крупного вопроса о выборах президента Польской республики. Пилсудский, неудовлетворенный конституцией 1921 года, несколько сузившей полномочия главы государства, 4 декабря 1922 г. отказался от дальнейшего выполнения своих функций и поставил сейм и сенат перед необходимостью избрания в соединенном заседании нового президента. На этот пост был избран 9 декабря прежний министр иностранных дел Нарутович, являвшийся сторонником умеренных воззрений и стремившийся преимущественно к внутреннему подъему страны. За Нарутовича голосовало незначительное большинство обеих палат, образовавшееся благодаря поддержке национальных меньшинств. Решающее участие последних—и в особенности евреев—в избрании главы государства вызвало негодование правых элементов, повлекшее за собою убийство Нарутовича, через неделю после его избрания, одним из приверженцев национал-демократов. Его преемником был избран тем же большинством Войцеховский, бывший первоначально социалистом, а впоследствии перешедший в польскую народную партию.

Отмеченное неустойчивое соотношение сил отдельных политических партий, представленных в сейме, влекло за собою частые изменения курса польской политики и частые смены польских кабинетов. Все эти колебания не оказывали, однако, серьезного влияния на господствующую линию внутренней политики сменявших друг друга правительств. Суровое преследование идейных противников путем резких запретительных мер, направленных против соответствующих организаций и печатных изданий, и заключения в тюрьмы всех лиц, представляющих малейшую опасность, жестокие притеснения национальных меньшинств, „полонизация" окраин, сохранение тяжкого материального положения рабочих и крестьян — таковы основные черты, характеризующие образ действий польской власти на протяжении всего существования самостоятельной Польской республики.

Это реакционное направление постепенно достигло такого размаха, что вызвало взрыв негодования даже во Франции,

неизменно оказывающей Польше покровительство и поддержку. В июне 1924 года большая группа французских общественных деятелей, ученых, литераторов и др., объединившая широкие слои руководящей французской интеллигенции (в их числе, например, Пенлевэ, бывший председатель палаты депутатов, а ныне премьер-министр), опубликовала резкий протест против свирепствующего в Польше „белого" террора, который был иллюстрирован сведениями о переполнении тюрем, притеснении прессы и союзов, угнетении национальных меньшинств и т. п.

На почве этого национального гнета и тяжелого материального положения инородного крестьянства, осенью 1924 г. на восточных окраинах Польши вспыхнуло широкое партизанское движение, которое было направлено против существующего в Польше строя в лице ее правительственной власти. Окраины эти населены преимущественно белорусским и украинским крестьянством, крайне страдающим от земельной нужды и переобремененности разного рода налогами и сборами. Польское правительство не только не принимает мер к улучшению его материального положения, но, напротив, неизменно усиливает налоговой пресс. На-ряду с этим оно преследует местную свободомыслящую печать, препятствует выполнению местным населением религиозных обрядов, оказывает широкое попустительство бесчинствам военных отрядов и переселяет в эти области польские элементы. Упомянутое широкое и продолжительное партизанское движение служит лишним свидетельством неурегулированности в Польше внутренних социально-политических и национальных отношений, таящих в себе возможности постоянных революционных вспышек.

6. Международное положение.

Крайне неуравновешенным и неустойчивым является и международное положение современной Польши. Вся ее внешняя политика находится под доминирующим влиянием Франции, которой она в значительной мере обязана своим существованием. Франко-польский союз, фактически обозначившийся с самого возникновения независимой Польши, принял законченные и твердые очертания в политическом соглашении от 19 февраля 1921 г., которое обязывает договаривающиеся стороны к взаимной охране их государственных границ, а также их законных политических и экономических интересов. Кроме того, Польша связана с Францией негласной военной конвенцией 1921 г., повлекшей за собою введение в Польше обязательной воинской повинности.

До того польская армия, основным ядром которой явился вышеупомянутый польский легион, сформированный во время войны, составлялась из добровольцев и во время русско-поль-

ской войны 1919—1920 гг. достигала почти 1 милл. человек. Законом 1922 г., под давлением Франции, в Польше была установлена всеобщая воинская повинность, с двухгодичным сроком обязательной службы. Численный состав армии на мирное время был ограничен 250 тыс. человек, но фактически в 1922 г. превышал 400 тыс. и лишь в 1923 г. был понижен до 270 тыс. В феврале 1924 г. польским сеймом был принят новый военный закон, распространивший воинскую повинность на Верхнюю Силезию, которой во время плебисцита Польша гарантировала освобождение ее населения от военной службы на 8 лет (т.-е. до 1929 года).

Как видно из приведенных данных, польская армия является одной из крупнейших армий Европы, уступающей по своей численности только французским и итальянским вооруженным силам. На основе указанного тайного военного соглашения, Франция оказывала Польше, на протяжении минувшего периода существования последней, значительную материальную и организационную поддержку в деле формирования и вооружения ее новой армии. Тем не менее, как мы видели выше при рассмотрении польских финансов, эта милитаристическая политика, острием своим направленная против Советской России, ложилась тяжелым бременем на польский государственный бюджет и крайне ухудшала общее экономическое положение страны. В течение сессии Лиги Наций, имевшей место в сентябре 1924 г., Польше было предложено, в соответствии с тогдашней „пацифистской“ эрой внешней политики руководящих держав, приступить к уменьшению своих вооруженных сил.

Политическая и военная помощь, которую Франция неизменно оказывала Польше, обставлялась разного рода экономическими компенсациями, предоставлявшимися последнею своей покровительнице. Важнейшими из этих компенсаций явились: торговый договор 1922 года, по которому Франция получила целый ряд таможенных льгот, и особая нефтяная конвенция 1922 года, упомянутая нами выше.

Основные трудности современного международного положения Польши заключаются в шаткости и неналаженности ее взаимоотношений с Союзом ССР, от времени до времени обостряющихся из-за всевозможных пограничных стычек, дипломатических конфликтов и т. п. В июле 1924 г. состоялось подписание советско-польской консульской конвенции, которая явилась первым международным соглашением СССР, посвященным урегулированию консульских сношений с иностранными государствами. Эта конвенция должна была послужить делу умиротворения отношений между Польшей и СССР и облегчить прекращение их частых столкновений. Однако, сентябрь 1924 г. ознаменовался новыми пререканиями между ними по вопросу о Восточной Галиции.

Они начались с протеста польского правительства против меморандума Х. Г. Раковского по указанному вопросу, который был им передан 12 августа от имени Советского Правительства английской делегации, участвовавшей в англо-советской конференции. Судьба Восточной Галиции, населенной преимущественно украинцами, по первоначальному мнению держав-победительниц, должна была быть решена путем плебисцита. Однако, как упоминалось выше, в 1923 году конференция послов признала присоединение Восточной Галиции к Польше. Советская Россия, со своей стороны, в Рижском мирном договоре согласилась на переход спорной области к Польше, но в дальнейшем не переставала настаивать на устройстве всеобщего опроса местного населения, подчеркивая международное значение этого вопроса, связанного с правом национального самоопределения. Повторное выставление соответствующих требований СССР, в лице его полномочного представителя в Англии Х. Г. Раковского, и вызвало резкие протесты польского правительства против возбуждения этого вопроса, на его взгляд решенного окончательно и бесповоротно. Советское Правительство в своих ответах вновь подтвердило выполнение им всех постановлений Рижского договора, но отказалось при этом признать режим Восточной Галиции, установленный помимо его участия и без выяснения воли местного населения. Этот последний русско-польский спор красноречиво свидетельствует о чрезвычайной шаткости и неустойчивости сношений Польши со своими соседями, неустойчивости, являющейся плодом ее аггрессивной, воинственной политики и неизменно угрожающей возникновением новых международных осложнений.

В связи с этим неуверенным положением по отношению к Советской России, Польша стремится к установлению дружбы с другими государствами, ближе к ней расположенными, нежели Франция. Общность интересов с Румынией вызвала к жизни польско-румынский союз 1921 г., обязывающий оба государства к совместной вооруженной защите своих восточных границ. В том же году Польша заключила договор с Чехо-Словакией, который гарантирует территориальные владения обеих договаривающихся сторон; вместе с тем, они обязываются взаимно придерживаться благожелательного нейтралитета и допускать беспрепятственный транзит военных грузов, направляемых в другое договаривающееся государство. Таким образом, Польша связана договорными отношениями с двумя членами так называемой Малой Антанты (третьим членом которой является Юго-Славия), но не входит в состав последней вследствие расхождения с нею по некоторым вопросам международной политики.

Взаимоотношения Польши с ее прибалтийскими соседями не отличаются особенной прочностью и устойчивостью. Поль-

ско-литовский спор, который ведется беспрестанно на протяжении всего самостоятельного существования обоих государств, до сего времени не может считаться изжитым, вследствие чего отношения между Польшею и Литвою носят крайне враждебный характер (см. Литва). С другими окраинными государствами (Латвией, Эстонией и Финляндией) Польша поддерживает более дружественные отношения, но и они не принимают каких-либо законченных очертаний и ограничиваются отдельными соглашениями по специальным вопросам экономического и правового свойства.

Вывод из всего изложенного о внутреннем и внешнем положении Польши представляется достаточно отчетливым и ясным: современное Польское государство, взлелеянное мировой войною и европейскими революциями, является одним из крупнейших и опаснейших очагов грядущих международных столкновений.

Глава II.

Финляндия.

1. Возникновение Финляндского государства.

В составе довоенной Российской империи правовое и политическое положение Финляндии являлось крайне неблагоприятным и особенно ухудшилось в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне. Всколыхнувшая всю Европу и заострившая ее многочисленные „больные вопросы“ война послужила могучим толчком к усилению давнишних финляндских мечтаний об освобождении от царского гнета и о достижении полной независимости. Державы Антанты, лицемерно провозглашавшие в начале войны основною целью своей борьбы восстановление и укрепление прав и свободы малых народностей, обходили, однако, молчанием конкретный вопрос о расширении самостоятельности Финляндии. Российское правительство, со своей стороны, не только не давало Финляндии каких-либо обещаний, по образцу воззвания к полякам, но, наоборот, еще увеличило преследование финской общественности. Многие финские общественные деятели, в том числе старый борец за финляндскую свободу Свинхувуд, были отправлены в Сибирь.

Все это вместе взятое, естественно, направляло взоры и надежды Финляндии в сторону Германии. В случае победы последней, рассчитывали финны, она примет все меры к тому, чтобы Россия была решительно и надолго ослаблена и выбита из числа опасных соперников. Одним из подобных мероприятий должно было явиться отторжение от России Финляндии, представлявшей для нее крупное стратегическое и экономическое значение. На этой почве в кругах финляндской молодежи возникло сильное течение в пользу отправки в Германию добровольцев для оказания ей поддержки на восточном фронте против России. Это добровольное вступление финнов в ряды германских войск должно было привлечь симпатии Германии на сторону Финляндии и послужить залогом желанного разрешения ее судьбы по окончании войны.

Подготовка финляндских добровольцев производилась с величайшей осторожностью, благодаря которой удавалось

сохранять ее в полной тайне от российских властей. Подготовленные добровольцы отправлялись в Германию небольшими партиями по несколько человек, в результате чего общее число перебежчиков постепенно достигло полутора тысяч. Германское командование сформировало из них особый прусский егерский батальон под № 27, который был присоединен к вооруженным силам, действовавшим на восточном фронте. Этот батальон сыграл немаловажную роль в деле укрепления финляндско-германских связей, явившись первым звеном в той цепи событий, которая, как мы увидим ниже, развернулась в Финляндии после русской Февральской революции 1917 года.

Февральская революция повлекла за собою резкое изменение отношения России к Финляндии. Временное Правительство, в состав которого вошел особый министр по делам Финляндии, издало два правительственных акта: манифест об „утверждении конституции вел. княжества Финляндского" от 20 марта 1917 г. и грамоту о созыве сейма, в последние годы перед революцией совершенно не созывавшегося, в г. Гельсингфорсе, от 4 апреля 1917 г. Вслед за этим Временное Правительство назначило новый состав финляндского сената. Все эти мероприятия свидетельствовали о том, что Временное Правительство приняло на себя преемственное осуществление власти, принадлежавшей прежде русскому императору и вел. князю финляндскому. Законность этой власти первоначально признавалась как сеймом, так и сенатом.

Временное Правительство, видя в себе продолжателя старой русской власти, обязанного подготовить созыв учредительного собрания, по отношению к Финляндии заняло иную позицию, чем по отношению к Польше. Оно приписывало себе роль подготовительной инстанции, призванной сохранить в полной неприкосновенности принятое наследие вплоть до появления его подлинного распорядителя — учредительного собрания.

Эта точка зрения подтверждается заявлением, сделанным министром иностранных дел П. Н. Милюковым английскому послу Дж. Бьюкенену. Последний в телеграмме, отправленной своему правительству, писал: „Говоря о Финляндии, он (Милюков) сказал, что будет составлен проект ее освобождения, но никакого решения не будет принято до созыва учредительного собрания".

Подобная постановка вопроса удовлетворила, однако, не все круги финляндской общественности, и в скором времени проявились стремления к немедленному расширению самостоятельности Финляндии. Большинство лидеров ее буржуазных партий настаивало на сохранении правовых связей с Россией и на доверчивом отношении к ее новым правителям. Финская социал-демократия не проявила единодушия в важнейших вопросах, выдвинутых изменившимися политическими усло-

виями. Одна часть социал-демократической партии высказалась за предъявление России радикальных требований по вопросу о самостоятельности Финляндии, тогда как другие социалистические группы примыкали к коммунистическому движению и, оставляя в стороне проблемы чисто политического свойства, добивались полного переустройства всего общественного строя.

На-ряду с этими группировками уже в самом начале Февральской революции в Финляндии наблюдалось сильное „активистское" течение, распространенное преимущественно в кругах студенчества, которое признавало необходимой вооруженную борьбу против России для окончательного устранения финляндской зависимости; в стремлении к достижению этой задачи, активисты возлагали большие надежды на германскую помощь.

Финляндский сейм, состоявший в большинстве из с.-д. (103 депутата из 200), первоначально не оспаривал законности новой русской власти; постепенно, однако, он усвоил иную точку зрения, согласно которой, после отречения Николая II и вел. князя Михаила, престол финляндского великого князя стал вакантным, в силу чего сейм, сделавшийся единственным носителем верховной власти, приобрел право самостоятельного определения государственного устройства страны. В результате этот взгляд одержал победу, и в согласии с ним был принят закон „об осуществлении верховной власти", санкционированный самим сеймом 18 июля. Закон этот, значительно расширявший компетенцию финляндских властей, не отвергал, вместе с тем, соединения с Россией в отношении дел внешних, военных и некоторых иных. Вокруг указанного закона разгорелась ожесточенная полемика как в самой Финляндии, так и в России. Посланная из Петрограда в Гельсингфорс специальная меньшевистская делегация, в составе Чхеидзе, Либера и Дана, с целью отговорить финских с.-д. от этого шага, прибыла уже после того, как он был сделан.

Финляндский сенат, верный своей первоначальной точке зрения, отказался опубликовать этот закон, а российское Временное Правительство распустило сейм и назначило новые выборы. Последние дали незначительный перевес буржуазным партиям (108 против 92), в результате чего в сейме не могло составиться квалифицированное большинство, необходимое по сеймовому уставу 1906 г. для изменения основных законов страны. В виду этого, в среде буржуазных партий возник новый проект, который предлагал Временному Правительству посредством одностороннего акта передать правительственные функции в Финляндии местному высшему органу власти, с тем, чтобы „внешние дела... оставались за высшею правительственною властью в России, а равно, чтобы Финляндия не вносила изменений в военное законодательство и законодательство, касающееся русских граждан и русских учреждений в Финляндии".

Однако, до разрешения этого вопроса существование Временного Правительства прекратилось.

Октябрьская революция нашла немедленный отклик в Финляндии. Захват власти в России рабочими и крестьянами был сочтен господствующими слоями финляндского населения не только политическим, но и правовым переворотом, совершенно нарушившим всякую преемственность русской государственной власти. Финские буржуа квалифицировали Советскую власть как произвольное фактическое господство, ни в какой мере не простирающееся на территорию Финляндии, дотоле подчиненную российской государственной власти. На почве разрыва преемственности в осуществлении последней, руководящие политические круги Финляндии и признали, что руки у них отныне развязаны и они могут свободно распоряжаться дальнейшими судьбами своей страны. Сейм, тотчас же обсудивший вопрос об отношении к русским событиям, признал, что свержение Временного Правительства привело к уничтожению того государственного органа, который должен был осуществлять власть императора и вел. князя. В виду этого, 9 ноября было вынесено постановление о временной передаче этой власти совету правителей, имеющему быть избранным сеймом в составе трех членов. Постановление это осталось, впрочем, без каких бы то ни было последствий. Сейм, вследствие царивших в нем разногласий, не мог привести его в исполнение.

Вслед за этим была образована специальная комиссия для выработки проекта государственного устройства новой Финляндии. В состав этой комиссии вошли виднейшие юристы и политические деятели, во главе с профессором Стольбергом (избранным позднее президентом Финляндской республики). Согласно составленному ею проекту, Финляндия должна была закрепить свою полную самостоятельность во всех внутренних делах, не изменяя при этом своего международного положения и оставаясь попрежнему под суверенитетом России. Однако, в это время сепаратистские тенденции в Финляндии были уже настолько сильны, а вражда буржуазных партий к русской Советской власти настолько ожесточенной, что указанная попытка сохранения русско-финляндских связей оказалась совершенно бесплодной. Протянутая нить была слишком тонка, чтобы соединить собою два чуждых друг другу мира. Вполне естественно, что момент ее окончательного разрыва не заставил себя долго ждать.

Обострившееся, между тем, внутреннее политическое положение страны оказало влияние на сейм, который 15 ноября постановил „принять на себя осуществление впредь до дальнейшего власти, принадлежавшей, согласно действовавшим законоположениям, государю императору и вел. князю". В скором времени сейм осуществил присвоенную себе власть,

и 26 ноября состоялось избрание правительства во главе со Свинхувудом. Предписание сейма Финляндии о назначении правительства страны было первым актом его самостоятельной власти. В произнесенной Свинхувудом 4 декабря программной речи в сейме впервые встречается официальное упоминание о финляндской независимости.

Провозглашение независимого Финляндского государства последовало 6 декабря 1917 г. в виде единогласного постановления сейма. До этого момента речь шла лишь о внутреннем строе Финляндии, реконструкция которого оставалась совместимой с сохранением русско-финляндских правовых связей. Отныне они должны были окончательно прерваться. Власть Советского Правительства была признана незаконной, и — как вывод — связи с Россией были расторгнуты не временно и условно, а навсегда и безоговорочно.

Итак, попытки постепенного ослабления русской власти в Финляндии закончились провозглашением Финляндией, вслед за русской Октябрьской революцией, своей полной независимости. Ее оправдание и объяснение базировались на „Форме правления“ 1772 года (38 п.), согласно которой шведские сословные чины наделялись правом, в случае смерти последнего по мужской линии представителя династии, избрать нового короля. Хотя шведская „форма правления“ 1772 г. и оставалась до последнего времени действовавшим правом Финляндии, ее п. 38, после присоединения страны к России и утверждения Александром I основных законов великого княжества, потерял свою силу: акты, соединившие Финляндию с Россией, создали не личную связь между русской династией и Финляндией, а присоединили последнюю к России. С тех пор Финляндия принадлежала России, находилась в ее владении, в неразрывном с нею соединении. Одной России принадлежал суверенитет. Таким образом, ни при каких условиях Финляндия не могла самостоятельно решать вопрос об организации своей высшей власти. Поэтому упомянутая „Форма правления“ не могла служить основанием того одностороннего волеизъявления Финляндии, которым была расторгнута связь, соединявшая ее с Россией.

Каково же было отношение Советской власти к описанному нами финляндскому перевороту?

Прежде всего должно быть отмечено вышеприведенное постановление о праве свободного национального самоопределения, распространявшееся на все народности, населявшие Россию. Финляндия, однако, провозглашая свою независимость, как мы видели, не только не ссылалась на это постановление, но, напротив, исходила из незаконности Советской власти и искала иных правовых источников для обоснования своего отделения от России.

Но вскоре международная обстановка сложилась для Финляндии таким образом, что она оказалась вынужденной

обратиться за признанием своей независимости к той самой Советской власти, на незаконности которой она первоначально строила свою самостоятельную государственность. Вслед за провозглашением независимости Финляндия отправила торжественные миссии за границу, имевшие целью исходатайствовать признание нового государства иностранными державами. С первых же шагов финляндские миссии натолкнулись на нежелание Германии и Швеции признать Финляндское государство до соответствующего волеизъявления Советской власти. Начинавшиеся тогда брестские мирные переговоры между Германией и Россией, заставлявшие проявлять по отношению к последней должное внимание для достижения желаемых результатов, служили объяснением этого дипломатического хода Германии, равно как и тяготевшей к ней Швеции. Эти новые обстоятельства заставили финляндское правительство, наперекор своей первоначальной линии поведения, обратиться к Советской России за получением ее признания. Миссия эта, осуществление которой было поручено главе правительства Свинхувуду, увенчалась полным успехом.

18 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров вынес утвердительное решение, которое гласило: „В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской республики, Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с правом наций на самоопределение, постановляет войти в ВЦИК с предложением: а) признать государственную независимость Финляндской республики и б) организовать по соглашению с финляндским правительством особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России". Декрет этот был утвержден ВЦИК'ом 22 декабря 1917 г. Цитированный акт Советской власти свидетельствует с полной несомненностью о том, что обе заинтересованные стороны понимали волеизъявление Советской власти как признание совершившегося факта, но отнюдь не как его исходный пункт, его правовой фундамент. Поэтому упоминание в „Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", принятой III Съездом Советов, о „приветствии политики Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии", является, повидимому, словесным недоразумением. Провозглашение финляндской независимости действительно имело место. Но исходило оно не из русских, а из финляндских уст. Рабоче-Крестьянское Правительство лишь подтвердило вполне законченный процесс отделения Финляндии.

Вскоре после признания Советским Правительством финляндской независимости, последовало и ее признание со стороны некоторых европейских государств. 4 января 1918 г. соответствующее постановление было вынесено шведским советом

министров под председательством короля. 5 января новое государство получило признание Франции, а 7 января — Германской империи. Вслед затем к перечисленным державам присоединились Дания и Норвегия. Англия и Италия отказались дать свое признание до окончания войны. В дальнейшем державы Согласия обусловливали свое признание финляндской независимости выполнением ряда требований. Так, Соединенные Штаты С. А. выставляли в качестве необходимых условий: а) тесное единение Финляндии с державами Согласия, б) образование правительства, отвечающего соотношению сил в сейме, и в) обеспечение демократического образа правления.

Таким образом, достижение финляндской независимости отличалось в начале совершенно „мирным и бескровным" характером. Новому Финляндскому государству пришлось, однако, вскоре испытать жестокую внутреннюю борьбу, принявшую формы кровопролитной гражданской войны.

2. Гражданская война в Финляндии.

Социальные противоречия, дававшие себя сильно чувствовать в последнее время, приняли особенно резкие очертания после русской Октябрьской революции. Последняя дала решающий толчок к выходу того озлобления и гнева пролетарских слоев населения, который дотоле находился в потенциальном состоянии. На почве тяжелого продовольственного положения, в связи с общим недовольством правительством, через несколько дней после Октябрьской революции в России в Финляндии вспыхнула всеобщая забастовка. Она продолжалась недолго и была прекращена на основании решения с.-д. партии, продиктованного опасением раскола в рабочем движении и надеждами на мирное достижение своих целей парламентским путем. Этим, однако, не был исчерпан тот резкий антагонизм между враждебными группами населения, который накапливался в течение долгого времени и вскоре с новой силой прорвался наружу. Ноябрьская забастовка послужила первым сигналом грядущей борьбы, под влиянием которого началась спешная подготовка вооруженных сил как „белых", так и „красных" элементов страны. Белая гвардия формировалась главным образом на севере и западе из среды крестьянского населения и интеллигенции, получая при этом вооружение из Швеции и Германии, тогда как красногвардейские части возникали преимущественно в крупных рабочих центрах южной Финляндии и опирались на русские войска, находившиеся под влиянием армейских и флотских большевистских комитетов.

В середине января 1918 г., когда организация красной гвардии стала принимать внушительные размеры, правительство признало, что назрел момент для принятия решительных

мер борьбы с революционным движением. Оно потребовало от сейма предоставления в его распоряжение чрезвычайных кредитов на нужды обороны и, в связи с этим, значительного расширения своих полномочий; парламентское большинство дало свое согласие на предложенные мероприятия.

Финские „соглашатели", незадолго до того сорвавшие стихийно вспыхнувшую забастовку и тем самым ослабившие сплоченность пролетарских масс, не преминули заявить свой легальный протест (по всем правилам парламентаризма!), оказавшийся, впрочем, бессильным, так как непосредственно после этого правительство ускорило процесс формирования добровольных правительственных войск, командование которыми было возложено на царского ген. Маннергейма. Чувствуя приближение раскатов революционного грома, многие из членов правительства заблаговременно перебрались из Гельсингфорса в Вазу. Остальные министры во главе со Свинхувудом оставались в столице вплоть до революционного переворота, после которого бежали в Вазу через Ревель, находившийся тогда в зоне германской оккупации.

Революционное восстание произошло в конце января 1918 г. и явилось неожиданностью для буржуазного правительства, еще недостаточно подготовленного к сопротивлению. 27 января все центральные правительственные учреждения в Гельсингфорсе были без боя заняты повстанцами. Вслед за этим началась ожесточенная борьба между „красными", захватившими в свои руки южные области страны, и „белыми", сосредоточившими свои силы на севере. Революционная власть возвестила, что „прежнее правительство, заслужившее ненависть народа, свергнуто" и заменено Советом Народных Уполномоченных.

Революция 1918 года питалась преимущественно идеями умеренной социал-демократии, которая в то время отвергала мысль о коренном социальном перевороте, вместо которого пропагандировала постепенное эволюционное развитие по пути к социалистическому строю. Лишь в конце 1918 г. от с.-д. партии откололась значительная часть ее членов, эмигрировавших в Россию и здесь основавших новую Финляндскую рабочую партию, примкнувшую к коммунистическому движению.

В соответствии со своей первоначальной точкой зрения на революцию в Финляндии, с.-д. партия, захватив в свои руки власть, осталась верна прежним демократическим основам государственного строя. Временное осуществление правительственной власти было возложено на Совет Народных Уполномоченных, образованный в составе виднейших представителей с.-д. партии, под председательством Маннера (б. председателя сейма). В его состав вошли: Сирола (иностр. дела), Гюллинг — нынешний председатель совнаркома Карельской республики (финансы),

Токой (продовольствие), Куусинен (народное просвещение) и др. Совет Народных Уполномоченных был подчинен контролю особого представительного органа — Главного Рабочего Совета. Последний объединял в своей среде 35 делегатов различных организаций, в том числе: 10—от с.-д. партии, 10—от красной гвардии, 10—от профессиональных организаций и 5—от организованных рабочих города Гельсингфорса.

Совет Народных Уполномоченных выработал проект новой конституции, который должен был быть впоследствии передан на утверждение народа посредством всенародного голосования. Указанный проект передавал осуществление высшей государственной власти „всенародному учредительному собранию", а правительство конструировал в качестве его исполнительного органа, подчиненного всестороннему контролю со стороны народного представительства и целиком перед ним ответственного; вместе с тем, народу предоставлялось право широкой инициативы и голосования по всем важнейшим вопросам государственной жизни, связанным с конституцией.

В области ближайшей практической деятельности революционное правительство поставило своей важнейшей задачей улучшение материального положения рабочих и беднейших крестьян и облегчение условий их труда. С этою целью оно издало декрет, принуждавший предпринимателей беспрекословно исполнять закон о 8-часовом рабочем дне, изданный ранее (в ноябре 1917 г.), но часто нарушавшийся. Далее, оно обязало предпринимателей выплачивать рабочим причитающуюся им заработную плату в случае безработицы на основе локаута, установило налог на квартиры, занимаемые зажиточными слоями населения, реквизировало запасы хлеба и картофеля, улучшило положение крестьян-арендаторов путем отмены арендной платы, уменьшило зависимость домашней прислуги от своих хозяев и т. п.

В сфере административной и производственной деятельности новая власть натолкнулась на всеобщий бойкот, объявленный как государственными чиновниками, так и владельцами и служащими частных предприятий. Поэтому все органы управления, с одной стороны, и фабрики и заводы, с другой стороны, оказались всецело в руках рабочих, которые проявили большую энергию в деле их поддержания и восстановления. Что касается организации красной гвардии, то она отличалась значительными недостатками, которые сознавали и сами руководители борьбы (см. О. В. Куусинен. „Революция в Финляндии [самокритика"] 1919 г., стр. 47 и сл.): формирование частей производилось без определенной системы и принимало в различных местах самые разнообразные формы — добровольного набора как организованных, так и неорганизованных рабочих, обязательного набора всех рабочих, всеобщей мобилизации, включая и буржуазию и т. д. Помимо того, отсутствовали подготовленные коман-

диры, разведочная служба была поставлена крайне скверно, оружие получалось в недостаточном количестве, резервные части почти отсутствовали.

Недочеты эти, однако, в известной мере компенсировались той поддержкою, которую оказывали красной гвардии русские войска, находившиеся в Финляндии. Руководящую роль в среде последних вскоре после Февральской революции начали играть большевистские организации, опиравшиеся главным образом на личный состав Балтийского флота. Комитеты эти, работая рука об руку с финляндскими социалистами, на-ряду с ведением политической пропаганды, готовили финских рабочих к строевой службе. Некоторые русские воинские части приняли участие в гражданской войне, вспыхнувшей в Финляндии в январе 1918 года, в качестве самостоятельных боевых единиц. Лишь после заключения Брестского мирного договора, обязавшего Россию вывести ее войска из Финляндии, русские воинские части были ликвидированы, а лица, пожелавшие принять участие в дальнейших военных действиях, вступили добровольцами в финляндскую красную гвардию. При этом один из виднейших русских военачальников в Финляндии, М. С. Свечников, перешедший на службу в красную гвардию, был назначен помощником ее главнокомандующего (военного министра Хаапалайнена) и ее главным инструктором. По свидетельству М. С. Свечникова (см. его воспоминания „Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 г.“, П.—М. 1918 г.), русские войска не проявляли особой склонности к борьбе с финляндской белой гвардией и, под влиянием общего переутомления, стремились к возвращению домой. Поэтому, после заключения русско-германского мирного договора, ряды русских отрядов красной гвардии сильно поредели. Общая численность последней дошла до 60 тыс. человек.

Несмотря на численное преобладание белой гвардии, на лучшую постановку ее командования, руководимого б. генералом русской службы Маннергеймом, и на лучшее ее снабжение, красная гвардия стойко сражалась, временами даже переходя в наступление. Брестский мирный договор и специальный договор, заключенный между Финляндией и Германией, послужили, однако, предвестниками близкого крушения революционных войск.

3. Брестский мирный договор и германская оккупация Финляндии.

Вопросу о правовом и политическом положении Финляндии уделялось на Брестской мирной конференции значительное внимание. Финляндская независимость неоднократно подтверждалась представителями обеих договаривающихся сторон в течение всего хода мирных переговоров.

„Все необходимые выводы из права наций на самоопределение сделаны Советским Правительством по отношению к Финляндии"—говорил Л. Д. Троцкий в пленарном заседании конференции от 10 февраля 1918 г. „Финляндия не была оккупирована чужими войсками, — указывал он в заседании политической комиссии от 11 января 1918 г.—Воля финляндского народа выразилась в тех формах, которые могут и должны быть названы демократическими. Поэтому, — продолжал он, — Советская власть не выдвигала никаких возражений против немедленного осуществления получившей должное выявление народной воли". В дальнейшем Л. Д. Троцкий ссылался на то, что „Финляндия признана целым рядом правительств как независимая республика". Позднее он констатировал, что Германия и Австро-Венгрия признали правительство Свинхувуда немедленно после признания Советской Россией финляндской независимости. Происшедший в Финляндии переворот повлиял, однако, по его указанию, на позицию германского правительства в противоположном направлении. Новое „правительство рабочих и крестьян Финляндии не встретило с его стороны такой готовности, как ему предшествовавшее" (стеногр. отчет мирных переговоров в Брест-Литовске, стр. 57, 75, 149 и 162).

Таким образом, русская делегация в отношении Финляндии проводила знакомую нам точку зрения, которая требовала широкого национального самоопределения и в отношении Польши выливалась в форму референдума, а в данном случае довольствовалась существовавшим народным представительством, безоговорочно признавая достижение Финляндией самостоятельности.

В свою очередь, и германская делегация нередко проявляла свое отношение к финляндской независимости, в различной связи затрагивая вопрос о новом государственном образовании.

Так, глава германской делегации ф.-Кюльман в заседании политической комиссии от 14 января 1918 г. подчеркивал, что Финляндия, признанная Правительством Народных Комиссаров в качестве нового государственного образования, возникла не путем референдума, а по решению национального собрания, избранного на широких основаниях. Указание это имело целью убедить Советскую власть в возможности распространения ее признания и на другие государственные образования. В заседании 18 января 1918 г. он указывал на то, что Финляндией получено признание многих великих держав (стеногр. отчет, стр. 100 и 127).

Этот обмен мнений, сводившийся к констатированию отдельных фактических обстоятельств и к изложению различных теоретических умозаключений, имел в значительной мере лишь академический характер и не оказывал существенного влияния на положение Финляндии.

Все же упоминание о Финляндии мы встречаем и в мирном договоре, которым закончились брестские переговоры.

В ст. 6-й означенного договора мы читаем: „Финляндия и Аландские острова... будут немедленно очищены от русских войск и русской красной гвардии, а финские порты от русского флота и русских военно-морских сил. Пока лед делает невозможным перевод военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии".

Это соглашение является очевидным следствием тех жалоб на действия русских войск, с которыми обращалась Финляндия к германскому правительству. Еще во время брестских переговоров ф.-Кюльман указывал на то, что „русская армия приняла участие в гражданской войне и что неоднократно выраженное пожелание вывести русские войска с финляндской территории не встретило со стороны Российского правительства удовлетворительного ответа". „Мы,—заявлял он в заключение,—оставляем за собою право занять то или иное отношение к создавшемуся в Финляндии положению" (стеногр. отчет, стр. 161). В ответном заявлении Л. Д. Троцкий указывал, что в телеграмме на имя Свинхувуда им было выражено обещание невмешательства русских войск в происходившую в Финляндии борьбу. Далее, однако, он признавал возможность того, что „отдельные незначительные столкновения в атмосфере революции могли иметь место между отдельными частями русских войск и группами и отрядами финляндской буржуазной армии" (стеногр. отчет, стр. 161—162).

Отмеченный ход гражданской войны в Финляндии и явился фактором, предопределившим разрешение финляндского вопроса в Брестском договоре. Признание финляндской независимости в последнем особо не оговаривается. Оно было уже дано Советским Правительством. Сделать все необходимые выводы из этого признания, обезопасить Финляндию от русского влияния—такова цель, преследуемая цитированным обязательством вывода русских военно-морских сил и прекращения агитации против правительства страны. Однако, выставлением описанных требований Германия не ограничилась. Стремясь к окончательному разрыву русско-финляндских связей, она заключила с Финляндией особый договор от 7 марта 1918 г., в котором обещала ей свое покровительство и поддержку. Вскоре последовало реальное проявление германской „помощи", предусмотренной в договоре, и Финляндия оказалась оккупированной германскими войсками, высадившимися в ней в начале апреля 1918 года.

Правительство, возглавляемое Свинхувудом, с самого начала гражданской войны взывало к Германии о помощи для подавления революционных элементов страны. До заключения

Брестского договора эта помощь выражалась лишь в снабжении финляндской белой гвардии разного рода военными материалами. Брестский мир освободил значительную часть германских вооруженных сил, действовавших на восточном фронте, и позволил Германии оказать буржуазному правительству Финляндии поддержку своими войсками. Небольшой германский военный отряд был направлен в Финляндию еще в начале марта 1918 г. с целью занятия Аландских островов. 3-го апреля в самой Финляндии высадился германский экспедиционный корпус в составе 20 тыс. человек, под командой известного генерала фон-дер-Гольца.

Этот десант оказал решающее влияние на исход финляндской гражданской войны. Слабо организованная красная гвардия, лишившаяся значительной части своих русских подкреплений и павшая духом под влиянием вторжения германских войск, очутилась лицом к лицу с противником, сильно превосходившим ее своею численностью и организованностью и включавшим в свои ряды победоносные войска Германии, находившейся тогда еще во всем блеске своего могущества. Повстанцы противопоставили этому натиску упорное сопротивление, которое, однако, вскоре было сломлено. 27 апреля пал революционный Гельсингфорс, 12 мая революционное правительство было вытеснено из Выборга и было вынуждено бежать в Россию. 17 мая, когда вся Финляндия находилась уже в руках победителей, правительство Свинхувуда возвестило в торжественной форме об окончании гражданской войны.

Победа белых войск принесла с собою жесточайший террор, направленный против всех лиц, так или иначе причастных к революционному движению. „По официальным сообщениям число убитых, по все еще неполным сведениям, превосходит 13.000 чел., число погибших в концентрационных лагерях— 15.000 чел.“ (Ф. Кон. „Капиталистический террор“. „Комм. Интернац.“, №. 1, 1924 г.). Террор, поддерживаемый молчаливым бессилием социал-демократической партии Финляндии, заставил рабочие массы пересмотреть свое отношение к партии и ее вождям. Одним из существенных результатов этого пересмотра явилось образование новой социал-демократической партии, принявшей название „Финляндской социалистической рабочей партии“ (см. ниже).

4. Урегулирование отношений Финляндии с РСФСР и Западной Европой.

Незадолго перед подписанием Брестского мирного договора, Финляндия заключила договор с русским Советским Правительством (1-го марта 1918 г.). Этот договор, явившийся первым международным актом Советской власти, должен был

ликвидировать государственные взаимоотношения, существовавшие между Россией и Финляндией. Важнейшие постановления договора были включены в последующий русско-финляндский мирный договор, на рассмотрении которого мы остановимся несколько ниже. И этот акт, подобно Брестскому мирному договору, оставляет в стороне вопрос о финляндской независимости, исходя из предшествующего приобретения Финляндией прав государственного верховенства, и рассматривает ее как равноправную договаривающуюся сторону.

Происшедшая вскоре революция в Германии освободила Финляндию от иностранного влияния, но отношения с Россией и после этого не налаживались в течение продолжительного времени. Враждебные отношения установились между Советской Россией и Финляндией еще в начале 1918 г. В июне того же года в Берлине были начаты переговоры о прекращении военных действий. Но переговоры эти были вскоре прерваны вследствие того, что Финляндия предъявляла непомерные территориальные притязания (на весь Кольский полуостров и значительную часть б. Олонецкой губернии), которые Советская Россия удовлетворить не желала. Осенью 1919 года Советским Правительством было сделано Финляндии, одновременно с Латвиею и Литвою, мирное предложение. Означенные республики собрались на совещание для совместного решения вопроса об ответе на полученное предложение, но ни к каким реальным результатам эти переговоры не привели. Лишь 12 июня 1920 г. открылись русско-финляндские мирные переговоры в Юрьеве.

В связи с этим, на заседании ВЦИК'а 17 июня народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин подвел итоги отношений с Финляндией за последние годы. „Мы неизменно стояли,—заявлял он,—на почве безоговорочного признания полной независимости Финляндии без тех полувассальных отношений, которые когда-то были. Финляндия на это отвечала непомерными притязаниями и территориальными и финансовыми". Предложение заключения мира, сделанное Финляндии осенью 1919 г., ею принято не было. Указывая на те большие затруднения, которые обусловливаются финляндскими требованиями, он все же выражал надежду на благоприятный исход начатых переговоров (стеногр. отчет, офиц. изд. М. 1920 г.).

Юрьевская конференция закончилась заключением мирного договора, подписанного 14 октября 1920 г. и ратифицированного ВЦИК'ом 23-го того же месяца.

Договор начинается с указания на то, что „Финляндия в 1917 г. провозгласила себя самостоятельным государством" и что „Россия признала Финляндское государство в границах великого княжества Финляндского независимым и суверенным".

Эти первые строки мирного договора,—включенные в него, вне всякого сомнения, по требованию финляндской делегации,— отчетливо выявляют финляндскую точку зрения на возникновение нового государственного образования, признанную и Советской Россией; определяющая роль приписывается самостоятельному решению финляндского народа, а волеизъявлению Советской власти придается лишь значение последующего признания.

Помимо территории бывшего великого княжества Финляндского, Россия уступает Финляндии по Юрьевскому мирному договору Печенгскую область, расположенную у Северного Ледовитого океана и граничащую с Норвегиею (ст. IV). Это присоединение осуществило давнишнее финляндское стремление к получению незамерзающего выхода в открытое море на севере, с целью обоснования своих рыбных промыслов в западной части Мурмана, ведущей наиболее оживленную торговлю с Норвегией. В связи с указанной уступкой Печенгской области, Россия приняла меры к обеспечению своих интересов и безопасности в Северном крае. Мирный договор воспрещает Финляндии содержать в прибрежных водах Северного Ледовитого океана вооруженные суда, за исключением небольших судов установленного тоннажа, а также устраивать на этом побережьи военные порты, базы для военного флота и военные ремонтные мастерские (ст. VI). Гражданам обоих договаривающихся государств предоставляется право рыбной ловли и свободного плавания рыболовных судов в прибрежных водах Северного Ледовитого океана, как уступленных Финляндии, так и оставшихся в сфере господства России (ст. VII). Российскому государству и российским гражданам предоставляется право свободного транзита через Печенгскую область в Норвегию и обратно, с освобождением экспортных и импортных грузов от контроля и от всякого рода таможенных и транзитных сборов и с беспрепятственным пропуском российских граждан, направляющихся из России в Норвегию и обратно (ст. VIII).

Условия транзита через Печенгскую область были подвергнуты более детальному урегулированию в последующем соглашении от 28 октября 1922 г. Это соглашение уточняет и разъясняет понятие права свободного транзита, предоставляемого всем российским должностным лицам и частным гражданам. Исключения из общего правила предусматриваются лишь в отношении военных отрядов и боевых припасов; кроме того, они могут устанавливаться по соображениям общественной безопасности, народного здравия и провозоспособности железных дорог.

По Юрьевскому мирному договору все российские граждане, имеющие местожительство в Печенгской области, признаются немедленно финляндскими гражданами, с тем, однако,

условием, что лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, получают право оптировать российское гражданство (ст. IX).

Дальнейшие постановления договора, посвященные гарантии общей безопасности РСФСР, существенным образом отличаются от соответствующих статей мирных договоров, заключенных с другими окраинными государствами. В то время, как все они были направлены преимущественно против разного рода антисоветских организаций, действовавших на территории договаривающихся с Россией государств, русско-финляндский договор переносит центр тяжести в вопрос о нейтрализации вод, разделяющих договаривающиеся стороны, и расположенных в них островов и военных сооружений. Прежде всего, Россия и Финляндия, по примеру русско-эстонского договора, высказываются в принципе за нейтрализацию Финского залива, а также и всего Балтийского моря (ст. XII), и, в случае осуществления этой нейтрализации, обязуются нейтрализовать и Ладожское озеро (ст. XVI). Впредь до достижения необходимого для этой цели соглашения, оба договаривающиеся государства принимают на себя обязательство не держать на Ладожском озере и его берегах, равно как и на впадающих в него реках и каналах и на Неве, военных сооружений, имеющих какое-либо аггрессивное назначение; исключение предусмотрено лишь в отношении небольших военных судов и соответствующих их величине военно-морских баз (там же). Кроме того, договор устанавливает и существенные односторонние обязательства, возлагаемые на Финляндию. Она обязуется нейтрализовать ряд принадлежащих ей островов Финского залива, немедленно приступить к нейтрализации острова Гогланда, разрушить в течение года форты Ино и Пуумала и, наконец, не возводить на близлежащем к русской границе побережьи батарей, стрельба которых может выходить за пределы финляндских территориальных вод (стт. XIII—XV).

Мирный договор оказался, однако, недостаточным для предотвращения пограничных столкновений. В виду неоднократного возникновения после его заключения конфликтов на русско-финляндской границе, РСФСР. и Финляндия заключили 1 июня 1922 г. специальное соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность их границ. Указанное соглашение детально определило предельную численность пограничных войск и количество военного снаряжения в пограничной полосе и воспретило пребывание в последней организаций, причастных к нападениям на территорию другой договаривающейся стороны.

Особому урегулированию в порядке дополнительного соглашения подвергся вопрос о территории Карелии. Эта область издавна служила объектом мечтаний господствующих финляндских кругов, дожидавшихся случая, который позволил бы им присвоить Карелию с ее огромными лесными массивами

и другими естественными богатствами. Желание обладать этим краем, сулившим крупные выгоды, было так велико, что нашло свое откровенное отражение в виде определенного требования присоединения в политических программах финляндских буржуазных партий.

По Юрьевскому мирному договору, несмотря на настойчивые притязания Финляндии, Карелия была оставлена в составе РСФСР. Финские белогвардейцы-активисты не пожелали примириться с этим решением и вслед за заключением мирного договора приступили к организации в Карелии белогвардейских отрядов, пополняемых из среды местного населения. Открытая борьба этих отрядов против Советской России началась в конце 1921 г. и через 4 месяца закончилась победой Красной Армии.

После ликвидации белогвардейских отрядов в Карелии, Советское Правительство, в целях предотвращения угрозы новых нападений в карельском районе, приступило к переговорам с правительством Финляндии, результаты которых вылились в соглашение, подписанное в июне 1922 года. На основании этого соглашения финляндское правительство обязалось выслать из пограничной полосы лиц, причастных к подготовке нападений на РСФСР, и не допускать на своей территории организации какой бы то ни было помощи повстанцам против Советской России. Вместе с тем, Советское Правительство заявило, что впредь будет считать себя в праве признать всякое новое нападение за начало военных действий со стороны Финляндии.

Этим, однако, не был положен конец домогательствам Финляндии, направленным на присоединение к ней Карелии. Так, в течение сессии Лиги Наций, состоявшейся в сентябре 1924 г., финляндская делегация передала особую декларацию по карельскому вопросу, которая, впрочем, не была подвергнута обсуждению.

В виду особого правового положения Финляндии, которое она занимала в составе бывшей Российской империи, в русско-финляндском мирном договоре отсутствуют какие-либо упоминания о праве гражданства и оптации. Договор этот ограничивается разрешением русским гражданам, находящимся в Финляндии, и финляндским гражданам, находящимся в России, возвратиться на родину, если они не арестованы в другой стране за тяжкое преступление. Вместе с тем, договор предусматривает освобождение граждан другого государства, арестованных вследствие состояния войны или по политическим причинам, а также и присужденных к наказанию за деяния политического характера (ст. XXXV).

Вопрос о возвращении на родину граждан обоих договаривающихся государств разрешается, таким образом, лишь в самых общих чертах. В виду медленного хода эвакуации, тормозившейся невыясненностью многих деталей, 12 августа

1922 г. было заключено дополнительное соглашение, установившее во всех необходимых подробностях признаки гражданства лиц, находящихся на территории другой договаривающейся стороны, допускаемые к вывозу ими предметы, технический порядок эвакуации и т. п.

Значительные особенности должны быть отмечены и в области ликвидации мирным договором финансовых и имущественно-правовых взаимоотношений России и Финляндии.

Обе договаривающиеся стороны признают безвозмездный переход своего имущества, находящегося в пределах другого договаривающегося государства, в собственность последнего (ст. XXII). Из этого общего правила предусматриваются, впрочем, и некоторые исключения. Так, финляндское правительство обязуется возвратить России русские суда, оставшиеся в Финляндии в 1918 г. Советское Правительство, со своей стороны, обязуется возвратить финляндским гражданам принадлежавшие им суда, реквизированные во время мировой войны российским правительством без вознаграждения их владельцев (ст. XXIII). На основании особого соглашения, заключенного 12 августа 1922 г., в развитие приведенной статьи, подлежащие возвращению суда должны передаваться в том состоянии, в котором они находились в момент осмотра их экспертами, а причиненные этим судам впоследствии убытки должны быть возмещаемы. Помимо этого, договаривающиеся государства обязуются возвратить друг другу находящиеся на их территории архивы и документы, касающиеся исключительно или главным образом другого договаривающегося государства (ст. XXIX).

В сфере чисто финансовых отношений Россия и Финляндия взаимно отказываются от возмещения противной стороною военных расходов, освобождают друг друга от ответственности по государственным долгам и иным обязательствам другого договаривающегося государства и признают взаимно погашенными все обязательства, лежавшие на них друг перед другом (стт. XXIV—XXVI). Вместе с тем, Россия принимает на себя всю ответственность за убытки, причиненные распоряжениями российских властей во время войны имуществу третьих государств и их граждан, находившемуся в Финляндии (ст. XXVII). В отношении же отдельных претензий финляндских граждан, равно как и товариществ и союзов, в связи с принадлежавшими им в России имуществами, Россия предоставляет Финляндии право наиболее благоприятствуемого государства (ст. XXVIII).

Переходя в дальнейшем к вопросам, выдвигаемым возобновлением между договаривающимися странами экономических отношений, мирный договор кладет в их основу принцип наибольшего благоприятствования и беспрепятственного транзита грузов другой договаривающейся стороны (ст. XXXI). Россия

и Финляндия, вместе с тем, выражают согласие немедленно принять меры к заключению соглашений о пограничном сообщении на Карельском перешейке, об упорядочении движения и сплава лесного товара по водным системам, соединяющим территории обоих договаривающихся государств, об установлении беспересадочного и бесперегрузочного железнодорожного сообщения между ними, о возобновлении почтового и телеграфного сообщения и т. п. (стт. XVII—XXI и XXXIII—XXXIV).

В развитие и дополнение этих статей Юрьевского мирного договора, в последующие годы между Финляндией и Россией был заключен ряд специальных соглашений по перечисленным вопросам.

27 сентября 1921 г. состоялось временное соглашение о сплаве лесных материалов по рекам Тулеманиоки и Миналаниоки, протекающим по территории обоих договаривающихся государств. Соглашение это определило условия сплава на навигационный период осени 1921 г. и весны 1922 г. Через год (28 октября 1922 г.) была заключена постоянная конвенция о сплаве лесных материалов по пограничным водным системам. Конвенция 1922 г. предоставляет отдельным гражданам и государственным учреждениям право беспрепятственного сплава лесных материалов через границу и далее, по территории другой договаривающейся стороны, вплоть до моря. Дальнейшие постановления конвенции посвящаются установлению детальных условий сплава, а в заключение оба договаривающиеся государства обязуются распространять на сплавщиков другой стороны все льготы и преимущества, которые могут быть предоставлены в будущем своим гражданам или гражданам третьего государства. Кроме того, 11 октября 1921 г. было заключено особое соглашение о сплаве лесных материалов в пределах Реппольской и Поросозерской волостей, согласно мирному договору освобожденных от финляндских войск и присоединенных к Карельской автономной области (ныне республике).

Посредством двух специальных соглашений был урегулирован вопрос о рыбной ловле в смежных водах, намеченный в мирном договоре лишь в общих чертах. Соглашение от 20 сентября 1922 г. определяет порядок рыбного промысла в Финском заливе. В силу этого соглашения оба договаривающиеся государства сохраняют за своими гражданами исключительное право рыбной ловли в собственных территориальных водах, но предусматривают допустимость последующего взаимного предоставления возможно более широких прав и гражданам другой договаривающейся стороны. В отношении рыбной ловли в водном пространстве, находящемся за пределами территориальных вод, устанавливаются правила, обеспечивающие мирное совместное производство рыбного промысла. Вскоре было заключено новое соглашение о поддержании главного фарватера и о производстве рыбной ловли во всех погранич-

ных водных системах, за исключением Ладожского озера (28 октября 1922 г.). В силу этого нового соглашения Россия и Финляндия обязуются не загораживать главный фарватер, для обеспечения свободного стока воды, движения судов и лодок, сплава леса и прохода рыбы. Постановления, посвященные условиям рыбной ловли, воспрещают преграждать пути прохождения рыбы, засорять реки отбросами, пользоваться при рыбной ловле ядовитыми или взрывчатыми веществами и т. п.

Вопрос о железнодорожном сообщении между Россией и Финляндией послужил предметом временного соглашения от 14 декабря 1921 г., которое определило условия перевозки по железным дорогам пассажиров, их багажа и грузов из России в Финляндию и обратно через пограничные пункты Белоостров и Раяйоки.

Телеграфные сношения между Россией и Финляндией были восстановлены на основе временного соглашения, заключенного 13 июня 1922 г., а почтовые сношения были урегулированы в заключенном вслед за этим временном соглашении от 22 июня 1922 г.

Юрьевский мирный договор, удовлетворив значительную часть финляндских притязаний, усилил и укрепил ее международное положение. К этому времени относится и усиление ходатайств Финляндии о приеме ее в Лигу Наций. Подготовительные шаги Финляндии были весьма трудны и продолжительны, вследствие многочисленных требований и условий, которые выдвигались руководящими державами. Перед целым рядом комиссий ей приходилось давать объяснения относительно своей военной программы. Численность финляндской армии в 32.000 человек была утверждена, при чем ее сокращение было признано несвоевременным.

Ходатайства Финляндии увенчались, наконец, успехом, и в пленарном заседании 16 декабря 1920 г. Лига Наций вынесла постановление о принятии в свой состав, на-ряду с некоторыми другими государствами, и Финляндии.

5. Хозяйственная жизнь.

В результате Юрьевского мирного договора и последующих соглашений, новое Финляндское государство, принятое в международное общение, получило возможность развития своих производительных сил в установленных территориальных пределах.

Территория Финляндии, слагающаяся, как отмечалось выше, из бывшего великого княжества Финляндского и Печенгской области, занимает площадь в 387,6 тыс. кв. км. (вместе с внутренними водами). Население Финляндии, составлявшее перед войною 3.197 тыс. человек, возросло к началу

1922 г. до 3.402 тыс. человек. Большинство жителей до последнего времени приходится на долю сельского населения, которое, однако, неуклонно уменьшается за счет населения городов. Городское население в начале XIX века едва достигало 5% всего народонаселения страны; к началу XX века оно возросло до 12,5%, а к 1920 году достигло 16,3%. Вместе с тем, бо́льшая часть населения, определяемая в 61%, занимается до последнего времени сельско-хозяйственным трудом.

Таким образом, экономическая жизнь Финляндии отличается ясно выраженным сельско-хозяйственным оттенком. Вследствие неблагоприятных климатических и почвенных условий, сельско-хозяйственная площадь ограничивается 8,5% поверхности, преобладающую часть которой составляют леса и неудобные земли. В области земледелия главное значение имеет скотоводство, эксплуатируемое преимущественно с целью выработки молочных продуктов, значительная часть которых (главным образом масло) вывозится за границу.

Хлебопашество отличается ограниченными размерами и не покрывает внутренней потребности в хлебе, которую приходится пополнять посредством ввоза из-за границы; зерновые хлеба являются важнейшей статьею финляндского импорта.

Характерною чертою финляндского землевладения является его резкое неравенство. В подтверждение этого достаточно указать, что в 1910 г. на долю мелких хозяйств (до 10 гектаров), составлявших 76,5% всех хозяйств, приходилось лишь 43,4% сельско-хозяйственной площади; на долю средних хозяйств (10—100 гект.), составлявших 23%—50,3% сельско-хозяйственной площади, и, наконец, на долю крупных хозяйств (свыше 100 гект.), составлявших всего 0,5%—6,3% сельско-хозяйственной площади. При этом среди мелких хозяйств господствующее значение имело использование арендованной земли. Через 10 лет, т.-е. в 1920 г., распределение отдельных категорий хозяйств и обрабатываемой ими земли осталось почти неизменным. Как видно из приведенных данных, Финляндия представляет собою страну мелкой крестьянской собственности и аренды. Неудовлетворенность арендаторов своим положением и наличие большого числа совершенно безземельных крестьян, на-ряду с социально-политическими устремлениями господствующих кругов Финляндии, привели к проведению в 1918 и 1922 гг. крупных аграрных реформ.

Вслед за подавлением революции была сделана попытка выкупа крестьянами-арендаторами арендуемых ими земель посредством особого закона, изданного 15 октября 1918 г. и дополненного законом от 19 июля 1919 г. На основании этих законов, выкуп распространялся на земельные участки до 10 гектаров и мог производиться лишь в пользу безземельных арендаторов по оценке 1914 г. Путем предоставления соответствующим арендаторам широкого кредита,

правительство облегчало проведение выкупной операции и рассчитывало, в результате ее проведения, превратить бо́льшую часть крестьян-арендаторов, общее число которых составляло около 70.000, в самостоятельных земельных собственников. Те из крестьян, которые соблазнились приобретением помещичьих участков, вскоре испытали на горьком опыте всю сладость выкупной операции.

Затратив для приобретения такого участка свои последние гроши, недавний крестьянин-арендатор, превратившийся теперь в мелкого собственника, попадал в безвыходное положение, не имея средств для ведения собственного хозяйства.

Кредит капиталистических финансовых учреждений, преследующий, естественно, интересы своих хозяев, не оказывал реальной помощи маломощному и не развившемуся крестьянскому хозяйству, и владелец его, воспользовавшись таким кредитом, попадал в кабальную зависимость к новому капиталисту, едва ли не более жестокую, чем прежняя зависимость от крупного помещика. Это нередко приводило к тому, что новый землевладелец продавал свой участок, предпочитая ему прежнее арендное землепользование.

Описанная выкупная операция, однако, подвигалась вперед весьма медленным темпом, вследствие чего правительство сочло необходимым принять более радикальные меры для ускорения начатого процесса. С этой целью министром земледелия Каллио (впоследствии премьер-министр) был выработан новый аграрный законопроект, который получил одобрение сейма в октябре 1922 г.

Закон 1922 г. признает право на землю за каждым безземельным лицом, принадлежащим к сельскому населению страны. Как безземельные, так и малоземельные крестьяне должны наделяться землею в кредит, либо из казенного земельного фонда, либо путем принудительного выкупа части земель крупных землевладельцев, в руках которых сосредоточивается свыше 200 гектаров земли; при этом на имения от 200 до 500 гектаров отчуждение может распространяться лишь в том случае, если в них не проживают их владельцы или если они не имеют хозяйственной связи с другими имениями того же владельца. Норма отчуждения прогрессивно возрастает в соответствии с увеличением земельных участков, принадлежащих отдельным землевладельцам, и, начинаясь с 3%, доходит до 50% владений, превышающих 5 тыс. гектаров. Пресловутый „лекс Каллио“, однако, также не принес существенного облегчения трудовым крестьянским массам.

Громко возвещенное законом право безземельных на землю и малоземельных на прирезки оказалось наполовину безответственным „министерским“ заявлением, сделанным по указанию

„Аграрного союза", руководимого буржуазными лидерами в единении с лидерами финской социал-демократической партии.

Крупные аграрии-капиталисты, усмотревшие в законе Каллио намек на экспроприацию, вынудили сейм принять в дополнение к закону „указ об осуществлении закона" такого содержания, которое в значительной мере оградило их от действия самого закона.

К. Маннер так характеризует этот „лекс Каллио", о котором любят упоминать финские общественные круги: „...речь идет о большом обмане, сплетенном аграрной буржуазией при помощи социал-демократических лидеров, тем более, что вся затея с предоставлением земли для того, чтобы стать какой-либо реформой даже в буржуазном смысле, потребует неограниченного количества государственных средств, которых капиталистическое государство, разумеется, не имело и не имеет, потому что собираемые поборами средства оно употребляет на непроизводительные цели" („Коммунистический Интернационал" 1924 г., № 2).

Конечною целью этих мероприятий является увеличение и усиление мелкого крестьянского землевладения на началах собственности, для образования прочной и надежной опоры буржуазного строя современной Финляндии. По мере осуществления указанной аграрной реформы можно ожидать дальнейшего возрастания влияния мелкого и среднего крестьянства, которое, в лице представляющей его партии аграриев, как мы увидим ниже, и без того резко увеличило за последнее время свой удельный вес в политической жизни страны.

Значительно бо́льшую роль, по сравнению с земледелием, играет в Финляндии эксплуатация лесов, покрывающих 58% ее площади. Лесное хозяйство является важнейшей основой финляндской обрабатывающей промышленности и экспорта и обусловливает преобладающее значение изделий деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Развитие прочих отраслей промышленности тормозится недостатком минерального топлива и руды. Лесные материалы и бумажные товары, составлявшие и до войны львиную долю финляндского вывоза, поглощали в 1921 г. около 80% всей его ценности.

Общее хозяйственное положение Финляндии, резко ухудшившееся за время войны, в течение последних лет подверглось значительному улучшению. Отчетливым проявлением этих изменений является торговый баланс страны. Его неизменная пассивность в довоенное время, выражавшаяся в превышении ввоза над вывозом примерно на 30% (по ценности), резко усилилась в течение войны, вследствие чего в 1919 г. отмеченное превышение достигло 200%. В последующие годы эта разница неуклонно уменьшалась, и в 1923 г. ценность экспорта почти совершенно сравнялась с ценностью импорта. До войны бо́льшая часть финляндских товаров вывозилась в Германию

и Россию, а главными ввозящими странами являлись Россия и Англия. После войны роль России во внешней торговле Финляндии уменьшилась до ничтожных размеров, несколько уменьшилось и значение Германии. Значительно увеличились доли участия Англии, Швеции и Дании, на-ряду с чем завязались оживленные сношения с Соединенными Штатами.

Финансовое положение Финляндии, в свою очередь, отразило те общие колебания, которые имели место в ее хозяйственной жизни во время и после войны. Неблагоприятные последствия войны сказались в резком обесценении финской марки (примерно в 10 раз), которое значительно опередило возрастание за тот же период ценности отдельных частей народного достояния (в 3—6 раз). Вследствие неизменной дефицитности своего бюджета, Финляндии приходилось пополнять недостающие денежные суммы посредством заключения займов и увеличения выпуска бумажных денег. На этой почве значительно возрос финляндский государственный долг, достигавший к концу 1923 года около 2 миллиардов финских марок, из которых свыше $^1/_3$ приходилось на внешнюю задолженность. Общая ценность находившихся в обращении банковых билетов финляндского банка, определявшаяся к концу 1913 г. в 113 милл. финск. марок, увеличилась к концу 1923 г. до 1.348 милл. финск. марок. На пути к восстановлению бюджетного равновесия финляндскому правительству удалось постепенно добиться существенных результатов, выразившихся в доведении дефицита в 1923 году до мало заметных размеров (доходы в сумме 2.466 милл. финск. марок и расходы—2.618 милл. финск. марок).

6. Государственное устройство.

Государственное устройство новой Финляндии, основанное на многолетних исторических традициях, в отличие от других окраинных государств было урегулировано в короткий срок.

В ноябре 1917 г., незадолго перед провозглашением финляндской независимости, правительство внесло в сейм проект конституции, построенной на республиканской основе. Этот проект, однако, не мог быть рассмотрен сеймом, ибо вспыхнувшая вскоре гражданская война прервала деятельность парламента и поставила на карту не только вопрос о государственном строе Финляндии, но и о самом ее существовании.

После подавления революции политическое мировоззрение господствующих элементов страны подверглось сильному сдвигу вправо и получило резко выраженный монархический оттенок. Основными причинами этой перемены послужили, повидимому, с одной стороны, свежие воспоминания о пережитой борьбе, связанные с опасениями новых вспышек, а с другой стороны—то огромное влияние на зарождавшееся Финляндское государ-

ство, которое оказывала в 1918 г. угасавшая Германская империя. На этом основании финляндский сенат, в согласии с большинством сейма, выработал осенью 1918 г. новый проект монархической конституции, покоившейся на парламентарных принципах и ограниченной королевской власти. Для решения сеймом этого вопроса требовалось предварительное признание его крайней спешности повышенным большинством сейма. В виду того, что правительственные попытки наталкивались на невозможность проведения в сейме соответствующего постановления, правительство и сеймовое большинство круто повернули в сторону от правомерного порядка конституционного законодательства и в октябре 1918 г. приступили к непосредственным выборам короля. 9-го октября 1918 г., основываясь на вышеуказанной „Форме правления" 1772 г., сейм избрал королем Финляндии германского принца Фридриха-Карла Гессенского.

Установление в Финляндии монархического образа правления вызвало резкий протест со стороны Франции. В ответной ноте, адресованной последней, финляндское правительство отвергло указания на существование какой-либо вассальной зависимости его от Германии и подчеркнуло совершенно добровольный характер приглашения Карла.

Ровно через месяц после избрания Финляндией короля произошло, как известно, отречение германского императора, а вслед за этим военное крушение Германии и вывод ее войск из оккупированных областей. В виду резкого изменения всей политической конъюнктуры, принц Карл отказался от предложенной ему короны.

С целью достижения некоторой устойчивости государственного управления, в мае 1918 г., после окончания гражданской войны, осуществление высшей правительственной власти было вверено особому правителю страны, каковым был избран Свинхувуд, бывший до того председателем сената. В декабре 1918 г. его место занял ген. Маннергейм, выполнявший свои полномочия до вступления в силу новой конституции.

Конституционный вопрос окончательно был разрешен в республиканском духе новым сеймом, избранным в марте 1919 г. Новая форма правления Финляндии была выработана с большою поспешностью и 22 июня была принята сеймом, а 17 июля утверждена Маннергеймом.

Финляндская форма правления 1919 г. была первой новой конституцией в ряду многочисленных актов, обогативших западно-европейское конституционное право после войны. По сравнению с последующими конституциями, она меньше отличается от конституций довоенных и содержит лишь некоторые из тех демократических нововведений, которые осуществлялись по мере дальнейшего развития политической жизни.

Конституция 1919 г. объявляет Финляндию суверенной республикой, в которой верховная власть принадлежит народу,

представленному своими уполномоченными, образующими сейм (стт. 1 и 2). Финляндский народ, однако, не принимает никакого непосредственного участия в решении государственных дел и оказывает только косвенное влияние на законодательство, посредством выборов народного представительства.

II-й раздел конституции, посвященный общим правам и правовой защите финляндских граждан, отличается от конституций других прибалтийских государств более умеренным характером. Он содержит постановления о равенстве всех граждан перед законом, о предстоящем отказе от пожалования различных наследственных достоинств, об охране жизни, чести, личной свободы и имущества каждого гражданина, о свободе передвижения, о праве совершения религиозных обрядов, о свободе слова, союзов и собраний, о неприкосновенности жилища, о тайне переписки (стт. 5—15). Вместе с тем, однако, предусматривается возможность законодательного ограничения этих прав во время войны или восстания, в отношении служащих в армии и флоте и в иных случаях (ст. 16). Конституция, в частности, сохраняет прежние ограничения права занятия публичных должностей, связанные с религией (ст. 9). В этом вопросе как нельзя ярче сказалась консервативная политика финляндской буржуазии.

Обращаясь к вопросу о законодательстве, конституция устанавливает, что организация и полномочия сейма — однопалатного парламента Финляндии — будут и впредь регулироваться органическим законом о сейме, изданным в 1906 г. Следовательно, сейм попрежнему подлежит избранию на трехлетний срок в составе 200 членов всеми гражданами обоего пола, достигшими 24-летнего возраста.

В сфере законодательства финляндская конституция также характеризуется несколько консервативным оттенком, в противоположность более радикальному уклону последующих прибалтийских конституций. Прежде всего, конституция совершенно отстраняет население от непосредственного участия в законодательстве. Далее, заметное место в законодательной процедуре отводится главе исполнительной власти, президенту республики. Все законы, принимаемые сеймом, должны представляться президенту для санкции и опубликования. Президент может налагать на отдельные законы свое veto, при чем его 3-месячное молчание признается равносильным отказу; в этих случаях судьба закона, неутвержденного президентом, решается после переизбрания сейма; в результате принятия новым сеймом того же закона, он вступает в силу без санкции президента (стт. 18 и 19). Как видно из этих постановлений, финляндский президент оказывает существенное влияние на принятие отдельных законов. Предоставленные ему в этой сфере права значительно превосходят, например, полномочия президента Соединенных Штатов, которые в общем и целом

отличаются, как известно, широким объемом. Последний обязан решать вопрос об одобрении того или иного закона в течение 10 дней, при чем его молчание толкуется как согласие (ст. I, отд. 7, п. 2). Любопытной особенностью финляндских постановлений о порядке принятия законов является упоминание о возможности обращения президента к высшим судебным инстанциям с запросами по поводу отдельных законопроектов или законов (стт. 18 и 19).

Роль президента в государственной жизни Финляндии чрезвычайно усиливается благодаря тому, что он избирается не парламентом, а народом. Выборы эти происходят, однако, не непосредственно, а косвенно, путем избрания для этой цели 300 выборщиков, избирающих президента на 6-летний срок (ст. 23). Тем не менее, полномочия президента признаются основывающимися на всенародной воле, что отражается между прочим и в тексте приносимой им присяги, которая начинается с указания на избрание президента Финляндской республики народом (ст. 42). Лишь в первый раз, в виде исключения, президент республики подлежит избранию сеймом, вслед за вступлением в действие конституции.

В сферу полномочий президента входит право досрочного роспуска сейма и назначения новых выборов (ст. 29), а также главное командование всеми вооруженными силами, которое он может сохранять за собою и во время войны (ст. 30). Он руководит внешними сношениями Финляндии; при этом, однако, договоры с иностранными государствами, затрагивающие вопросы, относящиеся к компетенции законодательной власти, должны передаваться на утверждение сейма. Равным образом, согласие последнего необходимо для объявления войны и заключения мира (ст. 33).

Правительство Финляндии, именуемое государственным советом, назначается президентом республики и должно пользоваться доверием сейма (ст. 36). Все акты, издаваемые президентом, нуждаются в скрепе соответствующего министра по принадлежности (ст. 34). При этом, в случае нарушения тем или иным актом президента какого-либо основного закона, соответствующий министр обязан отказаться от его скрепы; если же он усматривает в подобном акте противоречие обыкновенному закону, то должен довести об этом до сведения государственного совета (ст. 35). Последний, в случае согласия с мнением министра, предлагает президенту взять назад или изменить свое решение и, при безрезультатности этого предложения, должен отказаться от приведения в исполнение указанного решения (ст. 45). Президент может привлекаться и к ответственности перед верховным судом, в случае его обвинения в тяжкой государственной измене или в изменническом поступке; для предания президента суду необходимо вынесение соответствующего постановления сеймом, большинством $^2/_3$ голосов. Обнаружение каких-либо противозаконных действий министров

(членов государственного совета), в свою очередь, влечет за собою привлечение их к судебной ответственности по постановлению президента или сейма (ст. 47).

Все эти постановления имеют своим основным назначением всемерную охрану законности и пресечение незакономерных действий отдельных представителей администрации, вплоть до возглавляющего ее президента. Эта цель достигается при помощи того, что финляндское правительство (государственный совет), с одной стороны, и финляндский президент, с другой стороны, в отношении проверки закономерности их действий, поставлены в положение взаимной зависимости и обязаны неуклонно следить друг за другом. Для выполнения соответствующих функций в состав государственного совета входит особый канцлер юстиции, который дает отзывы по всем юридическим вопросам, обсуждаемым правительством, и следит за соблюдением законов отдельными органами власти; вместе с тем, он является и верховным государственным прокурором (стт. 37 и 46). Со своей стороны и сейм избирает своего делегата юстиции, — совершенно новая должность, введенная по образцу шведской конституции,—на которого возлагается наблюдение за применением законов и деятельностью судов и иных органов власти. Его функции, однако, носят лишь осведомительный характер и сводятся к информированию сейма о состоянии правосудия и о замеченных пробелах в законодательстве (ст. 49).

На-ряду с этим, сейм избирает на каждую сессию пять так наз. ревизоров бюджета, которые уполномочиваются следить за соблюдением государственной росписи доходов и расходов и за состоянием и управлением казны (ст. 71). Наконец, финляндский государственный банк ставится под покровительство и охрану сейма и управляется под наблюдением контролеров, избираемых сеймом (ст. 73). Эти постановления, в свою очередь, укрепляют первенствующее положение закона и обеспечивают руководящее влияние законодательной власти на распоряжение государственными финансами.

Судебная власть поставлена в положение, независимое от власти законодательной. Высшие судейские посты замещаются президентом республики (ст. 87), а прочие должности—высшими органами самой судебной власти (ст. 88). Судьи могут смещаться со своих должностей только на основании судебных приговоров (ст. 91).

7. Внутреннее положение.

Изложенная конституция является детищем буржуазных партий Финляндии, одержавших победу в ожесточенной гражданской войне и получивших по ее окончании господствую-

щее влияние на внутреннюю жизнь страны. Соотношение сил различных финляндских политических группировок наглядно характеризуется данными о численности депутатов виднейших партий за время независимого существования Финляндии и в предшествовавшие ему годы:

	1916 г.	1917 г.	1919 г.	1922 г.	1924 г.
Шведская народная партия	21	21	22	25	23
Старо-финны	33	32	—	—	—
Младо-финны	23	23	—	—	—
Коалиционная партия	—	—	28	35	37
Прогрессивная партия	—	—	26	15	18
Аграрии	19	26	42	45	44
Социал-демократы	103	92	80	53	60
Коммунисты [1]	—	—	—	27	18

Если противопоставить все буржуазные партии, с одной стороны, и социал-демократов (а с 1922 года и коммунистов), с другой стороны, то получится следующая картина, (в процентах):

	1916 г.	1917 г.	1919 г.	1922 г.	1924 г.
Буржуазные партии	48,5	54	60	60	61
Соц.-демократы	51,5	46	40	26,5	30
Коммунисты [1]	—	—	—	13,5	9

Обратимся теперь к вопросу о том содержании, которое скрывается под приведенными наименованиями отдельных финляндских партий.

[1] Выступают на выборах нелегально, прикрываясь флагом той или иной легальной организации.

Правый фланг занимают шведская народная партия и коалиционная партия, политические взгляды которых отличаются монархическим оттенком.

Шведская народная партия, представительство которой в сейме характеризуется сравнительной устойчивостью, преследовала до превращения Финляндии в независимое государство исключительно национальные цели и защищала интересы шведского населения Финляндии. Постановления по общеполитическим вопросам она включила в свою программу лишь в 1918 г., после провозглашения финляндской независимости и, в результате этого, из чисто национальной группы перевоплотилась в политическую партию, окрашенную в консервативно-монархические тона.

Коалиционная партия, в свою очередь, возникла в 1918 г, из прекратившей свое существование группы старо-финнов, а также из части младо-финнов. Коалиционная партия, значение которой постепенно возрастает, возглавляется Свинхувудом и объединяет консервативные круги финляндской интеллигенции и крупной буржуазии. Проникнутая великодержавными стремлениями, партия ставит своею важнейшею целью охрану внутреннего порядка и независимости страны и присоединение к Финляндии Карелии.

Центральное положение в финляндской политической жизни занимают партии прогрессистов и аграриев. Прогрессивная партия образовалась, на-ряду с коалиционной партией, в 1918 г. и включила в свой состав радикально настроенную часть младо-финнов. Руководящую роль в этой партии играл, до избрания его президентом республики, проф. Стольберг. В области внутренней политики прогрессисты подчеркивают свои симпатии к республиканскому строю, а в сфере внешних сношений настаивают на строго нейтральной линии поведения; тем не менее, и они высказываются за присоединение к Финляндии Карелии.

Аграрная партия, объединяющая мелких и средних земельных собственников, отличается необычайно быстрым темпом развития. С 1907 года до последнего времени число принадлежащих ей депутатских полномочий возросло в 5 раз (с 9 до 44), в результате чего она достигла первенствующего положения в ряду всех буржуазных политических групп. В области непосредственных интересов своих сторонников, аграрная партия добивается всемерного подъема сельского хозяйства, оттесненного новейшим развитием промышленности на задний план, и настаивает на поддержке безземельного и малоземельного крестьянства. На почве враждебного отношения к старой интеллигенции и крупной буржуазии, аграрии сближаются с умеренными социалистами, но свойственный им великодержавный финляндский национализм и неизгладимая ненависть к „наследственному врагу"—России—ставят между названными

партиями непреодолимую преграду. Под влиянием отмеченных обстоятельств аграрии находятся в промежуточном положении между буржуазными партиями и социалистами, которое вынуждает их примирять и сглаживать наиболее острые разногласия между крайними флангами.

Относительное большинство в финляндском сейме принадлежит до настоящего времени социал-демократической партии. Однако, сопоставление вышеприведенных данных о движении численного представительства в сейме отдельных партий наглядно свидетельствует о быстром и неуклонном уменьшении удельного веса финских с.-д. За период с 1916 г., когда с.-д. располагали в сейме абсолютным большинством, до 1922 г. число их депутатов понизилось вдвое. Это явление было обусловлено разнообразными причинами. С одной стороны, как мы отмечали выше, подавление восстания 1918 г. повлекло за собою преследование всех организаций, в той или иной форме причастных к революционному движению, в результате чего и с.-д. партия подверглась суровым репрессиям. С другой стороны, неподготовленность партии к социальной революции и недостаточно твердая и устойчивая тактика во время гражданской войны оттолкнули некоторых из ее приверженцев как вправо, так и влево от нее.

В августе 1918 г., в Москве, финскими эмигрантами, откололовшимися от умеренных с.-д., было положено начало молодой финляндской коммунистической партии. Начатая вслед за этим коммунистическая пропаганда в Финляндии наталкивалась, однако, на непреодолимые политические препятствия и, вследствие невозможности легальной борьбы, не получала широкого развития. В связи с этим, в начале 1920 г. в Финляндии образуется новая финляндская социалистическая рабочая партия, которая быстро становится весьма популярной в среде широких рабочих масс; ее программа слагается из следующих основных положений: уничтожение буржуазного государственного аппарата и замена его рабочей советской властью, овладение средствами производства, банками и средствами транспорта, отмена частной земельной собственности, экспроприация крупных поместий, замена капиталистической торговли системой планомерного распределения. Партия примыкает к III Интернационалу и влияние ее на рабочие массы все растет и растет.

Одновременно продолжает вести революционную работу и финская коммунистическая партия, основанная, как указано выше, в 1918 г. на территории Советской России; коммунистическая партия Финляндии ведет свою работу нелегально, защищая всеми возможными способами интересы пролетарских масс.

Коммунисты, входя в состав социалистической рабочей партии, прилагают все усилия к наибольшему революционизированию рабочей партии, постепенному выпрямлению ее

линии в сторону полного восприятия политики коммунистической партии.

Прикрываясь различными названиями, коммунисты добились представительства в сейме, которое составило в 1922 г. 27 депутатов, а в 1924 г. понизилось до 18.

Таким образом, подавлением восстания 1918 г. не был положен конец той социальной розни, которая отличается в Финляндии особенно резкими очертаниями. Борьба между „красными“ и „белыми“, начатая с оружием в руках в 1918 г., не прекратилась; она приняла лишь другие, более скрытые формы, за которыми скрывается прежнее содержание.

Острые разногласия между буржуазными партиями и социалистами — не говоря уже о коммунистах — дают себя чувствовать до последнего времени. Они повлекли за собою преждевременный роспуск сейма в начале 1924 г. и его перевыборы, состоявшиеся 1-го апреля. Причиной этой радикальной меры явилось неразрешимое столкновение между буржуазным большинством сейма и его соцалистической оппозицией, имевшее место в конце 1923 г. В это время у власти стояло министерство Каллио, опиравшееся на центр, т.-е. на умеренные партии прогрессистов и аграриев. Вследствие суровых преследований и непрекращавшихся арестов коммунистов, все левое крыло сейма, в виде крайнего средства, демонстративно покинуло сейм, находя невозможным и бесцельным свое дальнейшее в нем участие. Некоторое время сейм просуществовал в урезанном виде, а в начале 1924 г. был распущен. Новые выборы, как мы видели, почти не изменили парламентского соотношения сил, в результате чего внутреннее политическое положение страны продолжает оставаться крайне напряженным и исключает какую бы то ни было возможность образования твердого и устойчивого правительства, опирающегося на крупное и сплоченное парламентское большинство.

Этот выпуклый и резкий характер классовой борьбы в Финляндии основывается на сравнительно выдающемся развитии промышленности и классовой организованности обоих враждебных лагерей.

Организация рабочего класса проявляется в его многочисленных профессиональных союзах, объединяемых финляндской конфедерацией труда. Число членов профессиональных союзов, составлявшее в 1913 г. 27 тыс. человек, достигло своего апогея в 1917 г., дойдя до 160 тыс. человек. В 1918 г. профессиональное движение было совершенно разгромлено, но в 1919 г. начался новый и быстрый подъем рабочих профессиональных организаций. Насколько значительная часть рабочих объединяется профессиональными союзами и насколько ее роль постепенно возрастает, видно из того, что на долю организованных рабочих приходилось в 1916 г. 36,3% общего их

числа, в 1919 г. — 44,8%, а в последующие годы их численность приблизилась к 50%.

Если в области крестьянской политики правительство обнаруживает довольно оживленную деятельность, то рабочий вопрос находится в почти-что мертвом положении. Полное игнорирование интересов рабочих масс, соединенное с сильнейшим политическим гнетом, безработицей и преследованием рабочих организаций, служит источником постоянных столкновений между правительством и финскими пролетариями.

Своеобразной особенностью Финляндии является существование в ней военных организаций буржуазии, призванных к охране политического и социального строя и к содействию общей обороне страны. Это — добровольная гражданская милиция, подразделяющаяся на отдельные охранные дружины (Schutzkorps), включенные в общую оборонительную систему Финляндии. Имея своим основным назначением защиту существующего строя от всех возможных на него посягательств, финляндские охранные дружины сближаются с итальянской фашистской милицией, с португальской республиканской гвардией и с другими военными организациями, специально направленными на защиту господствующей политической системы. Добровольная гражданская милиция образовалась в Финляндии в 1918 г. и сыграла крупную роль во время гражданской войны. Ее существование покоится как на частных пожертвованиях, так и на казенных субсидиях. После подавления революции в Финляндии насчитывалось свыше 500 охранных дружин, число членов которых превышало 100 тысяч человек. При этом бо́льшая их часть принимает активное участие в действиях дружин, выполняя все лежащие на них обязанности, тогда как остальные члены ограничиваются внесением определенных членских взносов. Почетным начальником всех охранных дружин состоит ген. Маннергейм.

Финский пролетариат отвечает на создание этих организаций углубленной политической работой, направленной, главным образом, на создание единого фронта с крестьянством. Разгром революции 1918 г. доказал финским рабочим и крестьянам необходимость взаимного единения, отсутствие которого дало финской буржуазии возможность использовать несознательную крестьянскую массу в качестве усмирительной контр-революционной силы.

Под влиянием коммунистической партии Финляндии, развивающей крайне оживленную деятельность (в особенности после разгона в 1923 г. финской социалистической рабочей партии), сближение города и деревни происходит довольно успешно, находя свое отражение в программе союза под названием „Царство пахарей“, а также в особой „Защите прав и требований пахарей“ (подробно см. об этом „Коммунистический Интернационал“, № 2, 1924 г.). Обе программы являются

конкретным показателем братского союза городского пролетариата и крестьянства. Таким образом, старый антагонизм между городом и деревней постепенно изживается, и в этом — залог все возрастающей силы рабочего класса.

8. Международное положение.

В сфере внешней политики Финляндии, за истекший период ее независимого существования, также имели место значительные осложнения и конфликты. В ряду наиболее острых и жгучих проблем ее международных сношений одно из виднейших мест занимал вопрос об Аландских островах.

Аландский архипелаг, охватывающий множество мелких островов, расположен между Финляндией и Швецией, отделяя Ботнический залив от Балтийского моря. Издавна входя в состав Финляндии, этот архипелаг, однако, в подавляющем большинстве населен шведами и, вследствие своей близости к Швеции, неизменно привлекал к себе ее настойчивое и пристальное внимание. Постоянная угроза со стороны Аландских островов шведской столице, вызываемая их близким расстоянием друг от друга, повлекла за собою заключение между великими державами и заинтересованными сторонами особой конвенции о нейтрализации островов, подписанной на Парижской конференции 1856 г. (в виде приложения к Парижскому мирному трактату, закончившему восточную войну). В начале мировой войны 1914 г. Россия, в отступление от этой конвенции, воздвигла на Аландских островах новые укрепления. По Брест-Литовскому мирному договору, однако, все эти укрепления „должны (были) быть снесены при первой возможности“ (ст. VI).

Достижение Финляндией независимости и связанный с этим переход прав на Аландские острова от России к самостоятельной Финляндии не уменьшили того интереса, который проявляла к этим островам Швеция. Наоборот, ее стремления к их присоединению чрезвычайно усилились и воплотились в реальные формы под влиянием провозглашенного по окончании войны принципа национального самоопределения. Всемерно поддерживая и вдохновляя желание части аландцев соединиться со Швецией, шведское правительство начало энергично добиваться отделения от Финляндии всего Аландского архипелага. На этой почве и возникли резкие разногласия между названными странами, продолжавшиеся вплоть до урегулирования их спора Лигой Наций.

В стремлении к умиротворению населения Аландских островов и к прекращению конфликта со Швецией, финляндское правительство стало на путь компромисса и в начале 1920 г. разработало законопроект о самоуправлении островов. Проект был принят сеймом 6 мая 1920 г. и наделен силой

конституционного закона. Предоставленная Аландским островам автономия отличается чрезвычайно широким и своеобразным характером. Важнейшая ее особенность заключается в том, что присвоенные островам права не могут подвергаться никаким изменениям без согласия местного представительного органа — „ландстинга". Иначе говоря, финляндская государственная власть безоговорочно отказалась от ряда правомочий на территории Аландских островов, а местная власть получила такую неограниченную компетенцию, которой в большинстве случаев не имеют даже несуверенные государства, отступающие перед доминирующей волей государственного целого. В противоположность общему правилу, закон перечисляет те полномочия в области законодательства, касающегося островов, которые присваиваются общегосударственной власти, тогда как все остальные вопросы подлежат решению в порядке чисто местного, автономного законодательства. Последнее, однако, несколько ограничивается правом президента отменять в течение 3 месяцев те местные законы, которые вторгаются в сферу компетенции центральной власти, либо так или иначе нарушают общегосударственные интересы.

Представителем финляндского правительства в Аландской провинции является губернатор, назначаемый президентом республики. Высшая местная власть олицетворяется ландстингом, избирающим установленные исполнительные органы. С согласия президента, губернатор может распускать ландстинг и назначать новые выборы. Из области местного управления изъяты: внешние сношения, военное дело, юстиция, финансовые вопросы, охрана публичного порядка, пути сообщения и некоторые другие дела, имеющие общегосударственное значение. Аландцы освобождены от несения воинской повинности. Официальным языком провинциальных государственных установлений признан шведский язык.

Таким образом, население Аландских островов получило широкое самоуправление, которое по своему объему выходит за пределы господствующего типа провинциальной автономии.

Эта крупная реформа, произведенная Финляндией, не удовлетворила, однако, стремлений аландского населения и не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Большинство аландцев не перестало настаивать на присоединении к Швеции, которая со своей стороны с неослабевающей энергией продолжала поддерживать сепаратистские стремления жителей островов. Вызываемый этими трениями беспрестанный спор между Финляндией и Швецией, который не мог быть разрешен их собственными силами, был в конечном итоге передан на рассмотрение Лиги Наций. Шведско-финляндский спор об Аландских островах явился первым спорным случаем международного значения, поступившим на разрешение Лиги.

Совет Лиги Наций, в результате обсуждения аландского вопроса на сессии 24—27 июня 1921 г., высказался за сохранение суверенитета Финляндии в пределах островов, с тем, однако, условием, чтобы автономия последних, установленная законом 6 мая 1920 г., была расширена еще далее в пользу местного населения, в интересах общего мира и согласия. В этом направлении приведенное постановление предусматривало установление исключительного господства шведского языка во всех государственных учебных заведениях, затруднение политического и коммунального избирательного права для аландцев финляндского происхождения, удержание всей земли в руках местных жителей и принятие во внимание желаний последних при назначении губернатора. На-ряду с этим, совет Лиги Наций выражал готовность принять под свою защиту соблюдение выполнения Финляндией предъявленных ей требований. Кроме того, совет пришел к заключению о необходимости нейтрализации Аландских островов путем заключения специального соглашения между великими державами и заинтересованными прибалтийскими государствами.

Это соглашение не заставило себя долго ждать и было подписано 20 октября 1921 г. в Женеве в форме договора о нейтрализации Аландских островов, заключенного правительствами Великобритании, Франции, Италии, Германии, Дании, Швеции, Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии. Как видно из этого перечисления, Советская Россия, сильно заинтересованная в вопросе об Аландских островах, не вошла в число государств, решивших их дальнейшую судьбу. Принятие Лигой Наций к обсуждению аландского вопроса без участия представителей РСФСР вызвало немедленный протест со стороны народного комиссара иностранных дел. „Российское правительство,— писал Г. В. Чичерин,— как всегда верное и в этом случае принципу права народов на самоопределение, констатирует, что державы Антанты, принимая на себя произвольно и по собственному почину решение о судьбе Аландских островов, присваивают себе не принадлежащую им власть и распоряжаются этой территорией без ведома и помимо воли затрагиваемых этим вопросом народов, равно как и трудящихся масс России, заинтересованных во всяком решении, которое может быть принято по этому поводу“ (Материалы Н. К. Ю., вып. VII, стр. 40). На этом основании Советское Правительство предупреждало, что всякое постановление, которое будет принято помимо его согласия, будет им признано недействительным. Несмотря на этот протест, Советское Правительство не было привлечено к участию в вышеуказанных переговорах, которые и закончились соглашением всех заинтересованных государств, кроме РСФСР.

Постановления, принятые советом Лиги Наций, подверглись дальнейшей детализации в особом соглашении между Фин-

ляндией и Швецией, одобренном советом Лиги, а вскоре воплотились и в законодательную форму, в виде специальных финляндских законов, изданных 9 декабря 1921 г. Законы эти, посвященные вопросам об употреблении во всех казенных и общественных школах исключительно шведского языка и об отмене преподавания финского языка, о землевладении на Аландских островах и об избирательном праве, в случае непринятия их местным ландстингом, должны были поступить на рассмотрение совета Лиги Наций. Таким образом, был ликвидирован продолжительный спор об Аландских островах, правовое положение которых в известном объеме получило отныне международный характер.

Описанный конфликт сыграл немалую роль в постепенном ухудшении отношений между Финляндией и Швецией. Кроме того некоторое отдаление названных стран, наблюдавшееся после войны, обусловливалось и более общими причинами, коренившимися в кардинальных изменениях всей международной ситуации.

В начале своего самостоятельного существования Финляндия, как мы видели, строго придерживалась германской ориентации, принявшей вполне рельефные очертания еще во время мировой войны. Неоценимая помощь, оказанная Германией финляндскому буржуазному правительству в 1918 г., которая решила исход гражданской войны, послужила, естественно, могучим толчком к усилению в Финляндии германского влияния. Оно уже приближалось к своему кульминационному пункту — занятию финляндского трона германским принцем, когда последовало внезапное и молниеносно-быстрое крушение престола самой Германской империи и ее полный военный разгром. Господствующие круги Финляндии проявили по отношению к побежденной Германии черствую неблагодарность и круто повернули руль своей внешней политики в сторону держав-победительниц.

Финляндия продолжает питать традиционную вражду к своему „наследственному врагу“ России, со стороны которой постоянно ожидает посягательств на свою территорию и на существующий в ней государственный строй. До последнего времени поэтому Финляндия не может отказаться от политики „уколов“, направленных против СССР, и стать на путь действительно дружественных взаимоотношений. Это аггрессивное направление финляндской дипломатии по отношению к СССР ярко иллюстрируется настойчивыми выступлениями представителя Финляндии в Лиге Наций Энкеля за вмешательство последней в грузинские дела (сентябрь 1924 г.).

Стремление к обеспечению своей неприкосновенности толкает Финляндию в объятия других окраинных государств, составляющих в своей совокупности барьер, отделяющий Западную Европу от Советской России. Следствием этих причин

и являлось постепенное ослабление тех многовековых культурных и экономических уз, которые связывали Финляндию со Швецией. При этом оно значительно усугублялось еще и тем обстоятельством, что шведские социалисты, стоявшие у власти в 1921—23 гг., относились недружелюбно к „белым" правителям Финляндии и противились восстановлению тесного общения между обеими странами. Замена шведского социалистического кабинета консервативным правительством, происшедшая в 1923 г., облегчила смягчение трений между Финляндией и Швецией и послужила началом их нового сближения. Возвращение к власти социалистического правительства, имевшее место в Швеции осенью 1924 г., должно привести ее снова к отдалению от Финляндии. На-ряду с этим, в последние годы наблюдалось известное укрепление отношений Финляндии со всеми скандинавскими государствами, вместе взятыми, отчетливым выражением которого явилось ее участие в междупарламентской скандинавской конференции, состоявшейся в Христиании в июле 1924 г.

Таким образом, международное положение современной Финляндии отличается некоторой двойственностью и неустойчивостью. Присоединение к скандинавской государственной группировке или участие в прибалтийском союзе окраинных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, — такова альтернатива, стоящая перед Финляндией и до сего времени ею не разрешенная. Старые традиции, отсутствие веры в жизнеспособность вновь возникших прибалтийских государств и опасения принять на себя ответственность за аггрессивную политику Польши побуждают Финляндию к ориентации на запад в лице своих скандинавских соседей. С другой стороны, давление Антанты и общие интересы в сфере защиты своего существования вовлекают ее в русло южных соседей, граничащих с Союзом ССР. Эти перекрещивающиеся влияния вынуждают Финляндию придерживаться средней, лавирующей линии поведения и, соблюдая всемерную осторожность, сохранять дружественные отношения как с западными, так и с южными соседями.

Глава III.

Эстония.

1. Возникновение Эстонского государства.

В отличие от Польши и Финляндии, до мировой войны не существовало особого эстляндского вопроса. В Эстляндской губернии, входившей в состав бывшей Российской империи, никто не помышлял о полной независимости и, как свидетельствует видный общественный деятель Эстонии М. Мартна („Estland“, 1919), „на это решались, быть может, только во сне“. Стремления передовых кругов эстляндской интеллигенции, задававшей тон в политической жизни края, ограничивались достижением территориальной автономии в пределах областей, населенных эстами.

После Февральской революции эти стремления были осуществлены. Временное Правительство законом от 13 апреля 1917 г. предоставило Эстляндии самоуправление и объединило ее в административном отношении с северной Лифляндией, населенной в свою очередь преимущественно эстами. На основе этого закона Эстляндия избрала свое народное представительство, получившее название земского совета, подавляющее большинство которого составили представители буржуазных партий. В это же время было положено основание эстляндским национальным воинским частям, сформирование которых было разрешено военным министром Временного Правительства А. И. Гучковым.

Этим путем возник зародыш эстонской государственности. „Аппетит появляется во время еды“ — гласит известная французская поговорка. В полном соответствии с этой поговоркой, Эстляндия, по мере расширения своих политических прав, начала выдвигать новые требования в направлении дальнейшего увеличения своей самостоятельности. Наперекор первоначальному стремлению к получению автономии в составе неизменной Российской империи, эстляндцы во время предвыборной кампании в Российское учредительное собрание уполномочили своих депутатов добиваться преобразования России в федеративную

республику, с выделением Эстляндии в самостоятельную часть последней.

Вскоре Эстляндия пошла еще дальше по пути освобождения от тех уз, которые связывали ее с Россией. Очутившись перед угрозой германской оккупации края и учитывая упадок боеспособности русской армии, эстляндский земский совет в ноябре 1917 г. вынес постановление об отделении Эстляндии от России, провозгласил Эстляндию независимой демократической республикой и признал себя временно высшим органом ее государственной власти. Это решение было принято в наивном убеждении, что Германия отныне не позволит себе рассматривать Эстляндию как составную часть России и не сможет поэтому оккупировать территорию независимого Эстляндского государства. Действительность, однако, разбила эту надежду Эстляндии, занятие которой германскими войсками уже не могло быть предотвращено. В конце 1917 г. они оккупировали эстляндские острова, а в 1918 г. последовала оккупация всей эстляндской территории.

Но и до захвата Эстляндии германскими вооруженными силами в ней произошли события, которых земский совет не предвидел, когда выносил постановление о ее независимости. Вслед за Октябрьской революцией в России, произошел революционный переворот и в Эстляндии, в результате которого власть перешла в руки „Всеэстляндского Совета Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Матросских Депутатов". Он распустил земский совет и объявил на январь 1918 г. выборы в Эстляндское учредительное собрание. Однако, незадолго до их окончания выборы были прерваны вследствие того, что не обеспечивали коммунистической партии большинства. За время своего существования советское правительство Эстляндии национализировало все фабрично-заводские предприятия, приступило к наделению землею безземельного и малоземельного крестьянства и организовало красную гвардию. В этот первый период своего существования в Эстляндии советское правительство продержалось недолго и в конце февраля 1918 г. потеряло власть в борьбе с национальной белой гвардией, поддержанной германскими штыками.

24 февраля 1918 г. в Ревеле сконституировалось буржуазное правительство Эстляндии, которое вновь провозгласило Эстляндию независимой республикой и приступило к организации ее государственной жизни. Однако, по иронии судьбы, на следующий же день, т. е. 25 февраля, в Эстляндию вступили германские войска, и вся страна попала в тяжелую полосу оккупационного режима.

В стремлении к отторжению от России прибалтийских областей и использованию их в своих интересах, Германия включила выяснение судьбы Эстляндии в круг вопросов, подлежавших разрешению на Брест-Литовской мирной конференции.

Исходные точки зрения договаривавшихся делегаций, как мы видели на примере Польши, резко расходились. В отношении Эстляндии, подобно другим прибалтийским областям, противники Советской России добивались достижения полной свободы действий, не принимая, вместе с тем, на себя никаких обязательств. Выставленные ими требования были в конечном результате переговоров целиком приняты, и стремления Германии получили полное осуществление в заключенном мирном договоре.

В силу статьи III РСФСР отказалась от значительной части Прибалтийского края, решение будущей судьбы которого передавала в руки Германии. Кроме того в ст. VI Брест-Литовского договора мы читаем: „Эстляндия и Лифляндия... незамедлительно очищаются от русских войск и русской красной гвардии". Затем указывается, что „восточная граница Эстляндии проходит по реке Нарове", и еще далее, что „Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный порядок. Россия немедленно освободит всех арестованных или уведенных жителей Эстляндии и Лифляндии и обеспечит безопасное возвращение всех уведенных эстляндцев и лифляндцев".

Правда, комментируя Брест-Литовский договор в германском рейхстаге 21 марта 1918 г., помощник статс-секретаря по иностранным делам ф.-Буше заявлял, что „и после Бреста Лифляндия и Эстляндия составляют часть русской государственной территории" („Вестник Европы", кн. I—IV за 1918 г., стр. 407). Но эта формальная постановка вопроса была уместна только в официальных заявлениях представителей правительства. Действительные германские планы значительно расходились с этими официальными разъяснениями. Попечение о судьбе Эстляндии в силу заключенного договора целиком переходило в руки Германии, которая путем сохранения на неопределенное время оккупационного режима упрочивала свое фактическое господство в стране. Срок занятия Эстляндии германской полицейской властью договором не фиксировался, и выяснение ее государственного строя откладывалось, таким образом, на совершенно неопределенный промежуток времени.

Вскоре после заключения Брест-Литовского договора последовали события, клонившиеся к внешней легализации германских замыслов, к узаконению фактического положения вещей. Отдавая дань новым лозунгам национального самоопределения и рассчитывая скрыть от иностранных держав свои тайные замыслы, Германия отказалась от насильственного присоединения оккупированных областей и устроила торжественную инсценировку соответствующего волеизъявления самого населения. При этом, однако, произвол и усмотрение оккупацион-

ных властей получили настолько широкий простор, что народная воля подверглась резкому искажению, наиболее красноречивым свидетельством которого послужила история соединенного ландрата Лифляндии и Эстляндии.

Германское военное командование первоначально созвало отдельно лифляндский и эстляндский ландраты, которым было предложено принять решения об отделении от России и объединении с Германией. Созванные с этою целью ландраты должны были официально быть избранными, по куриям, крупными землевладельцами, крестьянскими общинами, дворянством, духовенством и городами. Выборы были произведены с чрезвычайной поспешностью и резким принуждением, под тщательным наблюдением, — а во многих случаях и по назначению — германских властей. Таким путем последние, опираясь на преданное Германии прибалтийское немецкое дворянство, обеспечили себе покорное большинство в обоих ландратах, готовое к принятию всех предложенных ему постановлений. В эстляндском и лифляндском ландратах, из которых первый собрался 9-го, а второй 10 апреля 1918 г., крестьянские делегаты заявили, что они не являются подлинными избранниками народа и не считают себя в праве говорить от его имени. На этом основании они приняли участие в последующих голосованиях лишь персонально. Оба указанные ландрата вынесли после этого постановление об отделении от России и избрали делегатов на соединенный ландрат.

Соединенный ландрат Лифляндии, Эстляндии, Риги и Эзеля был немедленно же созван и принял 12 апреля 1918 года декларацию, обращенную к Германии. В декларации содержалась просьба, адресованная к германскому императору, „принять на себя постоянную военную защиту Лифляндии и Эстляндии“ и „поддержать их при окончательном освобождении от России“. Далее высказывалось пожелание, „чтобы из Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, прилежащих островов и г. Риги образована была единая конституционная монархия... соединенная с Германской империей личной унией в лице прусского короля“. Далее излагалась просьба о предоставлении возможности „создать собственные учреждения в Лифляндии и Эстляндии, которые управляли бы страной до объединения балтийских земель в одном государстве“. Конец декларации содержал пожелание о заключении Германией с имеющим возникнуть новым государством соглашений: военного, монетного, таможенного, о путях сообщения, о мерах и весах и т. д. („Международная политика и мировое хозяйство“, 1918 г., № 7, стр. 74).

Волеизъявление соединенного ландрата сводилось, таким образом, к стремлению отделиться от России с целью основания нового государства из прибалтийских земель, объединенного с Германией как личной унией, так и германской военной защитой и целым рядом конвенций.

В изложенной декларации обращает на себя внимание то обстоятельство, что ландрат просил содействия для „окончательного освобождения от России". Иными словами, германская мысль об отторжении от России оккупированных областей получала в декларации реальное воплощение.

Германия быстро откликнулась на эту декларацию и, присоединив к герцогству Курляндскому Эстляндское и Лифляндское герцогства, выпустила 28 мая 1918 г. особый указ об управлении последними.

Вслед за обращением к Германии эстляндские и лифляндские представители сочли необходимым снестись и с Советской Россией, с которой продолжали считать себя связанными, и с этой целью обратились к ее представителю в Берлине А. А. Иоффе с просьбой передать русскому правительству ноту о решении населения Лифляндии и Эстляндии отделиться от России. Вследствие его отказа от исполнения этой просьбы, представители прибалтийских провинций прибегли к посредничеству германских властей, которые в лице рейхсканцлера передали означенную ноту российскому Советскому Правительству.

В ответной ноте советского представителя в Берлине германскому правительству подчеркивалось прежде всего, что „декларация дворянства и земства Лифляндии и Эстляндии об объявлении самостоятельности этих территорий" ссылается на право свободного самоопределения. Ссылка эта является весьма показательной в том отношении, что подтверждает взгляд прибалтийских кругов на непрекращение связей с Россией, принципы которой кладутся в основу соответствующих актов. Далее, А. А. Иоффе объяснял свой отказ принять заявление представителей Эстляндии и Лифляндии опасением истолкования этого шага, как признания Россией независимости означенных областей. Он выражал затем „решительный протест против того, чтобы каким-либо образом приступить к решению судьбы Эстляндии и Лифляндии без предварительного соглашения с Рабоче-Крестьянским правительством Русской республики". В дальнейшем указывалось на то, что русское Советское Правительство признает за всяким народом неограниченное право на самоопределение, но „никогда не примет решения маленькой группы лиц за волеизъявление всего народа". Мотивировка этого суждения сводилась к тому, что а) некоторые члены эстляндско-латышской делегации, прибывшие в Берлин, формально заявляли о том, что не имеют права говорить от имени всего народа, так как они никем не выбраны, а скорее назначены властями, б) из общего числа 21 волостного старшины, представлявших на собравшемся 12 апреля сейме крестьянское население, 18 человек официально заявили, что они не в праве говорить от имени эстляндского народа, и в) „тысячи граждан городских и сельских округов Эстляндии и Лифляндии открыто протестуют против подобного

искусственного и насильственного отторжения этих областей от России“ („Междунар. полит. и миров. хоз.“, № 7, стр. 75—76).

Изложенная нота повторяла знакомую нам точку зрения Советского Правительства на достижение государственной самостоятельности отдельными частями России, не удовлетворявшуюся волеизъявлением тех или иных сословных групп и установлений и требовавшую волеизъявления всего народа.

Таким образом, Советское Правительство разоблачало ту инсценировку народного представительства Эстляндии и Лифляндии, которая с большою быстротою, но с недостаточною тонкостью, была проведена германскими оккупационными властями. Чтобы придать некоторую опору этим бутафорским постановлениям, немецкое дворянство уже post factum начало внедрять в широкие слои населения идеи отделения от России и соединения с Германией посредством принуждения к подписанию соответствующих деклараций. При этом, уклонившихся от участия в подобных декларациях признавали виновными в антигерманской пропаганде и угрожали им принудительными работами. Это давление является лишь небольшим штрихом, иллюстрирующим тот гнетущий режим, который был введен германскими властями в оккупированной Эстляндии.

Эстляндия еще не успела отдышаться от тяжелой руссификаторской политики ее дореволюционных властителей, когда внезапно началась жестокая германизация края. Немецкий язык, на котором говорило лишь $1^1/_2$ процента всего населения, был объявлен официальным языком и должен был быть введен во всех публичных установлениях. Все административные должности были замещены немцами. Все действия отдельных граждан были подвергнуты всеохватывающей и невыносимой регламентации. Все партийные и профессиональные организации, периодические издания, типографии и т. п. были закрыты. Тюрьмы мгновенно переполнились политическими заключенными. От времени до времени представители германского военного командования выпускали провокационные прокламации и вслед за этим брали многочисленных заложников из числа наиболее популярных общественных деятелей Эстляндии. Сырье и полуфабрикаты, находившиеся на фабрично-заводских предприятиях, а также и продукты, принадлежавшие отдельным лицам, конфисковались. Значительная часть рабочих была распущена, а остальные рабочие находились в исключительно тяжелом положении, вследствие резкого понижения заработной платы. Малейшее нарушение правил, издававшихся оккупационными властями, каралось денежным штрафом и арестом. Жгучая ненависть и озлобление против немцев, которые вызвал германский оккупационный режим, выливались в форму пассивного сопротивления отдельным германским распоряжениям. Но военное командование отвечало на это новыми преследованиями

и притеснениями и, не останавливаясь ни перед какими средствами, добивалось исполнения своих предписаний.

Таким образом, германская оккупация Эстляндии была неразрывно связана с жесточайшим террором, который нанес тяжкие удары всему ее населению. Германские оккупационные отряды продержались в стране до конца ноября 1918 года. Социал-демократия, ставшая у власти после революции, происшедшей в Германии в начале ноября, не внесла никаких облегчений в оккупационный режим и осталась верна линии поведения своих предшественников. Весьма показательным представляется тот факт, что, незадолго до ухода германских войск из Эстляндии, представитель Германской республики в прибалтийских провинциях с.-д. Август Винниг потребовал, чтобы в будущем эстляндском парламенте половина мест была предоставлена немцам, в виду их доминирующего экономического и культурного значения.

Однако, дни пребывания германских оккупационных войск в Прибалтийском крае были сочтены. Военный разгром Германии и быстрая дезорганизация ее армии повлекли за собою спешное освобождение оккупированных областей. Буржуазное временное правительство Эстляндии попыталось восстановить свои полномочия, утраченные во время оккупационного режима, но, едва оно избавилось от своих противников с Запада, как уже столкнулось с новой угрозой с Востока. В конце ноября вслед за ушедшими немцами в Эстляндию вступила Красная Армия Советской России совместно с красными эстляндскими частями. Вследствие слабого сопротивления, оказанного им неподготовленными к вооруженной борьбе буржуазными элементами, красные отряды завоевали вскоре большую часть эстляндской территории. Власть была выхвачена из рук временного правительства, и высшим органом был объявлен „Совет Эстляндской Трудовой Коммуны“, во главе с Анвельтом.

В опубликованном им обращении ко „всем, всем, всем“, новое правительство оповещает о восстановлении в Эстляндии Советской власти и о своем решении „объявить действующими все декреты Советской власти, изданные до оккупации страны германскими империалистами“. Заканчивается обращение призывом к рабочим и солдатам крупнейших государств о всемерной поддержке эстляндской революции.

В последовавшем вскоре „Манифесте Советского Правительства Эстляндии“ (29 ноября 1918 г.), обращенном ко всем рабочим и крестьянам Эстляндии, временное правительство объ‘является низложенным. „Трудящиеся Эстляндии,—провозглашает манифест,—берут самоопределение в свои руки“. Это указание должно быть отмечено как свидетельство того, что новое правительство считало самоопределение еще не совершившимся и, тем самым, достижение независимости не законченным. До германской оккупации власть Советского Правительства России

распространялась и на Эстляндию. Основанные в течение оккупационного режима собственные учреждения страны не признавались Советской властью выразителями воли всего эстляндского народа, и поэтому новое правительство, созданное по образу и подобию русской Советской власти, и ставило вопрос о самоопределении, очевидно, считая Эстляндское государство еще не существующим. В дальнейшей части манифеста, именем эстляндского революционного комитета: „а) временное правительство Эстляндии, или его агенты и приверженцы, помещики и пасторы, чьи руки обагрены кровью трудящихся, объявляются вне закона, б) всякий требующий исполнения приказа эстляндского временного правительства и его агентов" объявляется подлежащим „расстрелу"; затем в) отменяются все законодательные акты и распоряжения, изданные эстляндским временным правительством до оккупации Эстляндии" („Политика Советской власти по национальному вопросу", М. 1920 г., стр. 133—134).

К этому же времени относится издание декрета Совета Народных Комиссаров о признании независимости Эстляндской Советской республики. „Высшей властью Эстляндии,—говорится в декрете,—Российское Советское Правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов—власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем тов. Анвельтом". Далее, „Российское Советское Правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Эстляндией властям Российской Советской республики оказать Эстляндскому Советскому Правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Эстляндии от ига буржуазии". „Народному комиссариату финансов поручается отпустить 10 миллионов рублей в заем народному банку Эстляндской Советской республики" и, наконец, „Народному Комиссариату Продовольствия и ВСНХ поручается войти в соглашение с соответствующими органами ЭСР на предмет установления товарообмена между обеими республиками" („Политика Советской власти по национальному вопросу", стр. 134).

Советское Правительство, однако, и на этот раз просуществовало в Эстляндии недолго, и ее социальнополитический строй подвергся вскоре коренному изменению.

Буржуазное временное правительство после вытеснения его из большей части страны взялось немедленно за организацию белогвардейских отрядов; оно при этом оказалось не в состоянии вести борьбу за власть в Эстляндии своими силами и обратилось с просьбою об оказании помощи к Финляндии, Скандинавским странам и Антанте. На его призыв откликнулись прежде всего Финляндия и Англия. Первая из них, в силу общих интересов против Советской России, подкрепляемых национальной близостью к эстам, оказала эстляндским белогвардейцам существенную поддержку в лице доброволь-

ческих отрядов, а также в виде военного снаряжения и денежного займа. Из держав Согласия навстречу временному правительству Эстляндии пошла только Англия, которая с самого начала существования самостоятельной Эстляндии установила в ней свое доминирующее влияние. Английская помощь выразилась в снабжении эстляндских национальных войск оружием и иными военными материалами и жизненными припасами, равно как и в поддержке их действий английскими морскими силами в Финском заливе. В этот период английским военным флотом было захвачено несколько русских судов, которые были переданы в распоряжение эстляндских белогвардейцев. Кроме того, спустя некоторое время после начала борьбы в Эстляндию прибыли шведские добровольцы, которые присоединились к белогвардейским вооруженным силам. Наконец, в Эстляндии действовали и русские белогвардейцы, олицетворяемые особым „русским автономным северным корпусом", который на первых порах развил весьма активные наступательные операции, но вскоре был выбит из занятых им пунктов и отступил назад. Все эти силы были противопоставлены красным войскам и, в результате ожесточенной борьбы, одержали над ними победу к концу января 1919 года.

Таким образом, вторично пала Советская власть в Эстляндии, подавленная при помощи иностранных штыков. Второй период эстляндского советского режима оказался еще более кратковременным, нежели первый, прервавшийся год тому назад. Как тогда, так и теперь судьба Эстляндии была решена стремительным натиском извне, опрокинувшим сопротивление революционных элементов. Разница заключалась лишь в том, что в 1918 году этот натиск был произведен вооруженными силами Германии, находившейся еще в зените своей военной славы, а в 1919 году, после разгрома германской коалиции, ее роль была выполнена победоносной Антантой.

2. Война с РСФСР и Юрьевский мирный договор.

В результате описанных событий Эстляндская Советская республика перевоплотилась в Эстонскую демократическую республику. Освобождение эстляндской территории от красных войск не прекратило состояния войны между эстляндским буржуазным правительством и РСФСР. Во время последующих военных действий Эстония вела двойную игру: с одной стороны, воюя с Советской Россией и поддерживая генерала Юденича, с другой стороны, подготавливая почву для открытия переговоров о мире.

Мирные переговоры были начаты по инициативе РСФСР в сентябре 1919 г. в Пскове, но вскоре были прерваны под предлогом нежелания эстонских делегатов договариваться с Советской Россией помимо соседних прибалтийских госу-

дарств. Действительной причиной, побудившей Эстонию отсрочить мирные переговоры, являлся начатый в это время генералом Юденичем поход против Советской России. В результате выяснившегося в скором времени полного крушения его армии, у Эстонии отпали последние колебания; она пошла навстречу предложениям РСФСР, и 5 декабря 1919 г. в Юрьеве открылась русско-эстонская мирная конференция. 31 декабря было заключено соглашение о перемирии, а 2 февраля 1920 г. в Юрьеве был подписан мирный договор между Россией и Эстонией.

В самом начале Юрьевского договора разрешается вопрос о государственно-правовом положении Эстонии. „Исходя из провозглашенного РСФСР права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят,—гласит ст. II, — Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России по отношению к эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственного правового порядка, а равно на основании международных договоров, которые в указанном здесь смысле теряют силу на будущие времена. Из прежней принадлежности к России для эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств по отношению к России".

Цитированная часть мирного договора вызывает недоумение в том отношении, что заключает в себе повторное признание нового государственного образования, однажды уже признанного Советской Россией. Следует полагать, что на Юрьевской мирной конференции имело место недостаточно точное разграничение вопросов о признании, с одной стороны, государства как такового, а с другой стороны—возглавляющего его правительства. В своем первоначальном волеизъявлении Советская власть признавала „независимость Эстляндской Советской республики", а вслед за этим и стоявшее во главе ее правительство. В этом акте речь шла, таким образом, о признании определенного государственного строя. Но вполне очевидно, что последнее является обусловленным признанием самого государственного образования и, если оно в декрете Совета Народных Комиссаров особо не оговаривалось, то должно было считаться, безусловно, подразумевавшимся само собою и лишь не получившим должного выявления. Поскольку вполне допустимым и нередко наблюдающимся в действительности является отказ в признании новой государственной власти, водворившейся в признанном государстве, постольку признание верховной власти непризнанного государства представляется логически невозможным. Итак, независимость Эстляндского (Эстонского) государства была признана Советской Россией еще в декабре 1918 года. Объяснение вторичного упоминания, содержавшегося в Юрьевском мирном договоре,

заключается, следует полагать, в общей международной ситуации этого периода.

Договор с Эстонией был первым мирным трактатом, заключенным между Советской Россией и воевавшими с ней государствами. По выражению народного комиссара иностранных дел, договор этот „превратился, так сказать, в генеральную репетицию соглашения с Антантой... в первый опыт прорыва блокады и в первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами... Нас ложно обвиняли в том,—продолжал Г. В. Чичерин,—будто бы мы собираемся раздавить Эстонию и уничтожить ее независимость". Поэтому первым шагом к переговорам явилось заявление Реввоенсовета Республики 21 июля 1919 г. о том, что русские войска „не переступят границ прежней Эстляндской губернии". 31 августа Эстонии было сделано официальное предложение вступить в мирные переговоры „на базисе признания независимости Эстонии". Это „полное, абсолютное признание эстонской независимости" и явилось, по мнению Г. В. Чичерина, одним из главных факторов достижения мира („Вестник НКИД" за 1920 год, № 3, стр. 1 — 3). Таким образом, на мирной конференции имело место, с одной стороны, настойчивое желание эстонской делегации уничтожить в этом вопросе всякие сомнения и укрепить положение нового государственного строя в представляемой ею стране, а с другой стороны, уступчивость в подобных вопросах Советской делегации, пренебрегавшей юридическими и формальными тонкостями.

На-ряду с этим, при помощи ряда постановлений, более подробных, нежели в вышерассмотренных мирных договорах с другими окраинными государствами, РСФСР обеспечивает себя от враждебных действий разного рода антисоветских организаций на территории Эстонии. Соответствующая VII статья русско-эстонского договора носит двусторонний характер, но ее центр тяжести лежит, конечно, в тех обязательствах, которые принимает на себя Эстония. Обязательства эти сводятся: к воспрещению пребывания на ее территории каких-либо вооруженных сил, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, к разоружению вооруженных сил, не подчиненных правительству, и нейтрализации всего их военного и морского имущества, к недопущению личного состава этих неправительственных войск в правительственную армию, к воспрещению провоза через ее территорию военного снабжения, принадлежащего государствам или организациям, ведущим вооруженную борьбу против другой договаривающейся стороны, и к недопущению на ее территории пребывания организаций и групп, имеющих целью ниспровержение правительства другого договаривающегося государства.

Россия, со своей стороны, обязуется, в случае международного признания постоянного нейтралитета Эстонии, соблю-

дать этот нейтралитет и участвовать в гарантии его сохранения (ст. V). Вслед за этим, обе договаривающиеся стороны обязуются присоединиться к международной нейтрализации Финского залива, в случае если таковая будет установлена соглашением между всеми заинтересованными государствами (ст. VI).

Вопросы о праве гражданства и оптации русско-эстонский договор регулирует в значительно более краткой и общей форме, чем последующие договоры с другими окраинными государствами. Настоящий договор признает эстонскими гражданами лиц эстонского происхождения, достигших 18-летнего возраста и проживающих на территории Эстонии; согласно особому примечанию, эстонское происхождение в сомнительных случаях должно признаваться за теми лицами, которые сами, либо родители коих, приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории современной Эстонии. Помимо того, обе договаривающиеся стороны предоставляют лицам, проживающим на их территории в течение 1 года и ведущим свое происхождение из пределов другой стороны, право оптации гражданства последней (ст. IV). Этими указаниями и ограничивается русско-эстонский договор, который отличается от соответствующих постановлений более поздних договоров, с одной стороны, некоторым сужением круга лиц, переходящих в число граждан нового государства, и, с другой стороны, значительно меньшею детализациею условий оптации.

Равным образом, менее полными и разработанными должны быть признаны и те статьи русско-эстонского договора, которые трактуют о финансовых взаимоотношениях договаривающихся сторон. Вместе с тем, в этой области можно отметить и некоторые особенности в формулировке отдельных постановлений, не повторяемые в договорах, заключавшихся позднее. Так например, разрешая вопрос о размежевании государственного имущества договаривающихся сторон, русско-эстонский договор расходится с последующими договорами, содержащими обоюдное признание имущества связанным с территорией; он констатирует односторонний отказ России от всего казенного имущества, находящегося на эстонской территории, в которое включаются, в частности, и суда, захваченные во время войны военными силами Эстонии или третьей стороны (ст. XI). В противоположность этим постановлениям, в усиленной степени подчеркивающим права, предоставленные Эстонии, пункты договора, посвященные возврату имущества, вывезенного из Эстонии, отличаются сжатым и обобщенным характером. Правительство России принимает на себя обязательство возвратить в Эстонию разного рода архивы, документы и прочие предметы научного или исторического значения, а также и всевозможные ценности, за исключением золота и драгоценных камней. В отношении оплаты находящихся в Эстонии ценных бумаг, Россия обязуется обеспечить Эстонии

и ее гражданам положение наиболее благоприятствуемой нации. Вместе с тем, Россия освобождает Эстонию от какой бы то ни было ответственности по всем обязательствам, лежащим на России, и выдает Эстонии 15 миллионов рублей золотом (ст. XII).

Предоставляя все эти льготы, права и преимущества Эстонии, первой из числа окраинных государств заключившей мирный договор с РСФСР, последняя особо оговаривает, что они ни в коем случае и ни при каких условиях не могут служить прецедентом при заключении ею мирных договоров с другими государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи. (Однако, по различным соображениям, аналогичные права и преимущества были предоставлены впоследствии в известной мере и другим окраинным государствам.) С другой стороны, русско-эстонский договор предусматривает распространение на Эстонию всех новых льгот и прав, могущих быть в дальнейшем предоставленными какому-либо из названных государств (ст. XIII).

Что касается урегулирования русско-эстонских экономических взаимоотношений, то мы находим в рассматриваемом договоре знакомые нам постановления о принципе наибольшего благоприятствования и о свободном транзите товаров, а также и некоторые специальные постановления; среди них следует отметить: признание необходимости особого соглашения для искусственного отвода воды Чудского и Псковского озер, указание на предстоящее соглашение по вопросам об условиях рыбной ловли в названных озерах и о торговом судоходстве по ним, согласие Эстонии на предоставление России преимущественного права на получение электрической силы от использования водопадов реки Наровы, согласие России на предоставление Эстонии преимущественного права на концессию по постройке и эксплуатации прямого кратчайшего железнодорожного пути между Москвою и русско-эстонскою границею и, наконец, согласие России на предоставление Эстонии преимущественного права на лесную концессию площадью в 1 миллион десятин в пределах близлежащих к Эстонии губерний (ст. XVI).

В развитие постановлений Юрьевского мирного договора, между РСФСР и Эстонией в дальнейшем был заключен целый ряд специальных соглашений и конвенций. Сюда относятся: конвенция о прямом пассажирском и грузовом железнодорожном сообщении от 17 сентября 1920 г.; соглашение о порядке осуществления оптации от 6 апреля 1920 г.; временные соглашения: о почтовых сношениях от 2 декабря 1920 г. и о телеграфных сношениях от 16 марта 1921 г.; соглашение о сплаве леса и лесных материалов от 9 мая 1922 г. и др.

3. Международное признание.

Юрьевский мирный договор закрепил международное положение Эстонии лишь в известной части. Для его окончательного упрочения ей недоставало признания западных государств. Дважды признанная Россией, Эстония, подобно другим прибалтийским государствам, в течение продолжительного времени не получала признания остальных держав. За исключением РСФСР, лишь Финляндия признала de jure Эстонскую республику в течение 1920 г.

По словам журнала „Nation“, затрагивавшего в статье от 4 декабря 1920 г. вопрос о новых государствах, державы Согласия „дали балтийским государствам денег и послали туда миссии, но официально они не существуют. Они не признаны, у них нет определенных границ. Верховный совет до сих пор не уяснил ни себе, ни нам, являются ли Эстония, Латвия и Литва самостоятельными государствами или частями некоей будущей Российской империи“ (цит. по „Бюллетеням НКИД“ за 1921 г., № 55).

Осенью 1919 г., во время мирного предложения Советской России, представитель держав Согласия в Ревеле заявлял, что последние, вне зависимости от ответа Эстонии, Латвии и Литвы, не признают их самостоятельности. Летом 1920 г. эстонский посланник в Париже сообщал, что de facto Эстония признается Антантой, но в отношении признания de jure наблюдаются разногласия. Эстонские представители должны были выступить с объяснениями перед конференцией союзников в С.-Ремо, но этот вопрос был признан преждевременным и отложен на неопределенное время. До декабря 1920 г. западно-европейские государства не выносили своего окончательного суждения о правовом положении Эстонии. Вскоре возник вопрос о принятии ее, наряду с Латвиею и Литвою, в Лигу Наций. Последняя решила вопрос в отрицательном смысле. В том же заседании 16 декабря 1920 г., в котором, как указывалось выше, в Лигу Наций была допущена Финляндия, принятие прибалтийских государств было отклонено. Это решение объяснялось, следует полагать, отношением правительственных кругов Запада к России и их взглядами на взаимоотношения последней с отделившимися от нее областями. Так напр., в „Бюллетенях НКИД“ мы встречаем указание на ноту Соединенных Штатов от 10 августа 1920 г., исходившую из мысли о том, что судьба окраинных государств, тесно связанных с Россией, не может решаться без участия последней (т.-е. прежней дореволюционной России), и на присоединение к этой ноте французского правительства (№ 67 за 1921 г.).

Однако, в скором времени вопрос об отношении к прибалтийским государствам стал в иную плоскость. На собрав-

шейся в Париже конференции верховного совета держав Согласия, заседавшей 24—29 января 1921 г., вопрос о юридическом признании Эстонии и Латвии был решен в положительном смысле (26 января). В результате этого постановления Эстония, на-ряду с Латвией, получила, наконец, признание руководящей в Европе группы держав-победительниц. Эстония, вступая благодаря этому в международное общение, значительно упрочивала свое правовое положение.

4. Хозяйственная жизнь.

Проследив важнейшие этапы исторического развития Эстонии, обратимся теперь к выяснению экономических и политических основ ее государственного существования.

Территория Эстонии слагается из бывшей Эстляндской губернии (ныне именуемой северной или старой Эстляндией), северной части бывшей Лифляндской губернии (ныне южной Эстляндии), части б. Ямбургского и Гдовского уездов Ленинградской губернии, северо-западной части Псковской губернии и островов Эзель, Даго и Моон, расположенных в Балтийском море. В указанных пределах территория Эстонии занимает площадь в 47,5 тыс. кв. км. На севере она омывается Финским заливом, на западе — Балтийским морем; в своей восточной части она граничит с СССР, а в южной — с Латвией.

Население Эстонии составляет 1.111 тыс. чел. (по переписи 28 декабря 1922 г.), при чем на долю эстонцев приходится 92 % его состава.

Важнейшим занятием эстонского населения является земледелие, которое понесло большой урон в результате войны и последующей аграрной рефомы. В конце 1919 года в Эстонии был издан чрезвычайно важный закон об отчуждении крупных земельных владений, основною целью которого являлась ликвидация крупных имений немецких помещиков. Закон передавал всю землю, подлежащую отчуждению, в ведение государства, которому предоставлял право сдавать ее в аренду как отдельным лицам, так и товариществам. До осуществления этой реформы землевладение в Эстонии носило почти монопольный характер. Львиная доля всей земли была сосредоточена в руках небольшой кучки немецких помещиков, а крестьянство, составляющее бо́льшую часть населения страны, испытывало острый недостаток в земле и находилось в крайне тяжелом экономическом положении. Таким образом, быстрое и справедливое разрешение аграрного вопроса имело необычайно важное, жизненное значение для всего эстонского народа.

Действительность, однако, не оправдала надежд широких крестьянских масс. При проведении аграрной реформы бур-

жуазное правительство Эстонии поставило во главу угла свои собственные социально-политические цели, которые направили процесс распределения отчужденной земли в русло, весьма удаленное от стремлений и чаяний безземельного крестьянства. Бо́льшая часть земли перешла в руки сыновей зажиточных крестьян (так назыв. „серых баронов"), прежних помещиков (эстонцев) и эстонского офицерства. Представители последнего получали в награду за расправу с революционерами значительные усадьбы, размеры которых достигали 300 дес. На этой почве зародился новый класс землевладельцев, вышедших из буржуазных и военных кругов эстонского общества, являющийся опорой правительства против сельско-хозяйственного и городского пролетариата. Распределение земли между безземельными и малоземельными крестьянами происходило крайне медленно и удовлетворяло далеко не всех, в ней нуждавшихся, вследствие чего значительная часть сельского населения осталась попрежнему без земли.

Описанный ход аграрной реформы нанес тяжелый удар всему сельскому хозяйству страны, которое и до того находилось, под влиянием войны, в крайне тяжелом положении. В итоге всего этого большой ущерб потерпел рабочий скот, который либо распродавался прежними владельцами, либо разбегался. Численность скота в конечном итоге понизилась по сравнению с довоенным временем примерно на $^2/_3$, на-ряду с чем ухудшилось и его качество. Заметно пострадала и обработка земли, значительные пространства которой совершенно перестали засеиваться. Интенсификация земледелия, до войны быстрыми шагами подвигавшаяся вперед, после войны прекратилась. В результате этого упадка земледелия, Эстония, которая при рациональном ведении хозяйства могла бы покрывать всю внутреннюю потребность в земледельческих продуктах и известный их излишек вывозить за границу, после войны оказалась вынужденной импортировать большое количество хлеба из других стран.

В области эстонского земледелия важнейшую роль играет разведение льна, вывоз которого за границу достигает крупных размеров и составляет важнейшую статью всего эстонского экспорта, поглощая свыше 20% ценности последнего.

Большое значение имеет в Эстонии и э'ксплуатация лесов, покрывающих одну пятую часть площади страны. На этой почве в стране сильно развита переработка лесных материалов на лесопильных, древесно-массных, целлюлозных и бумажных предприятиях. Все эти производства представляются, в свою очередь, чрезвычайно важными с экспортной точки зрения, ибо все лесные материалы (как в обработанном, так и в необработанном виде), вместе взятые, покрывают около 30% эстонского вывоза.

За время войны резко сократилось значение рыбных промыслов и связанной с ними консервной промышленности, которые играли прежде заметную роль в хозяйственной жизни Эстляндии. Вследствие отсутствия в стране соли, ее консервное производство настолько сократилось, что Эстонии, славившейся ревельскими кильками и другими рыбными консервами, пришлось ввозить рыбу из-за границы. Лишь в последние годы значительно увеличился ввоз соли, благодаря чему консервная промышленность начинает понемногу восстанавливаться.

Существенными залежами полезных ископаемых Эстония не обладает. Добываются только торф, горючие сланцы и, в небольшом количестве, фосфаты. Тем не менее, обрабатывающая промышленность достигла в довоенной Эстляндии широкого развития, которое объяснялось давнившним тяготением русской промышленности к западной границе; довоенная продукция эстляндской промышленности оценивалась примерно в 60 милл. руб. Промышленность Эстляндии пострадала от военных разрушений и эвакуации оборудования значительно менее, чем соседней Латвии. Однако, прекращение тесной связи, существовавшей между эстляндскими фабрично-заводскими предприятиями и внутренними губерниями России, после отделения Эстляндии, повлекло за собою резкое сокращение всего ее производства. Вследствие закрытия и сжатия многих предприятий, сильно уменьшилась численность рабочих, которая во время войны достигала 40 тыс. чел., а по ее окончании понизилась до 15 тыс. Таким образом, бо́льшая часть эстонского рабочего класса оторвалась от промышленности и рассеялась по стране. Но и та малочисленная группа рабочих, которая сохранила связь с промышленностью, поставлена в весьма неблагоприятные условия существования, в виду сурового преследования правительством профессиональных организаций.

Выдающееся значение в эстонской обрабатывающей промышленности имеет текстильное производство, опирающееся преимущественно на Кренгольмскую мануфактуру (у г. Нарвы)— величайшее в мире текстильное предприятие, располагающее 500 тыс. веретен. Видное место занимает винокурение. Крупными размерами отличается и судостроение на ревельских верфях, арендованных Англо-Балтийским судостроительным обществом.

Отмеченное неблагоприятное положение сельского хозяйства и промышленности Эстонии имело своим естественным следствием пассивный характер ее торгового баланса. Но постепенное восстановление производительных сил страны отражалось и на уменьшении той крупной разницы, которая существовала между ввозом товаров в Эстонию и вывозом ее товаров за границу. Так, в 1921 г. ввоз по ценности своей

превышал вывоз почти вдвое, а в 1922 г. это превышение понизилось до 15 %. Эстонский экспорт направляется преимущественно в Англию, а среди стран-отправительниц крупнейшую роль играют: Соединенные Штаты, Англия и Германия. Эстонские порты (Ревель, Балтийский порт, Гапсаль, Пернов), соединенные эстонской железнодорожной сетью с русскими железными дорогами — главным образом Ленинградского района, мало-по-малу увеличивают свой грузооборот. По мере дальнейшего укрепления экономических связей с СССР, должно возрастать и значение этих портов, которое даст Эстонии возможность извлекать крупные выгоды из своего благоприятного транзитного положения.

Финансовое положение Эстонии испытывает крайне пагубное воздействие значительной государственной задолженности, достигавшей в начале 1923 г. — 6,5 миллиардов эстонских марок, из коих около 4 миллиард. внешнего долга (1 эстонск. марка = 1 франку). Государственный бюджет сводится в последние годы без дефицита (в 1922 г. на сумме в 5,8 миллиардов, а в 1923 г.—6,2 миллиарда), что, однако, объясняется особым учетом расходов на погашение государственного долга. В расходном бюджете выделяются затраты на государственную оборону, поглощающие 1/3 всех расходов, а в числе отдельных доходов преобладающее значение имеют: винная монополия, таможенные пошлины и сборы, доходы от железных дорог и т. д.

5. Государственное устройство и внутреннее положение.

Экономические и политические потрясения, пережитые Эстониею в начале ее существования, сильно затянули окончательное сконструирование ее государственного механизма.

Первое народное представительство Эстляндии — земский совет, о котором мы упоминали выше — было избрано в 1917 г. в составе 62 членов. Из них: 26 принадлежало к демократическому блоку, объединявшему буржуазные партии, 11—к трудовой партии (близкой к русским трудовикам), 10—к социалистам-революционерам, 6—к социал-демократам, 5—к большевикам, 2—беспартийных, 1—немецкий националист и 1—шведский националист. Временное правительство Эстляндии было образовано на почве этого соотношения сил, посредством пропорционального представительства всех значительных партий, за исключением большевиков и с.-р. Перечисленные партии отражали интересы различных социальных групп и на первых порах своей деятельности отличались резко выраженным русским „наследственным“ отпечатком, который подтверждался и их наименованиями. Учредительное собрание, выборы которого были начаты в январе 1918 года, как мы отмечали, созвано не было.

Последующие выборы учредительного собрания состоялись лишь 6—7 апреля 1919 г. и были произведены путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, на основе пропорционального представительства. Оно было открыто в Ревеле 23 апреля, в составе 120 членов. Из этого числа социалистические партии получили 77 мандатов (эстонская с.-д. партия—40, трудовая партия—30 и с.-р.—7), а буржуазные партии—43 мандата (демократическая народная партия—24, крестьянский союз—8, христианские демократы—7, немецкая партия—3 и группа российских избирателей—1). Этот значительный перевес социалистических партий являлся, однако, лишь видимым, ибо трудовая партия занимала промежуточную, примирительную позицию и, не вступая в постоянное соглашение ни с левыми, ни с правыми элементами, представляла собою решающий центр.

Учредительное собрание приняло 4 июня 1919 г. временную конституцию Эстонии, вверявшую верховную власть учредительному собранию, а после годовой подготовки, 15 июня 1920 г., утвердило постоянную конституцию, которая вступила в силу с 20 декабря 1920 г.

Эстонская конституция, в соответствии с основными законами других прибалтийских государств, провозглашает Эстонию самостоятельной и независимой республикой, государственная власть в которой принадлежит народу (ст. 1).

Переходя от обычных общих положений к формулировке основных прав граждан, конституция перечисляет ряд гражданских свобод — неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, свободу слова, тайну корресподенции, свободу передвижения, свободу собраний и союзов, свободу выбора профессии. При этом заслуживает внимания особое упоминание о свободе науки и искусства и их преподавания (ст. 12), а также подчеркивание отсутствия в Эстонии государственной религии (ст. 11), отсутствия цензуры (ст. 13) и гарантии права стачек (ст. 18). Все эти свободы и основные права могут подвергаться ограничениям только в интересах публичной безопасности и для защиты нравственности (стт. 8—19). На-ряду с этим отменяются все прежние привилегии и преимущества и обеспечивается охрана интересов национальных меньшинств (стт. 6, 7 и 20—23).

В заключение раздела об основных правах граждан, конституция гарантирует частную собственность (ст. 24) и признает важнейшею целью организации хозяйственной жизни соответствие началам справедливости и обеспечение гражданам достойного человеческого существования (ст. 25). Это провозглашение принципа права на достойное человеческое существование, которое эстонская конституция заимствует из веймарской конституции Германии (ср. ст. 151), представляет собою новый социальный мотив, постепенно усиливающийся за последние годы в сфере конституционного права.

„Высшим органом, осуществляющим в Эстонии государственную власть,—гласит ст. 27,—является сам народ в лице своих имеющих право голоса граждан"; при этом возрастной ценз для получения права голоса установлен в 20 лет, т.-е. ниже, чем в остальных прибалтийских государствах. Народ осуществляет принадлежащую ему государственную власть посредством референдума, народной инициативы и выборов народного представительства (ст. 29). Право законодательной инициативы предоставлено 25 тыс. граждан, которые могут сообща требовать издания нового закона и изменения или отмены какого-либо действующего закона. В случае отклонения парламентом предложенного ими законопроекта, последний передается на народное голосование, которое является решающим (ст. 31). К референдуму необходимо прибегать и при внесении парламентом каких-либо изменений в конституции (ст. 88).

При возникновении конфликта между народом и его представительством, т.-е. в случае отклонения народом закона, принятого парламентом, или принятия им закона, последним отвергнутого, парламент подлежит роспуску и должен быть заменен новым народным представительством (ст. 32). Конституция, таким образом, наделяет население возможностью проверять действия своих избранников и смещать их, как только обнаруживается несоответствие их постановлений взглядам и пожеланиям большинства избирателей. Эти широкие права народа в отношении непосредственного осуществления законодательной власти подвергаются, однако, резкому ограничению; важнейшие вопросы государственной жизни, как-то: установление бюджета, заключение займов и налоговое законодательство, объявление войны и заключение мира, договоры с иностранными государствами, введение и снятие военного положения, приказы о мобилизации и демобилизации, не могут передаваться на народное голосование и возбуждаться в порядке народной инициативы (ст. 34).

Эстонский парламент состоит из одной палаты, именуемой ригикогом, который слагается из 100 членов, избираемых на 3 года посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе пропорционального представительства. В члены ригикога может быть избран всякий гражданин, обладающий активным избирательным правом (стт. 35 — 39). В области законодательной процедуры эстонский ригиког имеет чрезвычайно широкие полномочия, превосходящие по своему объему компетенцию парламентов других окраинных государств. Законы, принятые ригикогом, публикуются его же президиумом (ст. 53), при чем публикация закона может быть задержана не более, чем на двухмесячный срок, только по требованию одной трети членов ригикога (ст. 30). Исполнительная власть, следовательно, лишена какого бы то ни было влияния на вступление в силу отдельных законов, которое, за исключением случаев

необходимсоти прибегать к референдуму, зависит всецело от народного представительства.

Подавляющее значение парламента отчетливо проявляется и в области формирования правительственного механизма. Любопытной особенностью структуры исполнительной власти Эстонии служит отсутствие в ней поста президента республики. Осуществление всех функций исполнительной власти возлагается на правительство, возглавляемое государственным старейшиной. Правительство, избираемое и смещаемое ригикогом, является его исполнительным и подготовительным аппаратом и обязано представлять на его утверждение все свои постановления, затрагивающие существенные государственные дела. Государственный старейшина напоминает президента лишь в том отношении, что осуществляет внешнее представительство республики; в остальном его функции целиком совпадают с обязанностями председателя совета министров и сводятся к направлению и объединению деятельности правительства и к руководству его заседаниями (стт. 57—67). Таким образом, исполнительная власть в Эстонии не имеет и тени самостоятельности и независимости и целиком и безоговорочно подчинена власти законодательной.

Всесильный ригиког оказывает решающее влияние и на правосудие, которое обычно резко отграничивается от вмешательства парламента. Высшую судебную власть в Эстонии, — объявляет статья 69,—осуществляет государственный суд, состоящий из государственных судей, избираемых ригикогом. Все же остальные судьи, за исключением тех случаев, когда они должны выбираться населением, назначаются государственным судом (ст. 70). Приведенные статьи красноречиво свидетельствуют о коренном нарушении эстонской конституциею классического принципа разделения властей. Единственным и полновластным распорядителем судеб Эстонского государства является ригиког, представляющийся, в сущности, основным источником не только законодательства, но и управления и правосудия. Органы исполнительной и судебной властей являются ничем иным, как орудиями в его руках, выполняющими не самодовлеющие, не первичные, а заимствованные, отраженные функции.

Первый эстонский ригиког был избран в декабре 1920 г. и открылся 4 января 1921 г. В его состав вошли: крестьянский союз, объединяющий зажиточные слои крестьянства, а также и крупные торгово-промышленные круги (21 депутат); демократическая народная партия, представляющая эстонские национальные стремления, вокруг которой группируются интеллигенция и средняя буржуазия (10 депутатов); христианские демократы (7 депутатов); немецко-балтийская партия, образовавшаяся, после крушения воздушных замков Балтийского герцогства, для защиты специфических интересов высших слоев прибалтийских немцев (4 депутата); трудовая партия, объеди-

няющая мелко-буржуазное население (22 депутата); социал-демократическая партия (18 депутатов); независимая с.-д. партия (11 депутатов) и, наконец, коммунистическая партия (5 депутатов).

Коммунистическая партия сформировалась в самостоятельную организацию в конце 1918 года и немедленно начала борьбу с буржуазией. После падения Советского правительства она стала объектом суровых правительственных гонений, одним из ярких проявлений которого являлось каторжное тюремное заключение за принадлежность к партии. Поэтому коммунисты были вынуждены перейти на нелегальное положение с целью продолжения борьбы против существующего строя.

Летом 1923 года в Эстонии состоялись новые парламентские выборы. Победа на них была одержана крестьянским союзом, получившим свыше 30% всех поданных голосов; за ним следуют: с.-д. партия (20% голосов), трудовая партия (17% голосов), коммунисты совместно с профессиональными союзами (15% голосов), демократическая народная партия (12% голосов) и др.

Вследствие постепенного усиления в стране коммунистического движения, преследование коммунистов принимает все более резкие формы. Осенью 1924 года было привлечено к судебной ответственности 149 коммунистов. Таким образом, внутреннее положение Эстонии причиняет не мало беспокойств ее правительству, которое поддерживает в стране порядок при помощи суровых репрессий.

6. Международное положение.

Международное положение современной Эстонии, в свою очередь, находится в состоянии неустойчивого равновесия. Основной задачей эстонской внешней политики является охрана политической независимости страны и поддержание ее экономической жизнеспособности.

Отношение Эстонии к Советской России, являющейся одним из важнейших факторов ее внешней политики, находится поэтому под влиянием двух противоположных точек зрения. С одной стороны, она чрезвычайно опасается стремления СССР к Балтийскому морю, осуществление которого может стереть с лица земли всю Эстонскую республику, а также и распространения в Эстонии коммунистических идей, исходящих из СССР. С другой стороны, Эстония испытывает давление экономических соображений о необходимости использования своего транзитного положения между Западной и Восточной Европой в целях улучшения хозяйственных ресурсов страны. В виду этих перекрещивающихся влияний, Эстония стремится к сохра-

нению с СССР добрососедских отношений, но в то же время, для „перестраховки“ своей неприкосновенности, поддерживает связи с другими окраинными государствами. Помимо ряда соглашений со своими прибалтийскими соседями по экономическим и правовым вопросам, Эстония в ноябре 1923 года вступила в оборонительный союз с Латвией, который был заключен между ними на 10-летний срок.

По отношению к Германии в Эстонии еще господствуют враждебные шовинистические взгляды, основанные на давнишней ненависти эстов к немцам, особенно усилившейся во время оккупационного режима. Преобладающим влиянием в эстонской политической и хозяйственной жизни пользуются английское правительство и английские капиталы, которые проникли в Эстонию с самого начала ее самостоятельного существования.

Глава IV.

Латвия.

1. Возникновение Латвийского государства.

Идея латышской самостоятельности зарождается еще в семидесятых годах прошлого столетия, когда населенные латышами земли входили в состав Российской империи. В зачаточной стадии своего развития младо-латышское движение носит характер национальной борьбы — первоначально против немецкого прибалтийского дворянства, привилегированного в делах местного управления, — а впоследствии и против руссификаторских мероприятий Александра III. Однако, вследствие царившего в то время сурового политического гнета, латышские национальные стремления были обречены на скрытое, нелегальное развитие и не выступали наружу. Во время русской революции 1905—1906 гг. в стране вспыхнуло широкое аграрное и социалистическое движение, которое, в свою очередь, отличалось резко выраженным национальным оттенком. Возникшие на этой почве беспорядки были беспощадно подавлены и не достигли желанных результатов.

Мировая война повлекла за собою крупные изменения в положении латышской национальности. Осенью 1915 года вся Курляндия была занята германскими войсками, продвигавшимися постепенно все дальше вглубь страны и подступавшими к Риге. Ненависть латышей к немцам была настолько сильна, что заставила их забыть все обиды, нанесенные им Россией, и послужила толчком к активной поддержке русской армии господствующими кругами латышей, оставшихся под русскою властью. По инициативе латышской буржуазии, стремившейся доказать свою лойяльность, искупить старые грехи и добиться в награду самоуправления, в 1915 г. были организованы латышские стрелковые полки, которые, в качестве чисто национальных организаций, заняли самостоятельное положение в составе русских вооруженных сил. Вместе с тем, в оккупированной зоне значительно усилилось национальное движение, которое по стратегическим соображениям поощрялось русским правительством.

После Февральской революции 1917 года Временное Правительство расширило права местного населения посредством организации выборных „земских советов“ Курляндии и Лифляндии. Эти земские советы, однако, по своему существу являлись в большей мере органами чисто территориального самоуправления, чем национальными, публично-правовыми представительствами, и потому не отвечали выставленному с 1905 года требованию национальной автономии. Только в середине октября 1917 года — в известной степени под влиянием событий, развертывавшихся в оккупированной полосе, — русское министерство внутренних дел подготовило проект автономии Лифляндии, который должен был быть передан на рассмотрение Всероссийского учредительного собрания. Последовавший вскоре Октябрьский переворот положил конец всем планам и предположениям Временного Правительства.

В виду отсутствия признанного публично-правового национального представительства, руководители латышских сепаратистов созвали в марте месяце 1917 года в Вольмаре вселатышский съезд, который высказался за образование самостоятельной Латвийской республики в составе Лифляндии, Курляндии и Латгалии. Это постановление, однако, оказалось на первых порах бесплодным вследствие пребывания в Лифляндии русских войск. Помимо того, латыши учредили в Петрограде особую политическую корпорацию частного свойства, которая получила наименование временного национального совета, объединившего 8 различных течений, за исключением правых, сочувствовавших немцам, и коммунистов. Этот национальный совет образовал постоянный секретариат и ряд специальных комиссий. Комиссия по иностранным делам во главе с Мееровицем — впоследствии латвийским министром иностранных дел — вступила с державами Антанты в сношения, направленные на достижение признания ими латвийской независимости. 14-го сентября 1918 года Мееровиц телеграфировал из Лондона национальному совету: „Признание обеспечено, текст через несколько недель“.

Между тем, политические события в пределах оккупированной Курляндии развивались в совершенно ином направлении. Преобладающую политическую роль играли здесь прибалтийские немцы, которые открыто выступали за присоединение Прибалтийского края к Германии. Как только обнаружился развал русской армии, они перешли от слов к делу. 18 сентября 1917 г. было созвано экстренное собрание „курляндского рыцарства и земства“, которое, в согласии с германским верховным командованием, выработало адрес, обращенный к германскому императору. Этот адрес был передан на утверждение земскому собранию Курляндии, состоявшему из 80 членов, избранных на основе сословного представительства. Земское собрание, открывшееся 21 сентября в Митаве, приняло адрес,

в котором обращалось к германскому императору с просьбой взять Курляндию под свое покровительство и вверяло ее судьбу в руки Германии в лице германских оккупационных властей. В конце 1917 года, после окончательного разгрома русской армии, германские войска расширили сферу оккупации и заняли Ригу, а в начале 1918 г. захватили и весь остальной Прибалтийский край. Следствием этого продвижения оккупационных сил явилось вынесение постановлений, аналогичных вышеприведенному, органами рижского городского управления, рижской торговой палатой, некоторыми рижскими союзами и др. Впоследствии, как мы указывали выше (см. Эстония, стр. 79), собрался соединенный ландрат Лифляндии, Эстляндии, Эзеля и Риги, который в апреле 1918 г. постановил просить германского императора о военной защите и о поддержке отделения означенных областей от России.

Эти связи между Германией и Прибалтийским краем, как мы знаем, не успели вылиться в твердые и устойчивые формы вследствие поражения германской армии, последовавшего осенью 1918 года. Еще до полного освобождения страны от оккупационных войск, сформированный в Риге народный совет провозгласил 18 ноября 1918 г. независимость Латвии и образовал временное правительство нового государства, во главе с Ульманисом. Оба эти органа обратились к населению страны с воззванием, которое гласило: „К гражданам Латвии! Народный совет Латвии, признающий себя единственным носителем верховной власти в Латвийском государстве, настоящим объявляет следующее: 1. Латвия, объединенная в своих этнографических границах (Курляндия, Лифляндия и Латгалия), является самостоятельным, независимым, демократически-республиканским государством. Конституция и отношения с иностранными государствами будут установлены в ближайшем будущем учредительным собранием, которое будет избрано путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе пропорционального представительства, гражданами обоего пола. 2. Народный совет учредил в качестве высшего органа исполнительной власти Латвии временное правительство. Народный совет призывает граждан Латвии к соблюдению тишины и порядка и ко всемерной поддержке временного правительства в его тяжелой и ответственной работе“ (Prof. M. Laserson „Die Verfassungs-Entwicklung Lettlands“. Jahrbuch des öffentlichen Rechts. B. XI, 1922).

Указанный народный совет Латвии не мог быть избран, в пылу социальной и национальной вражды, по правилам парламентского представительства. Он сформировался поэтому в революционном порядке, из 39 представителей всех политических партий и групп, кроме крайней левой — коммунистической и крайней правой — сочувствовавшей Германии. Одновременно с вышеприведенным воззванием, народный совет

опубликовал так называемую „политическую платформу“, которая установила основы государственного устройства и важнейшие линии правительственной программы. Она ограничивается вопросами чисто политического свойства, отложив все социальные вопросы до созыва учредительного собрания. Вместе с тем, с целью умиротворения внутренних распрей, политическая платформа уделяет серьезное внимание вопросу о национальных меньшинствах, которым предоставляет широкие культурные и национальные права и обеспечивает их представительство во временном правительстве.

Латвийская демократическая республика, однако, в первый период своего существования продержалась недолго и через месяц уступила место советскому режиму. В декабре 1918 г. в Лифляндию вторглась русская Красная Армия, которая совместно с латвийскими коммунистами, поддержанными латышскими стрелковыми полками, захватила в свои руки бо́льшую часть территории новой республики. Временное правительство бежало в Либаву, под защиту прибалтийских немцев и германских добровольцев. В январе 1919 года во главе обороны Курляндии стал известный генерал фон-дер-Гольц (несколько позднее отправившийся на усмирение финляндских повстанцев), назначенный сюда с целью воспрепятствовать дальнейшему распространению „коммунистической опасности“.

В декабре 1918 г. захватившее в свои руки власть Советское правительство рабочих, безземельных и стрелков Латвии, во главе с т. Стучка, издало манифест, в котором объявляло „отмененными и низложенными все временные правительства, земские и национальные советы и их министерства, которые под крылышком одной или другой группы империализма стремились навязать новое иго рабства трудовому народу Латвии“. Вся власть должна была перейти в руки Советов Рабочих, Безземельных и Стрелковых Депутатов. Далее провозглашалось низвержение „всех прежних правительственных учреждений и уничтожение на месте всякого члена или защитника этих учреждений, кто не сдастся добровольно или не откажется от своей роли“ („Политика Сов. власти по нац. вопросу“, стр. 53). Этот манифест являлся волеизъявлением новой власти Латвии, вполне аналогичным как по существу, так и по форме, предшествовавшему ему манифесту эстляндского Советского правительства.

Новое государственное образование, которое до того не признавалось РСФСР, после революционного переворота получило немедленно ее признание. Декрет Совета Народных Комиссаров о признании независимости Советской республики Латвии последовал 22 декабря 1918 г., слово в слово повторяя подобный декрет, касавшийся Эстляндии, с соответствующей заменой наименования правительства и его главы и с исключением статьи, посвященной займу новому государству.

В целом ряде последующих декретов Советского правительства Латвии мы встречаем упоминания о латвийской независимости. Однако, декрет от 8 декабря 1919 г. о вступлении в силу в пределах Латвии декретов РСФСР попадает в резкое противоречие с ними и устанавливает тесную близость между Российской и Латвийской Советскими республиками. В означенном декрете мы читаем: „Принимая во внимание, что одновременно с лишением силы Брест-Литовского мирного договора Латвия должна вновь считаться составной частью России... декреты, изданные правительством РСФСР до 25 декабря 1918 г., вступают в силу в пределах Латвийской Советской республики, поскольку означенные декреты не отменены или не изменены декретами и указами Советского правительства Латвии" (Prof. M. Laserson — назв. статья, стр. 223). Это ясное и недвусмысленное указание на восстановление русско-латвийских связей, основанное на социально-политической и экономической близости обеих республик, опрокидывает все предыдущие упоминания о независимости Латвии и предвещает ее грядущее объединение с РСФСР. Подобный вывод подтверждается и опубликованной вскоре латвийской Советской конституцией, умалчивающей о самостоятельности или независимости Латвии и отмечающей лишь объединение отдельных ее частей.

Конституция социалистической Советской республики Латвии была принята 13 января 1919 г. на Съезде Советов в Риге. Конституция начинается с указания на то, что „объединенная Латвия — Советская республика, объединяющая Курляндию, Лифляндию и Латгалию. Деление Латвии на Курляндию, Лифляндию и Латгалию отменяется". Вслед за этим декларируется принятие без изменений общих положений конституции РСФСР (стт. 9—23), а в дальнейшем затрагиваются другие вопросы государственного устройства, разрешаемые в полном соответствии с последней („Политика Сов. власти по нац. вопросу", стр. 55—57).

Советское правительство Латвии, вслед за своим водворением в стране, приняло меры к восстановлению разрушенного народного хозяйства. За несколько месяцев своего распоряжения судьбами края, ему удалось пустить в ход часть промышленных предприятий и довести к 1 мая 1919 г. число рабочих, резко уменьшившееся за время войны, до 10 тыс. человек. В основу своей аграрной политики латвийская Советская власть положила принцип „советских хозяйств", которые передавались в ведение местных советов.

Советский режим удержался, однако, в Латвии не долго и вскоре был сломлен под давлением сильного внешнего натиска. 22 мая 1919 г. Рига была захвачена прибалтийскими немцами и латышскими белогвардейцами, поддержанными кавалеристами Германии (в то время уже республиканской) под начальством бар. Мантейфеля. Вслед за этим в Латвийской

столице было сформировано новое правительство, во главе которого был поставлен пастор Нэдра. Это германофильское правительство оказалось, впрочем, мертворожденным. Слишком велика в этот момент была сила победоносной Антанты для того, чтобы разбитая и придавленная Германия могла присвоить себе активную роль в делах международной политики. По требованию союзных держав германские войска оказались вынужденными освободить всю территорию Латвии, а правительство Нэдра было смещено белогвардейскими латышскими отрядами полковника Баллодиса (сторонника Ульманиса), которые были организованы и вооружены державами Согласия. Помимо того, в Курляндии образовались новые антисоветские добровольческие войска под начальством Бермондта, в состав которых вошли остатки германских оккупационных сил и русского корпуса гр. Келлера. Они заняли в середине октября Ригу, но в ноябре по воле союзных держав были распущены.

Таким образом, с помощью иностранного вмешательства в Латвии был восстановлен буржуазный режим. Впредь до окончательного урегулирования латвийского государственного устройства, власть вновь перешла в руки народного совета и ответственного перед ним министерства. Все Советское законодательство было отменено и временно заменено прежними русскими законами, действовавшими в пределах Латвии до 24 декабря 1917 года, поскольку они не были отвергнуты новыми латвийскими законами и не противоречили государственному строю Латвии и „политической платформе“ народного совета.

2. Война с РСФСР и Рижский мирный договор.

Описанные события повлекли за собою полный разрыв сношений между Латвией и РСФСР и военные действия между ними, которые закончились лишь летом 1920 г. Мирные переговоры между правительством буржуазной Латвии и РСФСР открылись в начале мая. Через $1^1/_2$ месяца Г. В. Чичерин, докладывая во ВЦИК'е о ходе переговоров, сообщал о тех трудностях, которые приходилось преодолевать Советской делегации. Они сводились прежде всего к территориальным спорам, которые, однако, постепенно закончились соглашением; к вопросам, связанным с латвийским нейтралитетом, и, наконец, к непомерным финансовым притязаниям латвийской делегации. „Мы отказываемся,—говорил Г. В. Чичерин, стать на ту точку зрения, будто бы с нас нужно брать потому, что они народ маленький, а Советская Россия большая. Мы подходим к вопросу о финансовых обязательствах с точки зрения взаимной выгоды трудящихся масс обеих сторон“. В заключение он высказывал надежду на то, что эти трудности

будут преодолены, и переговоры приведут к желательным результатам (стенографич. отчет, стр. 13—15).

И действительно, 11 августа 1920 г. в Риге был подписан мирный договор между Россией и Латвией.

Статья II договора, посвященная вопросу о независимости Латвии, подобно соответствующей статье договора с Эстонией, почти в тех же словах, что и последний, определяла правовое положение нового государства. Указанная статья отличалась от вышеизложенного договора с Эстонией лишь а) отсутствующей в последнем ссылкой на „определенно выраженную волю латвийского народа к самостоятельному государственному существованию" и б) указанием на признание Россией, на-ряду с независимостью и самостоятельностью, и суверенности нового государства.

Оба эти дополнения не изменяли, однако, существа договора: упоминание о волеизъявлении населения не являлось сколько-нибудь существенным моментом, так как и в договоре с Эстонией это обстоятельство само собою подразумевалось, но лишь не фиксировалось. Точно также признание суверенности Латвии не вносило ничего нового в существо государственно-правового положения договаривавшейся с РСФСР стороны. Права, приобретенные Эстонией, несмотря на признание лишь ее независимости и самостоятельности, были отнюдь не уже или ограниченнее прав, предоставленных Латвии. Это различие, следует полагать, объяснялось лишь редакционными недочетами и недостаточным вниманием к публично-правовым терминам.

Постановления русско-латвийского договора, направленные против организаций и групп, ведущих борьбу с другой договаривающейся стороною, совпадают в основных чертах с соответствующими мерами, предусмотренными договорами, заключенными РСФСР с другими окраинными государствами (ст. IV). Подобное совпадение наблюдается и в отношении урегулирования вопросов, связанных с правом гражданства и оптациею (ст. VIII). С вышерассмотренными мирными договорами в значительной степени сближаются и те статьи русско-латвийского договора, которые разрешают разного рода финансово-экономические вопросы. Обе договаривающиеся стороны отказываются от возмещения противной стороной их военных расходов и военных убытков (ст. V) и от каких бы то ни было расчетов, вытекающих из прежней принадлежности Латвии к России. Государственное имущество, находящееся на территории каждой из них, признается неотъемлемой собственностью подлежащего государства (ст. X). Вместе с тем, Российское Правительство обязуется возвратить в Латвию эвакуированные из ее пределов культурные и художественные ценности и архивы, имущество общественных, благотворительных и культурно-просветительных учреждений, разного рода ценности латвийских кредитных

учреждений, за исключением золота, драгоценных камней и бумажных денег, имущество латвийских городов и частных лиц физических и юридических. В отношении оплаты находящихся в пределах Латвии российских ценных бумаг РСФСР обязуется применить к Латвии и ее гражданам и учреждениям принцип наибольшего благоприятствования. В отношении разного рода вкладов, ценностей и имуществ, хранящихся в русских правительственных и национализированных учреждениях, Советское правительство предоставляет латвийским гражданам все те права, которые в свое время были признаны за русскими гражданами.

Подобно русско-литовскому договору, и договор русско-латвийский предусматривает возврат некоторых видов государственного имущества лишь в известной части. Сюда относятся почтово-телеграфное и телефонное имущество, плавучие средства и сооружения и маяки, железнодорожные средства сообщения и оборудование железнодорожных мастерских, каковые подлежат реэвакуации в количестве, соответствующем действительной экономической и культурной потребности Латвии, как самостоятельного государства (стт. X—XIV).

В отличие от Польши, Эстонии и Литвы, Латвии не удалось выговорить получения от РСФСР наличных денег. Вместо этого, в договоре высказывается общее пожелание о заключении международного соглашения по вопросу об образовании мирового фонда для возмещения ущерба, нанесенного отдельным государствам мировой войною. Независимо от осуществления этого плана, договаривающиеся стороны признают необходимым взаимное содействие Советской России, с одной стороны, и всех образовавшихся на территории б. Российской империи республик, с другой стороны, в целях возмещения указанного ущерба своими силами (ст. VI). В развитие этого общего упоминания о содействии Латвии в деле восстановления ее хозяйственной жизни, РСФСР освобождает Латвию от ответственности по всем обязательствам, лежащим на России, и, конкретизируя обещанную материальную помощь, предоставляет Латвии преимущественное право рубки леса на площади в 100.000 десятин, расположенных вблизи латвийской границы (ст. XVI).

Останавливаясь в конце договора на вопросе о предстоящем урегулировании торговых сношений, договаривающиеся стороны кладут в их основу принципы наибольшего благоприятствования и свободного транзита.

В развитие и дополнение мирного договора, между Латвией и РСФСР были в дальнейшем заключены: соглашения об оптации от 22 июля и 6 ноября 1921 г., железнодорожная конвенция от 26 февраля 1921 г., временное соглашение о почтовых и телеграфных сношениях от 3 марта 1921 г. и др.

Таким образом, правовое положение Латвии, в результате заключения мирного договора с Советской Россией, оказывалось в точности совпадающим с положением Эстонии. Поэтому те выводы, к которым приводил нас разбор договора с Эстонией, вполне применимы и к Латвии.

3. Международное признание.

Иностранные государства, за исключением РСФСР, в течение долгого времени не давали своего признания Латвийской республике. Выше мы проследили развитие этого вопроса, шедшее параллельно признанию Эстонии.

Важнейшей дипломатической задачей новой Латвии на первых порах ее существования являлось преодоление крайне сдержанной политики Франции и Соединенных Штатов, еще не отрешившихся в то время от идеи „великой и неделимой России". Что же касается Германии, то во временном соглашении с Латвией о восстановлении между ними сношений, заключенном 15-го июля 1920 г., Германия выразила готовность признать Латвию de jure, поскольку подобное признание последует со стороны одной из союзных держав.

Независимость Латвийского государства была признана 26 января 1921 г. на Парижской конференции верховного совета: Великобританией, Францией, Италией, Бельгией, Японией и Финляндией; 1 февраля заявила о своем признании Германия, а 4 февраля к ним присоединились Швеция, Норвегия и Дания.

В состав Лиги Наций Латвия была принята еще позднее— 22 сентября 1921 г.

Освещая в феврале 1921 г. в учредительном собрании Латвии историю ее признания, министр иностранных дел Мееровиц высказывал предположение, что самым важным мотивом, побудившим союзников признать de jure прибалтийские республики, являлось поражение ген. Врангеля и уверенность в безрезультатности всякого вооруженного вмешательства во внутренние дела России; Латвия, по его словам, будет служить „не барьером, отделяющим Восток Европы от Запада, а мостом, их соединяющим". Однако, по указаниям критиков доклада министра, „барьерная" политика продолжала проводиться и в дальнейшем с прежнею настойчивостью („Бюллетени НКИД", № 68 за 1921 г., стр. 9).

4. Хозяйственная жизнь.

Ознакомившись с процессом развития латвийской государственности, мы можем перейти к выяснению социально-

экономических и политических условий самостоятельного существования современной Латвии.

Латвийская территория охватывает входившие в состав бывшей Российской империи: южную часть Лифляндской губернии, бо́льшую часть Курляндской губернии, часть Витебской губернии и небольшой участок Псковской губернии. В общей сложности занимаемая ею площадь составляет около 66 тыс. кв. км. На севере Латвия граничит с Эстонией, на западе омывается Балтийским морем, на юге окаймляется Литвою и на востоке — СССР.

Население Латвии резко сократилось вследствие войны и последовавшей за нею эмиграции большинства русского и немецкого, а отчасти и латышского, населения. Перед войною на территории, занимаемой ныне Латвией, насчитывалось около 2,5 милл. жителей. К 1920 г. населе́ние уменьшилось до 1,6 милл. человек. В последующие годы, однако, возобновился сравнительно быстрый рост населения благодаря тому, что значительное количество латышей возвращалось из России; так например, в 1921 г. их число определялось в 200 тыс. человек. В результате этого роста к началу 1923 г. латвийское население достигло 1,9 милл. жителей. В отношении национального состава на долю латышей приходится приблизительно лишь $^2/_3$ всего населения. Из других национальностей выделяются: великороссы (6%), евреи (5%), белоруссы (4%), немцы (3,5%), поляки (3%) и др. Национальные меньшинства, таким образом, имеют весьма существенное значение в политической жизни страны, и их неурегулированное положение, о котором мы упомянем несколько ниже, угрожает — хотя и в меньшей степени, чем в Польше,— серьезными внутренними потрясениями.

Большинство населения Латвии занято сельско-хозяйственным трудом, который после войны и внутренних переворотов оказался в крайне тяжелом положении. В довоенное время земледелие в соответствующих областях находилось в цветущем состоянии, благодаря большому плодородию почвы и интенсивной обработке земли. Война и ее последствия чрезвычайно пагубно отразились на земледелии и вызвали уменьшение посевной площади более чем на 25%, а сбора зерновых хлебов — более чем на 35%.

Помимо того, неблагоприятное влияние оказал на земледельческое хозяйство новый аграрный закон, изданный под влиянием крестьянских элементов страны, наподобие соответствующих законов в других окраинных государствах. Этот закон был принят учредительным собранием 16 сентября 1920 г. незначительным большинством голосов (79 против 65). Согласно новому закону, были отчуждены все крупные частные имения (за вычетом средней земельной нормы), с вознаграждением их владельцев по довоенной стоимости отчуждаемых земель. Из земель отчужденных и государственных был обра-

зован особый государственный земельный фонд для наделения землею безземельных и малоземельных крестьян. Однако, вследствие отсутствия денежных средств и инвентаря, необходимых для оборудования новых хозяйств, равно как и недостатка рабочих рук, аграрная реформа не оправдала возлагавшихся на нее надежд и, вместо подъема, обусловила значительное ухудшение латвийского земледелия. На этом основании, правительство сочло себя вынужденным сдать целый ряд отчужденных земель в арендное пользование их прежним владельцам. Таким образом, необеспеченное крестьянство не извлекло из аграрной реформы почти никаких выгод, и господствующее положение сохранили преимущественно зажиточные слои крестьян (так назыв. „серые бароны“).

Латвийский аграрный закон во многом сходен с знакомым нам финским „лекс Каллио“. Буржуазия обеих стран, естественно, проводила свои аграрные мероприятия таким образом, чтобы они нанесли меньше всего ущерба ее собственным интересам. Введенный в Латвии аграрный закон мало коснулся материальных выгод крупных земелевладельцев. Последние отдали за плату излишки своих земель, создав одновременно новую опору своему классу в лице мелких земельных собственников, владеющих собственным же инвентарем.

Подлинные трудовые крестьянские массы, не имеющие средств для покупки хотя бы самых примитивных сельскохозяйственных орудий, принуждены были отказываться от земельных участков, приобретение которых было связано в первую очередь с уплатой стоимости участка. При этом интересно отметить, что латвийское буржуазное законодательство предусматривает отчуждение сельско-хозяйственного инвентаря в отходящих к государству крупных помещичьих имениях лишь с согласия самих хозяев. В противном случае отчуждение может производиться с уплатой за инвентарь не по твердым ценам, а по средней рыночной цене.

Все эти условия, которыми обставлялось проведение аграрных мероприятий в Латвии, раскрывают истинную сущность буржуазного земельного законодательства, направленного к защите интересов капиталистов и резко пренебрегающего интересами сельского пролетариата.

В связи с интенсивным луговым хозяйством, немаловажное значение в сельско-хозяйственной жизни Латвии имеет скотоводство. Мировая война вызвала значительное сокращение количества скота, но за последние годы численность последнего неуклонно возрастает. Следующая таблица ярко характеризует развитие этой отрасли сельского хозяйства (стр. 110).

Сильно пострадали за время войны крупные лесные богатства страны, которые безжалостно истреблялись. Нерациональная вырубка лесов продолжалась и после войны самим правительством, в целях пополнения государственных средств.

ГРУППЫ СКОТА.	Тысяч голов.			
	1913	1920	1922	1923
Лошади	300	251	303	338
Крупн. рог. скот	912	746	811	900
Овцы	996	947	1161	1461
Свиньи	557	465	402	484

Латвийская обрабатывающая промышленность, достигшая перед войною широкого и разностороннего развития, была совершенно разрушена в результате военных действий и эвакуации большинства фабрично-заводских предприятий вглубь России. Соответственно с этим, резко сократилась и численность рабочего класса. Перед войною на территории современной Латвии насчитывалось 94 тыс. рабочих, а к 1920 г. их число упало до 21 тыс. К этому времени в Латвии оставалось лишь 3 крупных предприятия, в каждом из которых было занято более 500 рабочих. Несмотря на эвакуацию в Россию вместе с заводами и большинства работавших на них рабочих, парализованное состояние латвийской промышленности влекло за собою острую безработицу в стране, а тем самым тяжелое материальное положение и рабочих, имевших работу.

Латвийское правительство на протяжении последующих лет оказывало материальную поддержку промышленным предприятиям (преимущественно мелким), с целью их постепенного восстановления. Это восстановление, однако, чрезвычайно тормозится отсутствием в стране полезных ископаемых (за исключением незначительных залежей низкокачественного бурого угля) и усиленным вывозом за границу—для поддержания денежных ресурсов — того сырья, которое в прежнее время перерабатывалось на местных фабриках и заводах. Важнейшим индустриальным центром современной Латвии является ее столица Рига, в которой сосредоточивается свыше 350 фабрично-заводских предприятий, относящихся главным образом к железоделательной, текстильной, химической и резиновой (в том числе известный „Проводник“) отраслям промышленности.

Вследствие упадка народного хозяйства, внешняя торговля Латвии после войны отличалась резко пассивным торговым балансом, который в последующие годы, однако, начал постепенно выравниваться. Еще в 1921 году вывоз латвийских товаров по своей ценности уступал более чем вдвое ввозу в Латвию иностранных товаров, но уже в 1922 г. это превышение ограничилось 5,5%. Важнейшими предметами латвийского экспорта служат лесные материалы, лен, кожи, рыба и др., которые направляются преимущественно в Англию, СССР и Германию. Из стран-отправительниц выделяется Германия, которая ввозит в Латвию, главным образом: сельскохозяйственные машины, медикаменты, химические и мануфактурные изделия.

В области внешней торговли Латвия имеет преимущественно транзитное значение, покоящееся на выдающейся роли ее портов (Риги, Либавы и Виндавы), органически соединенных латвийскими железными дорогами с русской железнодорожной сетью. Поэтому Латвия весьма заинтересована в использовании Советским Союзом ее торговых путей для вывоза своих товаров и ввоза товаров иностранных. Об этой сильной заинтересованности можно судить по следующему небольшому, но показательному факту. В 1921 г. в Либаве было арестовано несколько сотрудников местного представительства РСФСР. Потребовав их немедленного освобождения, Правительство последней, для усиления своего требования, отправило русские грузы, которые должны были следовать через Ригу, на Ревель. Эта мера оказала безотлагательное воздействие на латвийское правительство, которое выполнило предъявленное к нему требование.

В соответствии с общим упадком хозяйственной жизни Латвии, ее финансовое положение после войны было чрезвычайно тяжелым. Государственные бюджеты сводились с крупными дефицитами, в результате которых расходы почти вдвое превышали доходы. Крайне неблагоприятное влияние на финансовое положение оказывали и безмерные фискальные мероприятия правительства. Постепенное увеличение золотого запаса страны, связанное со значительным повышением налогового обложения и таможенного тарифа, а также и с возрастанием урожая, несколько улучшило состояние латвийских государственных финансов.

На этой основе, осенью 1922 года была произведена денежная реформа, с целью стабилизации латвийской валюты. Правительство учредило новый латвийский банк, на который был возложен выпуск банкнот, долженствующих заменить прежние бумажные деньги. В качестве новой денежной единицы был установлен 1 „лат“, равноценный золотому франку, который подлежал обмену на 50 латвийских рублей. Эмис-

сионное право латвийского банка ограничено необходимостью покрытия выпускаемых банкнот золотом.

5. Государственное устройство и внутреннее положение.

Оформление латвийского государственного устройства, как мы видели выше, чрезвычайно тормозилось теми многочисленными пертурбациями, которые не прекращались вплоть до 1920 г.

Учредительное собрание было избрано 17 и 18 апреля 1920 г. и открылось 1 мая 1920 г. в составе 150 членов. Относительное большинство мандатов получили социал-демократы (57). Остальные места распределили между собою: крестьянский союз (26), латгальская крестьянская партия (17), немецкие партии (6), демократическое объединение (6), трудовая партия (6), латгальский христианский союз (6), беспартийные буржуазные группы (6), еврейский блок (5), русская буржуазная группа (5) и др. Председателем учредительного собрания был избран один из лидеров латышского национального движения Чаксте.

Вскоре после своего созыва учредительное собрание приняло основные положения временной конституции Латвии (27 мая 1920 г.). Эта конституция слагалась из двух небольших частей. Первая из них, под названием „Декларация о государстве Латвии", провозглашала Латвию самостоятельной и независимой республикой, суверенная власть которой принадлежит латвийскому народу. Это новое подчеркивание латвийской самостоятельности и независимости, неоднократно уже провозглашавшейся как при буржуазном, так и при советском режиме в Латвии, имело целью рассеять мысли о возможности вступления ее в состав РСФСР и положить конец всяким стремлениям некоторых кругов к тому или иному объединению с Советской Россией.

Вторая часть была озаглавлена „Временные постановления о государственном строе Латвии", которые по своему содержанию весьма напоминали временную конституцию Германии от 10 февраля 1919 года. Эти постановления в сущности закрепляют тот порядок, который был выдвинут самою жизнью. Носителем верховной власти признается учредительное собрание, на которое возлагается выработка постоянной конституции и закона, посвященного аграрной реформе. Внешнее представительство государства и выполнение иных функций главы государства вверяется председателю учредительного собрания, а осуществление исполнительной власти поручается кабинету министров, назначаемому председателем учредительного собрания. В вопросе о формировании правительства учредительное собрание сделало един-

ственное отступление от прежде действовавшего порядка. В то время, как до созыва учредительного собрания министр-президент избирался народным советом, отныне Латвия усвоила общепринятый в парламентарных государствах порядок образования и смещения кабинета.

На выработку постоянной конституции было потрачено много времени вследствие резких разногласий, возникавших между отдельными партиями учредительного собрания, о которых мы упомянем несколько ниже. В виду отсутствия собственной государственно-правовой традиции, были использованы в качестве образцов многие постановления новой германской конституции, несмотря на острую политическую вражду Латвии с Германией, а в вопросе о порядке парламентских выборов существенное влияние оказало новейшее конституционное право Дании и Норвегии.

Конституция Латвии была принята учредительным собранием 15 февраля 1922 г. и вступила в силу с 7 ноября 1922 г.

Латвийская конституция объявляет Латвию независимой демократической республикой, в которой суверенная власть принадлежит народу (стт. 1 и 2).

Законодательная власть сосредоточивается в однопалатном парламенте (сейме), состоящем из 100 народных представителей (ст. 5). Сейм избирается на 3-летний срок всеми гражданами обоего пола, достигшими 21-летнего возраста, путем всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования (стт. 6, 8 и 10). Пассивное избирательное право предоставляется точно также всем гражданам по достижении ими 21 года (ст. 9).

Подобно эстонской конституции, и конституция Латвии привлекает к участию в законодательстве все население страны посредством предоставления ему права законодательной инициативы и передачи некоторых законов на всенародное голосование. Правом инициативы наделяется $^1/_{10}$ часть всех избирателей, проект которых должен передаваться президенту и вслед за этим поступать на обсуждение сейма. В случае внесения сеймом каких-либо изменений в соответствующий проект, последний подлежит передаче на народное голосование (стт. 65 и 78). Помимо того, к референдуму надлежит прибегать и в некоторых иных случаях, перечисленных в конституции, а именно: 1) в случае принятия сеймом каких-либо изменений 1, 2, 3 и 6 статей конституции, трактующих о республиканском устройстве Латвии, о суверенной власти народа, о государственной территории и о порядке выборов сейма (ст. 77), и 2) в случае задержания президентом закона, принятого сеймом, если объявления референдума требует $^1/_{10}$ избирателей; при этом, однако, народное голосование отпадает, если сейм большинством $^3/_4$ всех своих членов вторично выскажется за тот же закон (ст. 72).

На-ряду с этим, в соответствии с эстонской конституцией, целый ряд существеннейших вопросов совершенно изъят из сферы применения референдума. К их числу относятся: бюджет и законы о займах, налогах и таможенных сборах, о железнодорожном тарифе, о воинской повинности, объявление войны и заключение мира, объявление и прекращение исключительного положения, мобилизация и демобилизация и, наконец, договоры с другими государствами (ст. 73). Наконец, на народное голосование не могут быть передаваемы и те законы, принятые сеймом, которые признаны им носящими спешный характер (ст. 75).

Как видно из приведенных статей, содержащийся в конституции институт референдума обставлен настолько разносторонними и крупными ограничениями, что совершенно лишается какого бы то ни было реального значения. Непосредственное участие народа в законодательстве является, таким образом, в значительной мере иллюзорным правом, чрезвычайно урезанным в пользу народного представительства, оказывающего господствующее влияние на латвийскую государственную жизнь. Это положение ярко иллюстрируется ст. 64, отмечающей, что „законодательная власть принадлежит сейму, а равно народу".

Чтобы убедиться в полновластии латвийского сейма, следует обратиться к ознакомлению с порядком принятия отдельных законов. Все законы должны приниматься сеймом и опубликовываться президентом республики; последний, при этом, имеет право в течение семи дней возвращать закон в сейм для вторичного рассмотрения; в случае его повторного принятия сеймом, президент обязан его опубликовать (стт. 69—71). Помимо того, президент обладает правом задержания публикации закона на два месяца и обязан использовать это право, если того требует треть членов сейма. Приостановленный таким образом закон должен быть передан затем на народное голосование, в случае соответствующего требования со стороны $^1/_{10}$ избирателей. Если в течение двух месяцев подобное требование не предъявляется, то закон подлежит публикации без дальнейшего промедления. Народное голосование может быть, однако, и в этом случае устранено, как отмечено выше, путем вторичного подтверждения сеймом того же закона большинством $^3/_4$ голосов (ст. 72). Таким образом, в области законодательства, в случае наличности в сейме достаточного и сплоченного большинства, сейм может сравнительно легко преодолевать все препятствия, стоящие на его пути, и осуществлять свое безраздельное господство.

В противовес этому резко выраженному приоритету парламента, конституция предоставляет президенту право возбуждения вопроса о роспуске сейма, который должен решаться путем народного голосования (ст. 48). Это оружие, однако, является обоюдоострым и, при неблагоприятном для президента исходе

референдума, обращается против инициатора последнего: в случае отклонения абсолютным большинством голосов роспуска сейма, президент республики считается смещенным (ст. 50). Поэтому использование указанного права требует от президента величайшей осторожности и, вследствие связанного с ним крупного риска, не может получить частого применения.

На-ряду с этой решающей ролью сейма в сфере законодательства, должно быть отмечено и его определяющее влияние на формирование и функционирование органов власти исполнительной. Возглавляющий последнюю президент республики избирается сеймом на трехлетний срок (стт. 35 — 38). Одно и то же лицо, при этом, не может занимать президентский пост долее 6 лет под-ряд (ст. 39). Вместе с тем, президент может быть смещен с занимаемого им поста до истечения срока его полномочий; для этого требуется внесение соответствующего предложения не менее, чем половиною всех депутатов, и принятие его не менее, чем двумя третями последних (ст. 51). Кабинет министров, председатель которого назначается президентом, в свою очередь поставлен в зависимость от сейма и, в случае выражения последним недоверия, обязан подавать в отставку (стт. 55 — 59).

Всеохватывающее влияние латвийского парламента проникает и в сферу судебной власти. В VI части конституции, посвященной суду, мы встречаем, вслед за обычными постановлениями о независимости и несменяемости судей, указание на то, что они подлежат утверждению сеймом (ст. 84). На этом основании сейм располагает возможностью отвода неугодных ему отдельных судей.

В отличие от вышерассмотренных конституций, латвийская конституция не содержит в себе никаких постановлений о правах граждан и национальных меньшинств. В первоначальном конституционном проекте заключалась особая, вторая часть, специально посвященная этим вопросам, которая, однако, натолкнулась на резкие возражения как с крайней правой, так и с крайней левой стороны учредительного собрания; правые элементы протестовали против чрезмерного расширения гражданских свобод и самоуправления национальных меньшинств, тогда как крайняя левая не соглашалась на ограничения прав граждан возможностью установления осадного положения. В результате этих непримиримых противоречий, учредительное собрание, после продолжительных и бесплодных прений, исключило из конституции все спорные постановления по указанным вопросам и отложило их решение до последующего урегулирования в законодательном порядке. В этом отношении конституция Латвии разделила судьбу австрийской конституции 1920 г., из которой, вследствие недостижимости соглашения в учредительном собрании, был также исключен раздел об основных правах граждан, которые были обоснованы на прежних правовых нормах.

Первый латвийский сейм был избран 7—8 октября 1922 г. в составе 100 депутатов. Сейм отличается сильной политической раздробленностью и насчитывает в своей среде 19 различных партий и групп.

Руководящую роль играет в сейме крестьянский союз, опирающийся на „кулацкие элементы" в деревне и, частично, на командный состав армии. Союз представлен 15 депутатами и, занимая центральное положение, объединяет вокруг себя другие партии центра. Эти господствующие партии являются инициаторами и защитниками аграрного закона 1920 г. и, с другой стороны, активнейшими сторонниками фискального направления латвийской экономической политики.

Среди правых группировок преобладающее значение имеют христианские националисты (4 депутата) и беспартийный национальный центр (4 депутата). Правое крыло латвийского сейма отстаивает институт частной собственности и ведет ожесточенную борьбу против идеи национализации вообще и против радикальной аграрной реформы в особенности.

К левому флангу принадлежат правые социал-демократы (7 депутатов) и левые (независимые) социал-демократы (30 депутатов). В состав независимых входят и коммунисты. Последние играли господствующую роль в стране во время советского режима, после падения которого, вследствие суровых правительственных репрессий, перешли на нелегальное положение. В виду невозможности существовать в качестве самостоятельной организации, коммунистическая партия и входит в состав сейма под флагом независимых социал-демократов. Коммунисты преследуются до последнего времени правительством, которое подвергает их суровым карам, а в некоторых случаях высылает их за пределы Латвии.

Несмотря на все полицейские репрессии, влияние коммунистов на рабочие массы весьма значительно. Этим можно объяснить, например, наличие многочисленной группы (около 6.000 чел.) рижского пролетариата, стоящей на платформе Профинтерна и открыто выступающей против с.-д.

Этой группе коммунистически настроенных рабочих противостоит социал-демократический латвийский центр, включающий в свои ряды чиновников, союз сельских хозяев (владельцы вновь образовавшихся мелких хозяйств). Политика латышских социал-демократов, определяемая не столько борьбой за классовые интересы пролетариата, сколько паническим страхом перед коммунизмом, ведет к неуклонному росту авторитета коммунистической партии.

Помимо перечисленных партий, значительным влиянием в сейме пользуется блок национальных меньшинств, охватывающий 6 немецких, 6 еврейских и 3 русских депутатов и представляющий около 20% всего населения. Указанные депутаты, однако, выступают солидарно лишь в случаях защиты

их общих, совпадающих интересов, а в остальных вопросах нередко друг с другом расходятся.

Несмотря на свой крупный удельный вес, отдельные национальные меньшинства находятся в Латвии в крайне неблагоприятном положении и чрезвычайно страдают от резко националистической политики господствующих кругов. До каких пределов доходит эта латвийская нетерпимость, видно из одного яркого случая, имевшего место в 1920 году. Группа русских, проживавших в Риге, обратилась к правительству с ходатайством о предоставлении в их пользование одного из помещений городских театров. Это ходатайство было отклонено на том основании, что в Риге отсутствуют подлинные русские артистические силы и что, с другой стороны, русский театр может оказать вредное руссифицирующее влияние на латышское общество. В 1921 г., когда в Риге находилось уже много известных русских артистов, правительство вновь отклонило обращенное к нему ходатайство.

6. Международное положение.

В отличие от аггрессивной внутренней политики господствующих кругов Латвии, в сфере международной политики они вынуждены придерживаться, подобно соседней Эстонии, примирительного направления. Это объясняется тем, что важнейшая забота современной Латвии, в свою очередь, направлена в сторону всемерной защиты своей государственной независимости. После крушения всех интервенционистских планов против Советской России, встречавших в Латвии широкую поддержку, последняя отказалась от своей враждебной по отношению к СССР позиции и, руководствуясь как политическими, так и экономическими соображениями, стремится к установлению между ними дружественных сношений. Однако, свойственная всем окраинным государствам боязнь „коммунистической опасности", на-ряду с доминирующим влиянием Антанты, толкает Латвию в объятия ее прибалтийских соседей.

Первоначально наблюдалось сближение Латвии с Польшей, увенчавшееся Варшавским соглашением 1922 г., на котором мы еще остановимся несколько ниже (стр. 146). Но чрезмерно резкий и враждебный характер польской внешней политики по отношению к СССР, чреватый угрожающими последствиями, отдалил Латвию от Польши. Непосредственное соседство и общность важнейших государственных интересов Латвии и Эстонии привели мало-по-малу к прочному укреплению их связей, которые вылились в оборонительный союз, заключенный 1-го ноября 1923 г. на 10-летний срок. Латвийско-эстонский союз предусматривает совместную защиту государственных границ обеих договаривающихся сторон и согласование

их внешней политики и руководства армиями. Вместе с тем, Латвия находится в дружественных отношениях с другими окраинными государствами и принимает постоянное участие в их периодических конференциях.

Из числа держав-победительниц преобладающее влияние на Латвию оказывает Франция, которая поддерживает и укрепляет традиционную ненависть правящих латвийских кругов к Германии. Вследствие этого, отношения Латвии к Германии отличаются до последнего времени враждебным характером.

Глава V.

Литва.

1. Возникновение Литовского государства.

Национальные стремления литовцев, подобно латышскому национальному движению, начали развиваться быстрым темпом в семидесятых годах прошлого столетия. Однако, суровые притеснения со стороны царской власти не позволяли им принимать открытый характер.

Возникновение мировой войны и последовавшая вскоре германская оккупация послужили толчком к усилению литовских национальных мечтаний. В сентябре 1915 г. вся территория современной Литвы была занята германскими оккупационными войсками. Германское военное командование установило в оккупированном крае чрезвычайно суровый режим, напоминающий вышеописанный порядок управления соседними оккупированными областями. Военные власти распустили все органы местного самоуправления и сосредоточили все административные функции в своих руках. Самодеятельность литовского общества была совершенно парализована. Ее пробуждение началось лишь весною 1916 г., в связи с произведенной тогда переписью населения Вильны. Эта перепись выявила преобладающее значение в Вильне поляков, в виду чего литовские общественные деятели обратились 19 марта 1916 г. к германскому бургомистру Вильны с протестом, в котором оспаривали результаты переписи и признавали ее искажением действительного соотношения польского и литовского населения.

Этот протест явился первым предзнаменованием того непримиримого польско-литовского спора вокруг виленского вопроса, который вплоть до настоящего времени не может считаться изжитым. Вскоре после этого обращения представители литовской общественности высказались по более общему вопросу, посвященному ближайшим политическим судьбам Литвы. В докладных записках, поданных в июне 1916 г. главнокомандующему германским восточным фронтом, они, впервые за время германской оккупации, открыто выразили свои стремления

к политической самостоятельности Литвы, которые, правда, были облечены лишь в общие и расплывчатые формы.

Февральская революция 1917 года окрылила надеждами проживавших в России литовцев и повлекла за собою их спешное объединение, с целью совместного оформления своих пожеланий. В марте 1917 года состоялось первое собрание членов Государственной Думы от Литвы и представителей различных литовских политических направлений, на котором было принято постановление об учреждении литовского национального совета. Вслед за этим была созвана литовская конференция, которая открылась 27 мая в Петрограде, в составе 320 депутатов. Эта конференция уточнила и углубила прежние общие притязания и признала необходимым образование самостоятельного Литовского гусударства и созыв его учредительного собрания. Отмеченное постановление было вынесено после горячих дебатов незначительным большинством голосов (140 против 128). Левое меньшинство, отстаивая более оппортунистическую позицию и в принципе соглашаясь с большинством, настаивало на предварительном получении признания литовской независимости со стороны России и других великих держав. Сторонники этих различных решений литовского вопроса примирились лишь после Октябрьской революции, объединившей все националистические круги литовцев на почве вражды к Советской России.

Идея литовской независимости, провозглашенная литовцами, проживавшими в России, встретила живой отклик и в самой стране. В начале августа 1917 года в Вильне сконституировался организационный комитет по созыву литовской конференции, который высказался за образование самостоятельного Литовского государства. В отличие, однако, от приведенного постановления петроградской конференции, виленский организационный комитет предвосхитил установление политических, экономических и культурных связей Литвы с Германией. Объяснение этого самовольного ограничения литовской независимости следует усматривать, вне сомнения, в условиях оккупационного режима, которые учитывались литовскими общественными деятелями. Нельзя, однако, с достаточной точностью и ясностью установить, от кого исходила инициатива этого волеизъявления. Инициаторами указанного пожелания могли быть как литовцы, стремившиеся, с одобрения Германии, к отделению от России, так и сами германские оккупационные власти, которые всемерно добивались ослабления своего восточного противника и завоевания господствующего влияния в Прибалтийском крае.

Как бы то ни было, 18 сентября 1917 г. в Вильне была открыта литовская конференция в составе 200 депутатов, избранных революционным порядком по почину организационного комитета, преимущественно из среды буржуазных обще-

ственных организаций. Виленская конференция одобрила предложение организационного комитета и высказалась за учреждение литовского национального совета (тарибы) для выполнения функций постоянного представительного органа. Соответствующее ходатайство 23 сентября было направлено представителями конференции германскому военному командованию. Последнее пошло навстречу литовскому пожеланию и образовало тарибу, которая должна была работать под наблюдением и руководством военных властей. Вскоре после этого, в конце ноября 1917 г., собрался новый съезд русских литовцев в Воронеже. Этот съезд присоединился к постановлению Виленской конференции и избрал литовский национальный совет, на который возложил защиту интересов литовцев, проживавших в России.

Тариба, вскоре приступившая к работам, опубликовала 11 декабря 1917 г. декларацию, в которой объявила о восстановлении независимого Литовского государства и обратилась к помощи и защите Германской империи, высказывая при этом намерение вступить с последней в постоянный тесный союз военно-хозяйственного характера, а также в таможенное и монетное объединение. Официальный ответ на эту декларацию последовал лишь 23 марта 1918 г. в виде указа германского императора, который признавал независимость Литвы и изъявлял готовность оказать ей необходимую поддержку, обусловленную заключением всех соглашений, перечисленных в декларации тарибы. В действительности, однако, этот указ не повлек за собою никаких существенных последствий и не изменил политического положения Литвы, которая попрежнему продолжала испытывать всю тяжесть оккупационного режима.

Необеспеченность и эфемерность литовской государственности в условиях военной оккупации привела к новому шагу тарибы, сделанному 4 июня 1918 г. в надежде укрепить самостоятельность Литвы. Тариба признала необходимым избрать конституционного короля и предложила литовскую корону германскому герцогу Урахскому. Герцог выразил согласие на занятие литовского трона, но разрешение этого вопроса требовало еще согласия германских имперских властей. Ответ германского канцлера от 25 июня сильно разочаровал сторонников Литовского королевства. Подчеркивая то обстоятельство, что признание самостоятельности Литвы было поставлено в зависимость от заключения ряда германо-литовских конвенций, которые при существовавших условиях заключены быть не могли, канцлер счел невозможным реальное осуществление государственной самостоятельности Литвы.

Германское правительство согласилось реализовать обещания, данные им Литве, лишь накануне военного и политического крушения империи. Последний дореволюционный

канцлер принц Макс Баденский принял 20 октября 1918 г. литовскую делегацию и сообщил ей о согласии Германии на создание в Литве самостоятельного государственного аппарата, фактически в это время уже зарождавшегося. Это решение было, однако, слишком запоздалым и не оказало никакого влияния на дальнейший ход литовских событий. 28 октября тариба приняла временные основные законы, а 2 ноября— за несколько дней до окончательного разгрома Германии— отменила свое прежнее постановление об установлении монархического строя и избрала временное правительство для руководства государственными делами впредь до выборов учредительного собрания.

Изложенные события, имевшие место за время оккупации края, нашли сильный отклик на русско-германской конференции в Брест-Литовске и служили поводом для резких пререканий между делегациями обеих договаривавшихся сторон.

В заседании политической комиссии от 12 января 1918 г. член германской делегации ген. Гофман сделал весьма важное заявление, сводившееся к тому, что „11 декабря 1917 г. литовский ландрат (тариба), который был признан литовцами как внутри страны, так и за границей единственным правомочным органом литовского народа, объявил о полном разрыве государственных связей, которые у него когда-либо существовали с другими государствами“ (стенографич. отчет, стр. 95).

Это заявление встретило резкий протест в декларации представителя комиссариата по литовским делам РСФСР, приложенной к протоколам конференции от 10 февраля 1918 г. В декларации указывалось на то, что „литовский ландрат состоит из 2 (?) членов, избранных на так наз. Виленской литовской конференции (18—22 сентября 1917 г.), в состав которой не входил ни один рабочий. Эта конференция была составлена произвольно по приглашению самозванного организационного бюро, а не на основании правильных демократических выборов, без активного участия широких литовских масс, при отсутствии свободы слова и собраний... На той же конференции,—продолжает декларация,—было решено, что она не будет иметь юридической силы и не явится правомочным органом для установления характера отношений к соседям, ибо она не избиралась населением“. Для этой цели, по указанию декларации, был необходим созыв учредительного собрания. Поэтому она признавала ландрат (тарибу) неправомочным для решения этого вопроса и узурпатором верховной власти народа. Затем высказывался протест против сохранения в Литве режима военной оккупации, который обосновывался германским верховным командованием отсутствием в оккупированных областях органов управления, судов, железных дорог, почты и телеграфа,

отсутствием, восполняемым германскими оккупационными органами (стенографич. отчет, стр. 255—258).

Таким образом, Советская власть признавала постановление тарибы ничтожным и, не соглашаясь с доводами германской делегации, настаивала на применении по отношению к Литве тех же демократических принципов, которыми обусловливала подлинность и эстляндского и лифляндского самоопределения. Наоборот, согласно германской точке зрения, независимость Литовского государства была провозглашена еще до заключения Брест-Литовского мира.

По Брестскому договору определение судьбы Литвы, наряду с соседними прибалтийскими областями, всецело переходило в руки Германии и Австро-Венгрии.

В статье III договора мы читаем: „Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие ранее России, не будут более находиться под ее верховной властью". Далее ст. III продолжает: „Для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России. Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей. Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую судьбу этих областей по снесении с их населением". Иначе говоря, Россия безоговорочно отказывалась от своих прав на Литву, которая оказывалась за пределами установленной черты, и отстранялась, при этом, от какого бы то ни было участия в дальнейшем регулировании ее правового положения. Оно оказывалось в зависимости от одностороннего усмотрения Германии и Австро-Венгрии.

Советская власть России относилась в это время к установившемуся в Литве буржуазному строю резко-отрицательно. Так, напр., в апреле 1918 г. народный комиссариат по делам национальностей постановил закрыть высший литовский совет в России, определяемый как „самозванная организация, составленная реакционными националистическими литовскими группами", выступающая от имени контр-революционного „Литовского правительства" и действующая в России, не считаясь с Советской властью" („Политика Сов. власти по нац. вопросу", стр. 65).

Вскоре, однако, в Литве, в результате политического переворота, водворилось новое правительство советского облика. Это революционное правительство выдержало долгую борьбу за власть. Начатая в конце 1918 г., она продолжалась еще и в феврале 1919 г. В это время в западной части Литвы находились еще немецкие войска, и власть оставалась в руках тарибы. Одновременно с известным нам манифестом Советского правительства Латвии был обнародован и „манифест временного революционного рабочего правительства Литвы". Начи-

нается манифест с того, что декретирует низложение власти германской военной оккупации и литовской тарибы. В дальнейшем „Центральный Комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии", совместно с Советами Вильны и Ковны, объявляет, что им образовано новое временное правительство. Затем повторно сообщается об упразднении власти немецких оккупантов и литовской тарибы „с ее советом министров", а далее приводится ряд постановлений, долженствующих урегулировать различные стороны политической и хозяйственной жизни („Политика Сов. власти по нац. вопросу", стр. 67 — 69).

Манифест этот чрезвычайно близко напоминает рассмотренные нами обращения родственных правительств Эстляндии и Лифляндии. Но заслуживает быть отмеченным одно характерное отличие литовского манифеста, заключающееся в указании на происхождение новой власти. Редакция манифеста недостаточно ясна для получения вполне отчетливого представления об этом процессе. Сообразуясь с его текстом, можно допустить две возможности: либо революционное правительство было образовано центральным комитетом партии и последний лишь объявлял об этом совместно с Советами Вильны и Ковны, либо же они являлись и общими родоначальниками литовской Советской власти. Как бы то ни было, возникновение нового правительства представляется весьма своеобразным и любопытным явлением.

22-го декабря 1919 г. последовал декрет Совета Народных Комиссаров о признании независимости Литовской Советской республики, в точности совпадавший с соответствующим декретом, касавшимся Латвии, опубликованным в тот же день.

В течение 1919 г. произошло слияние Литовской и Белорусской Советских республик в единое государство. В „Известиях Петербургского Комиссариата по Делам Национальностей" за 1919 г., обосновывавших указанное объединение, мы читаем: „Если в своих местных делах они (Литва и Белоруссия) чувствовали себя достаточно сильными и вполне с ними справлялись, то в вопросах внешней политики обнаружили некоторое слабосилие и белоруссы и литовцы". Борьба с враждебными элементами требовала максимального напряжения сил, которое и явилось главною целью, преследуемой объединением (стр. 112 — 113). В Вильне был образован объединенный ЦИК Советов Литвы и Белоруссии, открывшийся 27 февраля; он обратился с предложением ко всем народам и их правительствам признать новую республику, избрал новое единое правительство и приступил к выработке конституции.

На-ряду с этим проявлялась и тенденция к объединению в той или иной форме всех советских республик, возникших на территории б. Российской империи. Так, председатель временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы и председатель ЦИК Советов Белоруссии в общем заявле-

нии, отправленном 16 июня 1919 г. из Москвы польскому правительству, сообщая о выражении трудящимися классами представляемых ими стран воли к объединению обеих республик в один государственный организм, ставили в известность об их стремлении создать единую федеративную советскую социалистическую республику из всех соц. сов. республик.

Идее о слиянии всех советских республик не суждено было осуществиться вследствие того, что в большинстве из них восторжествовали вскоре враждебные этой мысли элементы.

И Литва, подобно другим прибалтийским государствам, подпала под власть противников советского строя. В апреле 1919 г. Вильна была захвачена польскими белогвардейцами, а в западной части Литвы одержали верх литовские белогвардейцы, поддержанные германскими войсками. Буржуазно-национальные группы, руководимые проф. Вольдемарасом, установили временный порядок управления, с президентом республики и государственным советом во главе.

2. Мирный договор с РСФСР.

Враждебные отношения, установившиеся между буржуазной Литвою и РСФСР, заменились в конечном итоге мирным договором, подписанным в Москве 12 июля 1920 г.

Литовское правительство, начиная мирные переговоры, руководствовалось теми же соображениями об очищении своей территории и о признании независимости, что и соседние прибалтийские правительства. Литва, предъявлявшая первоначально, как докладывал Г. В. Чичерин в вышецитированной речи, весьма тяжелые требования, сводившиеся к денационализации и возвращению литовским гражданам их имущества, к передаче Литве пропорциональной населению части российского военного и торгового флота и части государственных капиталов и имуществ, находящихся за границей, постепенно пошла на уступки. В результате соглашение было достигнуто, и мирный договор с Литвою был ратифицирован ВЦИК'ом 9 сентября 1920 г., одновременно с договором, заключенным с Латвиею.

Ст. I мирного договора целиком совпадает с аналогичной статьей II русско-эстонского договора и не содержит тех дополнений, которые мы отмечали в составленном несколько позже договоре с Латвиею. Таким образом, и независимость Литовского государства получила повторное признание РСФСР. Вместе с тем, ст. I, в соответствии с другими мирными договорами, устанавливает, что факт бывшей зависимости Литвы от России не налагает на литовский народ и его территорию никаких обязательств по отношению к России.

Равным образом, наподобие вышерассмотренных мирных договоров, и договор между РСФСР и Литвою устанавливает взаимную обязанность обеих договаривающихся сторон не допускать на своей территории пребывания каких-либо организаций, ведущих борьбу против другой договаривающейся стороны, и воспретить провоз через свою территорию вооруженных сил и предметов военного снабжения, предназначаемых для указанной цели (ст. IV).

Вслед за этим договор предусматривает возможность последующего международного признания постоянного нейтралитета Литвы, в каковом случае Россия обязуется соблюдать этот нейтралитет и принять участие в установлении гарантий его сохранения (ст. V). Эта статья составлена по образцу русско-эстонского договора (ст. V) и, с другой стороны, согласуется с русско-финляндским договором, высказывающимся за нейтрализацию всего Балтийского моря (ст. XII). Постановления о литовском гражданстве признают литовскими гражданами, наряду с лицами, приписанными к городским, сельским или сословным обществам на территории Литовского государства, и лиц, проживавших на указанной территории не менее 10 лет перед войной 1914 г. и имевших там постоянное занятие; при этом заслуживает внимания то обстоятельство, что из последней категории исключаются бывшие гражданские и военные служащие, не происходящие из Литвы (ст. VI).

Переходя, далее, к вопросам финансового характера, договор передает Литве все имущество, находящееся на ее территории, и возлагает на российское правительство обязанность реэвакуации в Литву разного рода культурных ценностей, имущества общественных, благотворительных и религиозных учреждений, имущества физических и юридических лиц; в отношении железнодорожного, телеграфного и телефонного имущества договор отступает от общего правила о возврате всего вывезенного имущества и,—в соответствии с русско-латвийским договором,—обязывает Россию возместить его Литве лишь в некоторой части, соответствующей местным потребностям Литовского государства и общему ослаблению хозяйственной жизни.

На-ряду с передачей Литве разного рода имущества, российское правительство освобождает ее от ответственности по прежним обязательствам России, предоставляет литовскому правительству на 20 лет право рубки леса на площади в 100 тыс. десятин, примыкающей к границам Литвы, и, наконец, изъявляет согласие на выдачу Литве наличной денежной суммы в 3 миллиона рублей золотом. Перечисленные преимущества, предоставленные Литве, основываются договором на особенном разорении Литвы во время мировой войны и, с другой стороны, на том, что Литва никогда не находилась в состоянии войны с РСФСР. Отвод в распоряжение литовского правительства особой лесной площади объясняется истреблением лесов

Литвы, лишающим литовских граждан возможности восстановить свои разрушенные и сожженные хозяйства.

По всем этим соображениям, вместе взятым, русско-литовский договор признает указанные льготы и преимущества носящими специфический характер и не подлежащими распространению на другие государства в качестве прецедента (стт. XII и XVI). В привилегированное положение, однако, были поставлены, как мы видели, и Эстония, по договору с которой, заключенному несколько ранее, помимо непосредственно предоставленных прав, на нее должны распространяться и все последующие преимущества, предоставляемые каким-либо иным государствам, и Польша, которая получила, в свою очередь, безвозвратное денежное пособие.

В конце русско-литовского договора устанавливаются принципы, долженствующие лечь в основу имеющих быть заключенными в дальнейшем торгового и транзитного договоров, которые выражаются во взаимном предоставлении прав наибольшего благоприятствования и свободного провоза товаров через свою территорию (ст. XIII).

3. Международное признание.

Признание Советской Россией независимости Литвы имело большое значение международной важности. Вслед за этим литовское правительство с усиленной энергией начало добиваться признания государственной самостоятельности Литвы руководящими государствами Запада. Но западно-европейские державы, за исключением Германии, в течение продолжительного времени не соглашались на признание Литовской республики и ограничивались лишь признанием de facto ее правительства. К числу этих государств относились: Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Польша и Финляндия.

Настойчивые ходатайства Литвы о признании ее независимости de jure наталкивались на упорное сопротивление со стороны крупнейших держав. Лига Наций не только не принимала ее в свой состав (в заседании 16 декабря 1920 г. соответствующая просьба Литвы и ее прибалтийских соседей была отклонена), но даже, как сообщала литовская газета „Laiswe“, не давала возможности представителю Литвы осветить положение ее дел. Другая газета „Darbininky Jodis“ обрисовывала то влияние, которое оказывали державы Согласия, и в особенности Англия, на Литву, в результате которого последняя была вынуждена подписать договор о перемирии с ген. Желиховским, образовавшим в Вильне „контр-революционное гнездо против социалистической России“, а также согласилась на проведение плебисцита в „центральной Литве“, являвшейся спорной областью. Вместе с тем Литве предъявлялось требование

участия, на-ряду с Польшей, в борьбе против Советской России. Но все эти требования позволяли Литве надеяться на активную поддержку держав Согласия и на получение в конечном итоге юридического признания ее независимости („Бюллетени НКИД“ за 1921 г., № 59).

22 февраля 1921 г. верховный совет Антанты вновь рассматривал просьбу Литвы о ее формальном признании. Определенного решения вынесено не было, но, по сообщению „Daily Chronicle“, в английских правительственных кругах преобладало мнение, что Литва будет признана (там же, № 70).

Вопрос этот летом 1921 года затрогивался в Англии, при чем несколько членов парламента поместили 29 июня письмо в „Times“, в котором настаивали на необходимости признания Литвы, исходя из того, что, „пока Литовскому государству не может быть обеспечена устойчивость и гарантия от внешнего вторжения, иностранный капитал будет бояться начинать (в нем) дела“ (там же, № 90).

Литовская независимость получила международное признание лишь во второй половине 1922 г. 13 июля конференция послов Англии, Франции и Италии высказалась за признание Литвы de jure, при условии интернационализации Немана, в соответствии с Версальским договором. Литва согласилась выполнить это требование по отношению ко всем государствам за исключением Польши, которая продолжала неправомерно занимать литовские области. Вскоре последовало окончательное формальное признание независимого Литовского государства державами Антанты, оставившими открытым выдвинутый Литвою вопрос (20 декабря 1922 г.). Соединенные Штаты безоговорочно признали Литву еще ранее (28 июля 1922 г.). Таким образом, в отношении международного признания Литва несколько отстала от соседних прибалтийских республик. Достигнув осуществления своих стремлений и укрепив тем самым свое международное положение, она получила возможность уделять доминирующее внимание внутренней жизни и постепенному подъему своих производительных сил.

4. Хозяйственная жизнь.

Территория Литвы, в течение ее кратковременного существования, претерпела значительное уменьшение вследствие захвата Польшею Виленской области (около 30 тыс. кв. км.), который был санкционирован конференцией послов в марте 1923 г. Утрата Вильны — этого естественного политического и духовного центра всей Литвы — чрезвычайно остро и болезненно ощущается ее правящими кругами и служит важнейшей причиной литовско-польской вражды, на выяснении которой мы остановимся подробнее несколько ниже.

С другой стороны, на основании постановления конференции послов, вынесенного в июле 1923 г., Литва получила гор. Мемель с его областью (2,7 тыс. кв. км), которая прежде входила в состав северной Пруссии, а по Версальскому договору была отнята от Германии в пользу держав Согласия. Вопрос о Мемеле, имеющем огромное значение в качестве выхода к Балтийскому морю, в свою очередь, служил объектом продолжительных споров между Литвою и Польшею, которые мы опишем в последующем изложении.

В результате отмеченных территориальных изменений, современная Литва слагается из большей части б. Ковенской губернии и части б. Сувалкской губернии и занимает площадь в 58 тыс. кв. км. На севере, во всю свою длину, она соприкасается с Латвией, на западе граничит с Балтийским морем — через небольшой Мемельский коридор — и с восточной Германией, а на юге и востоке окаймляется Польшею.

Население Литвы по переписи, произведенной в ноябре 1923 г., составляет свыше 2 милл. жителей (с Виленской областью оно достигло бы 4 милл.). С точки зрения национального состава населения, на долю литовцев приходится 70%, евреев — 13%, поляков — 8%, русских — 7% и др.

В соответствии с природными условиями края, бо́льшая часть населения занята сельско-хозяйственным трудом. Важнейшими богатствами страны являются земледельческие продукты, а также и леса (около 20% всей земельной площади), которые используются преимущественно для получения строительных материалов. Литовское сельское хозяйство сильно пострадало от крупных реквизиций рабочего скота, производившихся в начале войны русскими войсками, а впоследствии германскими оккупационными властями. Последние отобрали приблизительно 30% лошадей и до 50% всего прочего скота.

В настоящее время скотоводство снова составляет важную часть литовского народного хозяйства. Обширные луга и пастбища, составляющие около 24% всей земельной площади Литвы, способствуют сравнительно быстрому восстановлению литовского скотоводства. Так, за время с 1921 г. по 1924 г. количество голов скота возросло:

1. Лошадей на 102.000.
2. Крупн. рог. скота на 472.000.
3. Овец и коз на 343.000.
4. Свиней на 302.000.

Вскоре после возникновения самостоятельного Литовского государства, оно, как и другие новые государственные образования, превратилось в арену ожесточенной борьбы за проведение коренной земельной реформы. Эта борьба велась по преимуществу на социальной почве, но сильно обострялась и национальным моментом. Бо́льшая часть крупного землевла-

дения была сосредоточена в руках польских помещиков, на которых обрушилась вся ненависть и злоба литовского крестьянства, накапливавшаяся в течение многих лет угнетенного существования. Вслед за германской революцией и освобождением Литвы от оккупационных войск, крупные землевладельцы были изгнаны из своих имений, которые подверглись дележу между окрестными крестьянами.

В 1920 г. был издан временный аграрный закон, который передал в собственность государства все леса и установил отчуждение известных частей крупных имений в пользу безземельного и малоземельного крестьянства. Окончательно аграрный вопрос был урегулирован учредительным собранием в феврале 1922 г. Острие нового закона было направлено против поляков, что выразилось в полном отчуждении земель всех помещиков, служащих или служивших в польской армии и участвующих или участвовавших в борьбе против литовской независимости. Земли прочих частных владельцев были признаны подлежащими отчуждению в случае превышения ими нормы в 80 гектаров, при чем собственники отчужденных земель должны были получать возмещение, основанное на довоенной стоимости последних. Помещику при этом предоставлялось право выбора указанных 80 гектаров из всей земельной массы. Неприкосновенными оставались усадьба и живой и мертвый инвентарь. Национализируемые земли были предназначены для устройства на них мелких хозяйств, размерами от 8 до 20 гектар., с погашением выкупной стоимости в течение 36 лет. В отличие от вышерассмотренного аграрного законодательства соседних государств, литовский закон предписывал при распределении земли руководствоваться местными географическими и климатическими условиями, качеством почвы и т. п.

Горная промышленность Литвы находится на крайне низкой ступени развития, вследствие испытываемого страною острого недостатка в полезных ископаемых. Точно так же и обрабатывающая промышленность отличается чрезвычайно незначительным размахом и почти совершенно лишена крупных предприятий. В Литве преобладают мелкие производства, среди которых наибольшим распространением пользуются: винокурение, пивоварение, мукомольное дело и др.

Изложенное неопровержимо свидетельствует о том ярко выраженном аграрном отпечатке, который лежит на литовской хозяйственной жизни. В соответствии с этим и литовский экспорт слагается исключительно из продуктов сельского хозяйства (лен, щетина, яйца и проч.), а также и лесного хозяйства, а импорт, напротив, охватывает всевозможные промышленные изделия, колониальные товары и т. п. Торговый баланс Литвы вплоть до 1921 года был резко пассивным, но начиная с 1922 г. стал постепенно выравниваться, в результате чего в последние годы ввоз и вывоз являются по своей ценности

приблизительно равнозначущими. Наиболее оживленные торговые сношения Литва поддерживает с Германиею; на последнем месте в ряду ее контрагентов стоит Польша.

Неблагоприятное экономическое положение Литвы в первые годы ее самостоятельного существования несколько улучшилось благодаря возвращению на родину из Америки многочисленных литовских эмигрантов, привозивших с собою крупные суммы денег в иностранной валюте. Приток в страну этих свежих денежных средств облегчил литовской казне образование золотого запаса, на основе которого в 1922 — 1923 гг. правительство провело денежную реформу.

Взамен перенятой Литвою от германских оккупационных властей так назыв. „остмарки", в августе 1922 г. была введена национальная валюта, покоящаяся на золоте. Денежная единица получила наименование „лит", который был приравнен к одной десятой доллара. Вместе с тем, правительство учредило литовский эмиссионный банк с капиталом в 12 милл. лит, половина которого была сосредоточена в руках государства. Иностранцам было предоставлено право владения не более, чем одной третью всех акций банка. Выпускаемые последним банкноты должны покрываться золотом на треть своей номинальной стоимости, но в действительности, согласно последующему постановлению правительства, золотое покрытие неизменно составляет все 100 процентов. К концу 1923 года было выпущено банкнот на сумму в 56 милл. лит.

5. Государственное устройство и внутреннее положение.

Под влиянием внутренних экономических затруднений и резких международных осложнений Литве понадобился продолжительный срок для урегулирования своего государственного устройства.

Учредительное собрание Литвы, избранное 15 апреля 1920 г. путем всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, на основе пропорционального представительства, было созвано в Ковне в составе 112 депутатов. Решающее большинство депутатских полномочий получила христианско-демократическая партия (59). Будучи, таким образом, сильнейшей партией в учредительном собрании, она занимала в нем крайний правый фланг. По своим воззрениям партия христианских демократов отличалась резко выраженным консервативным и клерикальным оттенком; однако, вследствие сильной антипатии к полякам, она в известной мере поддерживала аграрную реформу. Другие буржуазные партии не были представлены в учредительном собрании. Полное поражение на выборах потерпели как партия, возглавляемая первым литовским пре-

зидентом Сметоной и бывшим министром иностранных дел Вольдемарасом, проникнутая умеренными национально-либеральными взглядами и объединяющая значительную часть интеллигенции (так назыв. партия Пазанга), так и более радикальная буржуазная партия, отражающая течение свободомыслящих либералов (партия Сантара).

Центральное положение в учредительном собрании заняли: крестьянский союз, объединяющий своих сторонников преимущественно на почве экономического единомыслия, и народная социалистическая партия, которая характеризуется умеренным реформистским направлением и обычно координирует свои действия с крестьянским союзом. Обе названные группы, вместе взятые, получили на выборах 1920 г. 29 мандатов.

Левое крыло в литовском учредительном собрании занимала социал-демократическая партия, которая по своим взглядам приближалась к германским независимым социалистам (14 депутатов).

Кроме того, в учредительном собрании были представлены отдельные национальные меньшинства в лице: 6 еврейских депутатов, принадлежавших к трем различным партиям, 3 польских депутатов и 1 немецкого депутата. Таким образом, господствующая роль в литовском учредительном собрании выпала на долю буржуазных групп, которые и оказали определяющее влияние как на временную, так и на постоянную конституции Литвы.

2 июня 1920 года учредительным собранием была утверждена временная конституция, которая провозгласила Литовское государство демократической республикой.

Суверенная власть Литвы, согласно конституции 1920 г., принадлежит учредительному собранию, функции которого сводятся к выработке законов, ратификации договоров с другими государствами, утверждению государственного бюджета и наблюдению за исполнением законов.

Исполнительная власть вверяется президенту республики и кабинету министров. Президент, избираемый учредительным собранием, назначает по своему усмотрению премьер-министра, которому поручает сформирование кабинета, ответственного перед учредительным собранием. Президент республики олицетворяет высшую военную и гражданскую власть государства. До его избрания возлагаемые на него обязанности выполняются председателем учредительного собрания. В случае смерти, отставки или болезни президента, замещение его происходит в таком же порядке. Все акты президента должны скрепляться премьер-министром или кем-либо из министров. Члены учредительного собрания при вступлении в кабинет министров не выбывают из состава учредительного собрания.

Выработка постоянной конституции Литвы, как сказано, сильно затянулась вследствие крайней затруднительности ее внутреннего и международного положения. Принятие учредительным собранием постоянной конституции состоялось лишь 1 августа 1922 г.

Литовская конституция 1922 года во многих отношениях напоминает вышерассмотренную конституцию Польши, не взирая на неизменную вражду между обеими странами. Конституция Литвы, однако, идет дальше по пути демократизации государственного строя и применения новых конституционно-правовых идей.

На основании ст. 1, „Литовское государство есть независимая демократическая республика", в которой „суверенная государственная власть принадлежит нации". Вслед за провозглашением этих общих положений, конституция обращается к регламентации прав литовских граждан; в отличие от польской конституции, здесь не содержится определений, касающихся их обязанностей. Предоставляя гражданам те же права, о которых мы упоминали при рассмотрении конституции Польши, литовская конституция, в свою очередь, предусматривает такие же ограничения этих прав (стт. 10 — 17).

Наиболее существенные отличия от польской конституции могут быть отмечены в области организации и функционирования законодательного механизма. Осуществление законодательной власти возлагается на однопалатный парламент (сейм), избираемый путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, на основе пропорционального представительства (ст. 23). Таким образом, если и в Польше, вследствие ограниченного значения сената, руководящую роль в государственных делах играет сейм, то в Литве, благодаря отсутствию верхней палаты, сейм приобретает еще более решающее значение в качестве основного фактора всей политической жизни страны. Помимо того, конституция устанавливает трехлетний срок депутатских полномочий (в Польше 5 лет), в силу чего достигается возможность более частого обновления состава народного представительства и большего его соответствия взглядам и пожеланиям населения (ст. 25). Активным избирательным правом пользуются граждане обоего пола, достигшие 21-летнего возраста, а пассивное избирательное право предоставляется по достижении 24 лет (ст. 24), тогда как в Польше — с 25 лет.

В сфере законодательства важным нововведением литовской конституции по сравнению с конституциею Польши, является привлечение к участию в обсуждении законов всего населения, путем установления институтов народной инициативы и референдума, по образцу конституций Эстонии и Латвии. Право законодательной инициативы предоставлено 25 тыс. граждан, пользующихся избирательным правом; вырабатывае-

мый ими законопроект подлежит обсуждению в сейме (ст. 20). Всенародное голосование предусматривается в случаях внесения каких-либо изменений или дополнений в конституцию; необходимой предпосылкою передачи их на народное голосование является соответствующее требование со стороны президента республики, одной четверти всех членов сейма или 50 тыс. граждан, имеющих избирательное право (ст. 103).

Эти постановления литовской конституции в известной мере напоминают институты народной инициативы и народного голосования в новой Германской конституции 1919 г. (стт. 73—76). Однако, в отличие от последней, допускающей лишь факультативный референдум, проводимый по усмотрению президента республики, рассматриваемая нами конституция несколько расширяет рамки референдума по вопросу об изменении конституции и предусматривает его в различных отмеченных случаях.

Что касается обычного законодательного процесса, то он сводится к принятию законов сеймом и опубликованию их президентом республики. Влияние президента на законодательство ограничивается предоставленным ему правом возвращения законов в сейм, со своими возражениями, для вторичного обсуждения, при чем повторное принятие того же закона абсолютным большинством всех депутатов преодолевает сопротивление президента; вместе с тем, в случае признания сеймом, большинством $^2/_3$ всех членов, срочного характера того или иного закона, президент лишается права передачи его на вторичное обсуждение сейма (ст. 50). Отсюда следует, что преграда, стоящая на пути законодательной деятельности сейма, может быть преодолеваема в Литве с еще большею легкостью, чем в Польше, и что литовский сейм в сущности поставлен в положение полновластного и безраздельного распорядителя судьбами страны.

Это выступает еще отчетливее и ярче при ознакомлении со структурою исполнительной власти. Глава последней, президент республики, избирается сеймом и может быть сеймом же устранен, в случае соответствующего волеизъявления $^2/_3$ его депутатов. Выборы президента производятся из числа граждан, достигших 35-летнего возраста, на трехлетний срок, совпадающий с парламентской легислатурой. При этом одно и то же лицо не может быть избранным на президентский пост более, чем на два непосредственно следующих друг за другом трехлетия (стт. 40 — 44). Единственное орудие, которым президент располагает против парламентской гегемонии, заключается в принадлежащем ему праве роспуска сейма до истечения срока его полномочий. После созыва нового сейма, который должен состояться не позже, чем через два месяца, подлежит, однако, переизбранию и президент республики (ст. 52).

Правительство, олицетворяемое кабинетом министров, назначается президентом и несет ответственность перед сеймом, недоверие которого влечет за собою его отставку (стт. 55—59). Как министры, так и президент республики могут быть преданы верховному суду за преступное нарушение закона, по постановлению сейма, принятому абсолютным большинством его членов (ст. 63).

В виде отдельных кратких положений конституция регулирует далее вопросы, относящиеся к областям местного самоуправления, прав национальных меньшинств, обороны республики, просвещения, религии и культа. Среди всех этих постановлений, в большей своей части приближающихся к определениям польской конституции, обращает на себя внимание указание на необязательность принадлежности к какой-либо религии. Для детей тех лиц, которые не принадлежат ни к какой религии, должны учреждаться специальные школы, освобождаемые от обязанности преподавания религии (ст. 80).

В следующих за этим положениях, закладывающих фундамент экономической политики государства, конституция признает основой сельского хозяйства — важнейшего занятия населения — принцип частной собственности; преимущество при этом оказывается мелким и средним владениям, тогда как крупные имения подлежат раздроблению (ст. 90). Дальнейшие постановления конституции посвящены государственным финансам, социальному обеспечению, изменениям и дополнениям конституции и переходным постановлениям.

На основе новой конституции, 12 октября 1922 г. состоялись выборы первого литовского сейма, которые, по сравнению с учредительным собранием, не внесли существенных изменений в соотношение сил отдельных политических партий. Христианские демократы заняли попрежнему первое место и получили 36 мандатов; крестьянский союз — 18 мандатов, народные социалисты—6 мандатов, прогрессисты—1 мандат, коммунисты—6 мандатов, евреи — 6 мандатов, поляки — 5 мандатов и немцы — 3 мандата.

Характерной особенностью парламентских выборов 1922 г. является завоевание нескольких мест в сейме коммунистической партией, несмотря на ее нелегальное существование, вызванное ее преследованием со стороны правительства. Своими основными задачами партия ставит: сближение с массами, участие в повседневной борьбе рабочего класса, установление единого фронта пролетариата против буржуазии. С целью пропаганды своих идей партия выпускает несколько нелегальных изданий.

Что касается национальных меньшинств, то их представительство, после выяснения результатов выборов, было сильно урезано литовским правительством. По решению избирательной комиссии, в пользу христианских демократов и народных социалистов, немцы были лишены всех трех полученных

ими мандатов, у евреев было отнято 4 из 6 мандатов и у поляков 3 из 5. Это извращение правительством распределения депутатских полномочий, в ущерб национальным меньшинствам, служит красноречивым свидетельством существования и в Литве острой национальной розни, о которой нам приходилось неоднократно упоминать при рассмотрении внутреннего положения других окраинных государств. Господствующая в Литве народность, таким образом, проявляет резкую вражду по отношению к остальным народностям, населяющим страну, и тем самым подтачивает политические основы Литовского государства.

6. Международное положение.

Еще большею шаткостью и неуверенностью отличается международное положение современной Литвы. Внешняя политика Литвы, за истекшие годы ее самостоятельного существования, проходила под знаком борьбы за обладание Вильной и прилегающей к ней областью. Во время русско-польской войны Вильну занимали поочередно то польские, то русские войска. По Русско-Литовскому мирному договору 1920 года были признаны исторические права Литвы на Виленскую область, которая на этом основании должна была войти в состав Литвы. Осенью 1920 года Вильна была освобождена от русских войск и передана литовскому правительству.

Это постановление, однако, оказалось бесплодным, так как вскоре Вильна была захвачена войсками польского генерала Желиховского (9 октября 1920 года). Был ли этот насильственный акт произведен по инициативе польского правительства или представлялся самочинным выступлением, — остается до настоящего времени не вполне выясненным. Но, как бы то ни было, захват Вильны вызвал немедленный и живой отклик в господствующих кругах Польши, открыто выразивших по этому поводу свою радость.

Стремления к „полонизации“ Виленщины имеют за собою большую давность. Посредством постепенного заселения края и приобретения его земель поляки мало-по-малу достигли значительной численности в Вильне и сосредоточили в своих руках бóльшую часть местного землевладения. После получения независимости, Польша с усиленной энергией начала добиваться присоединения Виленской области и пользовалась в этом отношении поддержкой Франции, предпочитавшей, чтобы Виленский коридор, отделяющий Россию от Германии, находился в руках преданной ей Польши, а не Литвы, экономически тяготеющей к Германии. По Рижскому мирному договору 1921 года, Польша получила промежуточную зону между

Белоруссией и Виленскою областью и, выговорив невмешательство России в польско-литовское разграничение, обеспечила свое господство в Вильне от посягательств с востока.

В течение 1921 года Лига Наций пыталась примирить Литву и Польшу на почве компромиссного решения виленского вопроса, предлагая со своей стороны возврат Виленской области Литве с тем, чтобы этой области была предоставлена автономия и чтобы в ней были обеспечены все законные польские интересы. Предложения Лиги Наций наталкивались, однако, на непреклонное сопротивление Польши и оказались совершенно безрезультатными.

Тем временем, с целью внешнего смягчения своей завоевательной политики, Польша объявила в январе 1922 года выборы в виленский сейм, призванный к выражению воли местного населения по вопросу о дальнейшей судьбе Вильны. Выборы эти были произведены в атмосфере крайнего принуждения и давления на избирателей. Желиховский покинул Вильну только накануне выборов, а войска его выведены не были и оставались без перерыва в пределах города. Помимо того, незадолго перед выборами в Вильну прибыло из других частей Польши свыше 10 тыс. поляков, которым было предоставлено избирательное право. Все избирательное делопроизводство было возложено на специально назначенную польскую комиссию. Вследствие этих мероприятий, литовское и еврейское население уклонились от участия в голосовании, благодаря чему был избран сейм, вполне оправдавший надежды польского правительства.

В феврале 1922 года виленский сейм вынес постановление о полном и безусловном присоединении Вильны к Польской республике в качестве ее составной неотъемлемой части. Не взирая, однако, на это постановление и в разрез с централистической конституцией Польши, польское правительство, добиваясь признания руководящими европейскими державами присоединения Виленщины к Польше, настояло на том, что это присоединение было облечено в форму двустороннего соглашения между Польшею и Виленской областью. На основе этого соглашения, последняя была поставлена в положение автономной провинции.

Лига Наций сочла выборы виленского сейма незаконными, но от принятия каких-либо немедленных мер воздержалась. В марте 1923 года, как отмечено выше, конференция послов, вопреки решительным протестам из Ковны и Москвы, выразила свое официальное согласие на включение Виленской области в состав Польши. Это разрешение многолетнего польско-литовского спора вызвало сильное разочарование и недовольство в правящих кругах Литвы, которые до сего времени не примирились с этой утратой. В сентябре 1924 года Литва вновь выдвинула перед Лигой Наций свои притязания на Виленщину, которые, однако, оказались безуспешными.

Некоторой компенсацией потери Вильны явилось предоставление Литве Мемельской области, которое, как мы упоминали, было санкционировано конференцией послов в июле 1923 года. Мемельский вопрос, в свою очередь, служил поводом для резких польско-литовских разногласий, вследствие крупного экономического значения мемельского порта. В силу указанного постановления конференции послов, Литва получила Мемельскую область при условии организации в Мемеле особого портового совета, состоящего из литовцев и поляков. Враждебные отношения между Литвою и Польшею затрудняли, однако, согласованную работу их представителей и пагубно отражались на фукционировании мемельского порта.

На этом основании, Лига Наций командировала в Мемель в феврале 1924 года особую комиссию с целью обследования административного устройства порта и, по заслушании ее доклада, выработала новый проект решения мемельского вопроса. Проект этот значительно ограничивал права Польши в портовой администрации и предусматривал расширение компетенции литовских властей. Опубликование этого проекта повлекло за собою резкие протесты со стороны Польши, а также и СССР, который возражал против решения мемельской проблемы без его участия. Таким образом, и вопрос о дальнейшей судьбе Мемеля остается до сих пор чрезвычайно спорным и препятствует умиротворению внешних сношений Литвы с соседними государствами.

Беспрерывная вражда с Польшей накладывает неизгладимый отпечаток и на отношения Литвы с остальными окраинными государствами. Вследствие нежелания встречаться с польскими представителями, Литва не принимала участия в большинстве прибалтийских конференций, а на тех немногих конференциях, на которых представители Литвы собирались вместе с латвийскими и эстонскими делегатами, были урегулированы лишь некоторые вопросы второстепенного значения. Наиболее дружественным оттенком первоначально отличались литовско-латвийские связи; но и они, после присоединения Латвии к Варшавскому соглашению 1922 года, сильно пошатнулись.

Отношение Литвы к Германии характеризуется сильными колебаниями и неустойчивостью. С одной стороны, как мы видели, Литву связывают с Германией прочные экономические узы. В Литве до последнего времени дают себя знать следы тех разнородных конвенций, которые были заключены между слабой зарождавшейся Литвою и могущественной дореволюционной Германиею. Поэтому Литва находится в сильной экономической зависимости от Германии и вынуждена в известной мере ориентироваться на нее в своей внешней политике. В мае 1923 года был заключен Литовско-Германский торговый договор, основанный на принципе наибольшего благоприятствования.

Но, с другой стороны, сближение Литвы с Германиею на экономической почве встречает резкое противодействие держав Антанты, оказывающих на Литву, как и на все прочие новые государства, господствующее политическое влияние. Вместе с тем, сама Литва сохранила со времени оккупационного режима целый ряд претензий к Германии, заметно охлаждающих их взаимоотношения. В заботе об обеспечении своей государственной самостоятельности, свойственной Литве в такой же мере, как и всем ее вышеописанным соседям, Литва стремится к поддержанию дружественных отношений с СССР и к сохранению покровительственного отношения к ней со стороны руководящей группы западно-европейских держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В предыдущем изложении мы осветили процесс возникновения и последующего развития новых независимых государств, возникших в результате войны и революции на западной окраине бывшей Российской империи. Обладая разнообразными специфическими особенностями, каждое из этих государств в то же время во многих отношениях тесно соприкасается со всеми остальными. Поэтому, резюмируя и сопоставляя наши очерки, посвященные отдельным государствам, мы можем подвести общие итоги и сформулировать ряд выводов, в равной мере относящихся ко всем им вместе взятым.

Наш предшествующий анализ зарождения и постепенного осуществления идеи государственной независимости на прибалтийской окраине России позволяет нам установить в первую очередь те общие причины и те однородные факторы, которые мало-по-малу привели к образованию интересующей нас группы независимых государств. До мировой войны 1914 г. вопрос о политической самостоятельности соответствующих областей, входивших в состав бывшей Российской империи, находился лишь в зачаточной стадии своего развития. Национальное движение, постепенно разраставшееся в этих областях, не ставило своей ближайшей задачею полное выделение из государственного единства. Оно добивалось лишь смягчения того тяжкого гнета, который испытывали все национальные меньшинства, страдавшие от суровой руссификаторской политики, проводимой царизмом на окраинах; оно стремилось лишь к достижению национальной и территориальной автономии подлежащих областей, долженствовавших попрежнему оставаться в составе Российской империи.

Мировая война послужила могучим толчком к вынужденному сплочению отдельных народностей, населявших Россию. Их официальные представители торжественно заявляли о своей горячей преданности государственному целому и о полной солидарности и единодушии, объединявших их с господствующей национальностью. В особенно яркую форму все эти заявления вылились в первых после объявления войны заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета. Депутаты

русских западных окраин в один голос выражали свое патриотическое воодушевление, свое стремление послужить общему делу и соединенными силами достигнуть свободы и единства России, покоящейся на правомерном и справедливом отношении ко всем населяющим ее народностям. Все они преследовали при этом одну и ту же конечную цель. Активное проявление „верноподданнических чувств" в течение всей войны должно было, по их мнению, увенчаться после ее победоносного окончания желанными достижениями. В награду за преданность русскому правительству и поддержку русских войск господствующие круги западных окраин рассчитывали на расширение самостоятельности представляемых ими областей, на предоставление последним автономного устройства и, тем самым, на значительное увеличение своего политического влияния.

Державы Согласия, воевавшие в союзе с Россией, были, со своей стороны, заинтересованы в максимальной силе и сплоченности своего союзника и потому приветствовали то национальное единение, о котором возвещала российская власть с первых дней войны. Что касается русского дореволюционного правительства, то оно, с удовлетворением принимая все патриотические декларации, не связывало себя, однако, никакими обязательствами, за исключением крайне ограниченных обещаний, данных Польше.

Февральская революция 1917 года несколько оживила самодеятельность местного населения разбираемых нами областей и, удовлетворив в известной мере его давнишние пожелания, обусловила дальнейшее увеличение и расширение выдвигаемых им требований.

Решающее влияние на судьбу русских западных окраин оказал Октябрьский переворот, который в корне изменил весь социально-политический и экономический строй России. Вслед за этим переворотом отдельные окраинные области, до того не порывавшие правовых уз, связывавших их с Россией, объявили, в лице своих господствующих элементов, о полном отделении от государственного целого и об образовании ими независимых государств. Таким образом, та идея самостоятельной государственности, которая медленно развивалась в предыдущие годы, теперь с молниеносной быстротою приняла реальные очертания и вызвала к жизни целый ряд самодовлеющих государственных организмов. Чем объяснялось это стремительное провозглашение независимых государств, какие факторы лежали в основе этого общего и однородного процесса?

Российская Советская власть, вскоре после своего водворения, предоставила всем народностям России право на самоопределение, вплоть до полного отделения от государственного целого. Поэтому возникновение новых государственных образований могло основываться на этом волеизъявлении Советской

власти. Однако, действительный ход событий устраняет возможность подобного вывода. Независимость новых государств провозглашалась скороспелыми местными правительствами, в которых руководящую роль играли буржуазные элементы, враждебно настроенные по отношению к Советскому Правительству. Последнее, со своей стороны, обусловливало подлинность национального самоопределения всенародным голосованием, из-за отсутствия которого оно не признавало государственные новообразования. Советское законодательство, следовательно, не являлось фундаментом новых окраинных государств. Они не только не соответствовали волеизъявлению революционной русской власти, но, напротив, возникали на почве резко-враждебного к ней отношения и острием своим были направлены в первую очередь против нее. Этот процесс объяснялся причинами двоякого рода.

Одним из основных факторов отделения окраинных областей от России являлась непримиримая вражда к новой рабоче-крестьянской власти, свойственная буржуазным кругам, занимавшим в этих областях господствующее положение. Их стремление к пресечению зависимости от Советской власти и к урегулированию правового и экономического положения в соответствии со своими социально-политическими взглядами и интересами и являлось важнейшим внутренним стимулом независимости новых окраинных государств. Это значение возникновения последних учитывалось и Советским Правительством, которое, устами Л. Д. Троцкого, весьма отчетливо и поучительно освещало рассматриваемый процесс. Затрагивая этот вопрос на Брестской мирной конференции, Л. Д. Троцкий отмечал наличность „тенденции к переоценке силы и значения сепаратистских стремлений, существующих в революционной России. В разных областях России,—продолжал он,—в особенности на ее периферии, сепаратистские тенденции проявляют в настоящий момент те именно классы или группы населения, которые до революции являлись носителями самого беспощадного централизма. В этом сепаратизме нельзя видеть длительной исторической тенденции; это только временное орудие самообороны определенных слоев населения, опасающихся революционной власти“ (стенографический отчет брест-литовских мирных переговоров, стр. 151).

Но, на-ряду с этими внутренними причинами, гораздо бо́льшую роль в интересующем нас процессе сыграли внешние факторы, независимые от воли как местного населения, так и Советской России. Вопрос о политической самостоятельности русских окраин был решен под определяющим давлением руководящих европейских держав. При этом следует особо подчеркнить то обстоятельство, что к судьбам Прибалтийского края (в широком смысле) проявляли исключительный интерес обе коалиции держав, воевавших друг с другом.

Первоначально та территория, на которой впоследствии образовались окраинные государства, была захвачена германскими, и отчасти австрийскими, вооруженными силами. Всемерно добиваясь ослабления России, Германия, в лице своих оккупационных властей, оказывала поощрение и покровительство сепаратистским элементам оккупированных областей, усиленно закрепляла их правовые и экономические связи с Германской империей и решительно подавляла в них все революционные восстания.

Германское могущество, однако, было вскоре сломлено соединенными усилиями Антанты, установившей свою безраздельную гегемонию на мировой политической арене. С тем вместе, державы - победительницы унаследовали от побежденной Германии доминирующее влияние на новые прибалтийские государства. Они оказали последним существенную военную и материальную поддержку в деле вытеснения революционных советских элементов и закрепления буржуазного строя, сконструированного по образу и подобию западно-европейских государств. Помимо крупных экономических интересов на балтийском побережье, державами Согласия руководило при этом враждебное отношение к Советской России и стремление к ее максимальному ослаблению и изоляции от всей Западной Европы вообще и от Германии в частности. Если во время войны они нуждались в могучем и едином союзнике, приковывавшем крупные германские силы к восточному фронту, то, после войны и радикального изменения русского социально-политического режима, все их помыслы направились в сторону раздробления и умаления мощи своего опасного экономического конкурента и политического соперника. Кроме того, сильная боязнь проникновения на запад „коммунистической заразы“ влекла за собою поддержку буржуазных окраинных государств в качестве „барьера“, отделяющего буржуазный Запад от коммунистического Востока современной Европы. Благодаря этой „барьерной“ политике Антанты, окраинные государства получили возможность укрепить свои внутренние и внешние позиции и занять самостоятельное положение в международном общении. Таким образом, все новые государственные образования, возникшие на западной окраине бывшей Российской империи, являются детищем войны и революции и обязаны своим существованием сложным международным отношениям, от последующего развития которых зависит вся их дальнейшая судьба.

Окраинные государства сближает друг с другом не только общая природа их возникновения. Резко выраженным сходством и множеством общих, родственных черт отличаются и их хозяйственная жизнь, и их социальная структура, и их внутреннее политическое положение, и, наконец, их международные сношения. Иначе говоря, если в динамической стадии своего постепенного государственного оформления эти государства

находились в аналогичных условиях и во многом напоминали друг друга, то и в современном, статическом состоянии они обладают целым рядом однородных особенностей, позволяющих в известной мере рассматривать их как нечто целое, связанное многочисленными и разнообразными нитями.

Ознакомление с народным хозяйством вышерассмотренных государств привело нас к тому заключению, что на нем повсюду лежит отчетливый аграрный отпечаток. В соответствии с этим мы убедились в том, что после освобождения от иностранной зависимости во всех интересующих нас странах сильно возросло значение зажиточного крестьянства, проникнутого собственническими инстинктами. Оно повсеместно улучшило свое материальное положение и значительно увеличило свое политическое влияние посредством проведения аграрной реформы, которая выразилась в отчуждении крупных поместий, попавших преимущественно в руки зажиточных крестьян-собственников. Вместе с тем, эта ликвидация крупного землевладения принимала в значительной степени национальную окраску и служила выходом резкого озлобления и ненависти против помещиков господствовавших прежде национальностей (русских, немцев, поляков).

Государственный строй, установившийся в этих новых странах Прибалтики, явился отражением взглядов и интересов господствующих в них элементов. Республиканское устройство, общепринятый на Западе парламентарный режим, незыблемость частной собственности — таковы те социально-политические основы, на которых были воздвигнуты все окраинные государственные здания. При этом заслуживает внимания одна особенность внутреннего положения некоторых окраинных республик (Польши, Латвии и отчасти Литвы), населенных в значительной своей части национальными меньшинствами. Господствующие в них народности, еще не успевшие забыть тяготевшего над ними самими национального гнета, позаимствовали у своих прежних властителей национальный шовинизм и резко притесняют живущие с ними национальные меньшинства.

На почве этой политики господствующих элементов, в окраинных государствах дает себя резко чувствовать социальная рознь, а в некоторых из них к ней присоединяется и острая национальная вражда. Промышленный и сельский пролетариат, находившийся до последнего времени в крайне тяжелом материальном положении, и разнородные национальные меньшинства, не удовлетворенные в сфере своих национальных и культурных требований,—таковы те силы, которые противостоят правящим кругам новых государств. Под влиянием неурегулированности этих внутренних отношений, окраинные республики неизменно находятся в состоянии неустойчивого равновесия, которое с большим трудом поддерживается их буржуазными властями.

Значительной шаткостью и неустойчивостью отличается и международное положение окраинных государств. Их государственная независимость покоится на разрыве тех уз, которые связывали всех их с Россией. Опасение восстановления этих уз, с одной стороны, и боязнь внедрения коммунистических идей, с другой стороны, объединяет их в стремлении к охране своей неприкосновенности от возможных посягательств СССР. Защита своих восточных границ представляется поэтому основною целью тех оборонительных союзов, в которые они вступают как друг с другом, так и с некоторыми другими близлежащими государствами. Вместе с тем, все они испытывают на себе решающее влияние господствующих на Западе держав (главным образом Франции и Англии), которые направляют всю их внешнюю политику и ставят их в положение „буферных" государств, преграждающих путь с Востока на Запад.

С другой стороны, все прибалтийские новообразования чрезвычайно заинтересованы в тесном экономическом общении с СССР, которое для некоторых из них служит важнейшим источником материального благополучия. Поэтому они вынуждены поддерживать дружественные отношения со своим восточным соседом и смягчать те разногласия, которые от времени до времени возникают между ними. Всевозможные конфликты и осложнения нередко имеют место и между самими окраинными государствами, соседство которых таит в себе немало возможностей разнообразных столкновений. Особенно враждебным характером, как мы видели, отличаются польско-литовские отношения, которые косвенно отражаются и на взаимоотношениях всего комплекса окраинных государств.

Итак, основными моментами, характеризующими международное положение окраинных государств во всей их совокупности, являются: постоянные опасения аггрессивных действий со стороны СССР, неналаженность их отношений друг с другом и, наконец, сильная зависимость от Антанты, использующей их в качестве орудия своих политических и экономических замыслов.

Из всего изложенного вытекает с полной ясностью, что все окраинные государства, поставленные в родственные условия существования, обладают многочисленными общими интересами, создающими между ними близкие взаимоотношения. Вполне понятными поэтому становятся те многочисленные попытки, направленные на их политическое и экономическое объединение, которые имели место в течение их кратковременной истории. Эти попытки, как мы указывали, выливались, с одной стороны, в форму отдельных союзов и соглашений между двумя государствами, а с другой стороны, ставили своею целью заключение общих соглашений между всеми окраинными государствами. Подобные стремления к образованию Прибалтийского союза, которые обычно вдохновлялись Польшею, а за ее спиною Францией, наталкивались, однако, на целый

ряд препятствий, заключавшихся преимущественно в нежелании других государств принимать на себя ответственность за воинственную политику Польши, а также и в беспрестанной польско-литовской вражде.

Соответствующие пожелания, клонившиеся к тесному сближению всех прибалтийских государств, были вынесены еще на Рижской конференции, заседавшей в августе и сентябре 1920 г. в присутствии представителей всех пяти заинтересованных стран. На этой конференции было признано необходимым учредить: особый совет уполномоченных в качестве общей организационной и подготовительной инстанции, прибалтийский третейский суд для разрешения споров между окраинными государствами, высший экономический совет, с целью информации договаривающихся сторон по экономическим вопросам, и расчетную палату в каждом государстве в отдельности, для урегулирования взаимных расчетов. Кроме того, были приняты постановления о взаимном уравнении в правах граждан договаривающихся государств, об облегчении их передвижения и т. д.

Осуществление всех этих решений подвигалось, однако, крайне медленным темпом вследствие упомянутых осложнений, возникавших между отдельными прибалтийскими государствами. В последующие годы неоднократно собирались новые конференции окраинных государств, на которых в большинстве случаев присутствовали представители лишь некоторых из них.

Весьма важное политическое соглашение было заключено между Польшею, Финляндиею, Латвиею и Эстониею 17 марта 1922 г. в Варшаве, незадолго перед Генуэзской конференциею. Указанное соглашение признавало мирные договоры, заключенные названными государствами с РСФСР, и предусматривало совместную оборону границ каждого из них в случае нападения на него с какой-либо стороны. Этот союз, вдохновляемый Польшей, должен был, по ее мнению, послужить началом сближения Малой Антанты (Чехо-Словакии, Румынии и Юго-Славии) и окраинных государств и повлечь за собою установление неразрывной цепи на всем протяжении от Балтийского до Черного моря. Однако, Финляндия отказалась от ратификации этого соглашения, и оно осталось без влияния на дальнейший ход событий.

Последующие конференции созывались весьма часто, но ограничивались обсуждением почти исключительно различных экономических вопросов. Так напр., в течение года, начиная с осени 1923 г., имели место 5 конференций, на которых собирались, в зависимости от обсуждаемых вопросов и политических взаимоотношений, в одних случаях все, а в других лишь некоторые, окраинные государства. В ряду выдвигавшихся на этих конференциях вопросов имели преимущественное значение вопросы о торговых договорах, о таможенном

обложении, о транзите товаров и организации портов, о железнодорожном передвижении, о связи кредитных учреждений, о стабилизации валюты и о денежных реформах и т. п.

Таким образом, сближение окраинных государств в их совокупности выражается лишь в заключении между ними ряда соглашений по специальным вопросам экономического характера. Все попытки, направленные на тесное политическое объединение всех окраинных государств, остаются бесплодными, разбиваясь об упорное сопротивление, оказываемое то одним, то другим государством. На том фундаменте, который был заложен Рижской конференцией 1920 г., до сего времени не воздвигнуто спроектированное ею союзное строение. По какому пути направится дальнейшее развитие идеи Прибалтийского союза — может решить только будущее.

УКАЗАТЕЛЬ

важнейшей использованной литературы.

I. Книги, справочники и главнейшие журнальные статьи.

1. P. Herre u. K. Jagow. Politisches Handwörterbuch. I и II BB. Leipzig. 1923.
2. The Statesman's Yearbook на 1923 и 1924 гг.
3. Hübner's geographisch-statistische Tabellen. Berlin. 1924.
4. Ежегодник Коминтерна на 1923 г.
5. В. Э. Ден. Курс экономической географии. Лгр. 1925.
6. Н. В. Болдырев и С. Я. Гессен. Современная Европа. Лгр. 1925.
7. М. Б. Вольф и Г. А. Мебус. Очерки по экономической географии иностранных государств. Лгр. 1925.
8. М. Б. Вольф и Г. А. Мебус. Современные государства в фактах и цифрах. Лгр. 1925.
9. В. Н. Дурденевский. Послевоенные конституции Запада, вып. I. М.—Л. 1924.
10. Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. 2-е изд. Лгр. 1922.
11. Е. А. Коровин. Международное право переходного времени. М. 1924.
12. И. Майский. Внешняя политика РСФСР. М. 1923.
13. Ю. Мархлевский. Польша под иноземным игом. М. 1920.
14. Его же. Социальные отношения в Польше. М. 1920.
15. Его же. Польша и мировая революция. М. 1920.
16. Его же. Революционное движение в Германии и Польше. Екатеринбург. 1923.
17. Будкевич. Польша. М. 1924.
18. Красная Книга. (Офиц. сборник дипломатич. документов о русско-польских отношениях). М. 1920.
19. Советская Россия и Польша. Изд. НКИД. М. 1921.
20. М. С. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии (1917—1918). П.—М. 1918.
21. В. Игельстром. Очерки современной Финляндии. М.—П. 1923.
22. Куусинен. Революция в Финляндии (самокритика). П. 1919.
23. Шлихтер. Наша соседка Финляндия. М. 1922.
24. Prof. A. Lindelof. Finnland. Berlin. 1919.

25. Franz Fromme. Finnlands Entwicklung zur Freiheit. (Deutsche Rundschau, März 1924).
26. Prof. Erich. Das öffentliche Recht Finnlands (Jahrbuch des öffentlichen Rechts. B. XI. 1922).
27. А. В. Сабанин. Первый международный договор Росс. Федерат. Республики. („Междунар. полит. и мировое хозяйство". № 4. 1918 г.).
28. Б. Э. Нольде. Независимая Финляндия. („Международная политика и мировое хозяйство". № 5. 1918).
29. Альберт Гран. Прибалтийские государства (Литва, Латвия и Эстония). М. 1922.
30. M. Martna. Estland, 1919.
31. M. Laserson. Lettlands staatsrechtliche Entwicklung. (Jahrbuch des öffentlichen Rechts. B. XI. 1922).
32. А. Х. Берг. Международное положение Латвии. П. 1918.
33. Моравский. Экономическое положение Литвы и Белоруссии. М. 1919.
34. Climas. La formation de l'état Lituanien. Paris. 1920.
35. Prof. A. Sack. Probleme der Geldreform in den baltischen Staaten (Weltwirtschaftliches Archiv. 20 Band. 1924).
36. Б. Э. Нольде. Вопросы международной жизни. („Вестник Европы", кн. 1—4. 1918).
37. Его же. Политическая карта Брестских договоров („Международная политика и мировое хозяйство", № 2. 1918).
38. Г. А. Ландау. Единая Россия. („Вестник Европы", кн. 4—6, 1917).
39. М. А. Полиевктов. Пограничный рубеж Европейской России в его историческом развитии („Междунар. полит. и миров. хоз.", № 5. 1918).
40. Die völkerrechtlichen Urkunden des Weltkrieges. Herausg. von Th. Niemeyer. VI B.—Die Friedenschlüsse 1918—1921. München u. Leipzig. 1922.
41. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Вып. I—V. 1921—1924.
42. Брест-Литовский договор. (Офиц. изд.). М. 1918.
43. Мирные переговоры в Брест-Литовске. (Полный текст стенограмм, изд. НКИД). М. 1920.
44. Политика Советской власти по национальному вопросу. М. 1920.

II. Периодические издания.

45. Weltwirtschaftliches Archiv 1923—1924.
46. Niemeyers Zeitschrift für internationales Recht. 1922—1924.
47. Jahrbuch des öffentlichen Rechts, herausg. von Piloty und Koellreutter. Tübingen. 1920—1922.
48. Die Tätigkeit des Völkerbundes. Genf. 1922—1924.
49. Berichte aus den neuen Staaten. Wien. 1922.
50. Revue des deux mondes. Paris, 1922—1924.
51. Revue générale du droit international. Paris. 1923—1924.
52. Journal du droit international. Paris. 1923—1924.
53. L'Europe nouvelle. Paris. 1922—1923.

54. The Fortninghy Review. London. 1923—1924.
55. Известия Министерства Иностранных Дел. 1914—1917.
56. Вестник Временного Правительства. 1917 г.
57. Собрание Узаконений и Распоряжений РСФСР. 1918—1924 гг.
58. Собрание Законов и Распоряжений СССР. 1923—1924.
59. Вестник НКИД. М. 1920—1921.
60. Бюллетени НКИД.—М. 1921—1922.
61. Международная Жизнь. М. 1922—1923.
62. Проблемы Великой России. 1914—1916.
63. Международная политика и мировое хозяйство. П. 1918.
64. Известия Петербургского комиссариата по делам национальностей. 1919 и 1920 гг.
65. Жизнь Национальностей. М. 1918—1922.
66. Материалы НКЮ. М. 1920—1921.
67. Право и Жизнь. М. 1918—1922.
68. Коммунистический Интернационал. М. 1918—1924.
69. Иностранное Торговое Обозрение. Орган торговых организаций СССР, представленных в Англии. 1923—1924.
70. Торговый Бюллетень. Еженедельник торгового представительства СССР в Германии. 1923—1924.
71. Известия ВЦИК (и ЦИК). 1918—1924.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Оглавление.

Стр.

Предисловие 3

Глава I. **Польша** 5

1. Возникновение Польского государства (5—14). 2. Русско-Польская война и мирный договор (14—20). 3. Хозяйственная жизнь (20—25). 4. Государственное устройство (25—30). 5) Внутреннее положение (30—34). 6. Международное положение (34—37).

Глава II. **Финляндия** 38

1. Возникновение Финляндского государства (38—44). 2. Гражданская война в Финляндии (44—47). 3. Брестский мирный договор и германская оккупация Финляндии (47—50). 4. Урегулирование отношений Финляндии с РСФСР и Западной Европой (50—57). 5. Хозяйственная жизнь (57—61). 6. Государственное устройство (61—65). 7. Внутреннее положение (65—71). 8. Международное положение (71—75).

Глава III. **Эстония** 76

1. Возникновение Эстонского государства (76—84). 2. Война с РСФСР и Юрьевский мирный договор (84—88). 3. Международное признание. (89—90). 4. Хозяйственная жизнь (90—93). 5. Государственное устройство и внутреннее положение (93—97). 6. Международное положение (97—98).

Глава IV. **Латвия** 99

1. Возникновение Латвийского государства (99—104). 2. Война с РСФСР и Рижский мирный договор (104—107). 3. Международное признание (107). 4. Хозяйственная жизнь (107—112). 5. Государственное устройство и внутреннее положение (112—117). 6. Международное положение (117—118).

Глава V. **Литва** 119

1. Возникновение Литовского государства (119—125). 2. Мирный договор с РСФСР (125—127). 3. Международное признание (127—128). 4. Хозяйственная жизнь (128—131). 5. Государственное устройство и внутреннее положение (131—136). 6. Международное положение (136—139).

Заключение 140

Литературный указатель 148

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“.
ПРАВЛЕНИЕ и РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 1. Тел. 586-11.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: Пр. 25 Октября, 52. Тел. 207-67 и 217-79.

П. И. ЛЯЩЕНКО.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.

Стр. 270. 2-е изд. Цена 1 руб,

А. ТЮМЕНЕВ.

От революции к революции.

(Из общественно-экономических итогов революции 1905 года).

Стр. 283. Цена 1 руб. 70 коп.

К. ТАЛЕС.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г.

Стр. 167. Цена 75 к.

М. ЦИЛЮМ.

В дни Коммуны.

(1871 г.).

Стр. 347. Цена 1 р. 50 к.

И. КАЛИНИН.

Под Знаменем Врангеля.

(Заметки бывшего военного прокурора).

Стр. 273. Цена 1 р. 40 к.

Английское революционное движение.

А. Е. КУДРЯВЦЕВ.

Великая Английская Революция.

Из серии учебников с хрестоматийным материалом.

Стр. 232. Цена 1 р. 25 к.

Содержанием книги является не столь английская революция, как таковая, а английский торговый капитализм в его характерных проявлениях. Хрестоматийная часть имеет ввиду лабораторную проработку периода самой революции.

Книжка вполне может служить учебным пособием как в школе II ст., так и в школах повышенного типа (парт-школы и др.).